

Стивен Кинг
Библиотечная полиция

Четыре после полуночи – 3

предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119251
«Библиотечная полиция : [роман] / Стивен Кинг»: АСТ: Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-066675-1, 978-5-271-28079-5

Аннотация

В библиотеке маленького айовского городка причудливо изгибаются пространство и время, из самых темных глубин подсознания выходит безжалостный мститель-полицейский, а тихая женщина постепенно обращается в жуткое нечто, питающееся человеческим страхом...

Стивен Кинг
Библиотечная полиция
Три после полуночи

Посвящается сотрудникам и посетителям Пасадинской публичной библиотеки

По поводу «Библиотечной полиции»

В то утро, когда началась эта история, я сидел и завтракал со своим сыном Оуэном. Жена уже отправилась наверх принимать душ и одеваться. Как всегда, в семь утра внимание наше было поделено между омлетом и газетой. Уиллард Скотт, привычный гость в нашем доме по будням, вещал с экрана про некую даму из Небраски, которой стукнуло сто четыре года, но ни один из нас внимания на телевизор не обращал. Словом, для семейства Кингов это было совершенно обычное деловое утро.

Оуэн оторвался от спортивного раздела газеты только для того, чтобы спросить меня,

не собираюсь ли я сегодня заглянуть в торговый центр – для школьного сочинения ему нужна была книга. Сейчас уже забыл, возможно, речь шла о «Джонни Тримейне» или об «Апрельском утре», романе Говарда Фаста про Войну за независимость. Но помню, что сын мой имел в виду одну из тех книг, которые просто так в магазине не встретишь: либо тираж уже распродан, либо ее только собираются допечатывать, либо еще что-то в том же духе.

Я посоветовал Оуэну воспользоваться местной библиотекой, имевшей прекрасную репутацию, так как был уверен, что уж там-то нужная ему книга наверняка найдется. Однако мой отпрыск недовольно буркнул что-то в ответ. Я разобрал всего пару слов, которые сразу привлекли мое внимание. «Библиотечная полиция» – вот что он сказал.

Я отложил свою половину газеты, нажал на пульте кнопку «выкл. звук», удавив Уилларда на полуслове вдохновенного репортажа о конкурсе красоты в Джорджии, и попросил Оуэна сделать мне любезность – повторить сказанное. Парень упирался, но я стоял на своем. Наконец он признался, что библиотекой пользоваться не любит из страха перед Библиотечной полицией. То есть, поспешно добавил мой сын, он прекрасно знает, что никакой Библиотечной полиции в природе не существует. Просто, насколько я понял, давали о себе знать давние детские страшилки, угнездившиеся в глубинах подсознания. Оуэну было лет семь или восемь, когда тетя Стефания, оказывается, поведала ему историю о Библиотечной полиции, и страх перед ней оказался на редкость живучим.

А вот меня рассказ сына привел в восторг. Ведь и я в детстве панически боялся Библиотечных полицейских – безликих и свирепых дяденек, – которые безо всяких там шуточек *могли вломиться к тебе домой*, если вовремя не вернуть взятые в библиотеке книги. История сама по себе скверная... а что, если книги эти отыскать не удастся? Что тогда? Что сделают с тобой эти громилы? Что заберут взамен пропавших томиков? Я уже давно не вспоминал Библиотечную полицию (хотя лет шесть или семь назад обсуждал эту тему с Питером Штраубом и его сынишкой Беном). Но вот теперь все вопросы, что я задавал себе в далеком детстве, все мои детские страхи снова возвратились ко мне.

В последующие три или четыре дня я постоянно ловил себя на том, что размышляю о Библиотечной полиции, и вскоре у меня стали появляться первые короткие наброски вот этого повествования. Нередко замыслы рождаются у меня именно подобным образом, но, как правило, я их «вынашиваю» намного дольше, чем в данном случае. Как бы то ни было, начав работу над романом, который так и назвал – «Библиотечная полиция», – я еще не слишком ясно представлял, во что это все выльется. Порой даже казалось, что из-под моего пера выйдет нечто забавное, наподобие деревенских кошмариков, которые так удачно лепил Макс Шулман. В конце концов, разве сама идея не забавна? Ну только подумайте – Библиотечная полиция! Чушь какая!

Я окончательно убедился в том, о чем догадывался и раньше: детские страхи поселяются в нас надолго, порой даже навсегда. Сочинительство – это почти всегда самовнушение, и давно забытые страхи, затаившиеся в вашей душе в раннем возрасте, могут неожиданно просыпаться и проявлять себя с необычайной силой.

Именно так и случилось со мной во время работы над новым произведением. А ведь в детстве я обожал посещать библиотеку, не мыслил себя без нее. Где еще можно было раздобыть интересные книги мальчику из довольно бедной семьи? Выстраивая этот роман, я постепенно вспомнил и осознал: когда-то, давным-давно, в глубине души я боялся заблудиться в лабиринте стеллажей книгохранилища, боялся, что меня не заметят в темном углу читального зала и запрут на всю ночь, боялся седовласую старушку-библиотекаршу в пенсне и с почти безгубым ртом; она всегда больно щипалась и шикала на нас, детей, когда мы забывали, где находимся, и начинали разговаривать слишком громко. И конечно же я панически боялся Библиотечную полицию.

В итоге мою новую рукопись постигла та же судьба, что и «Крестину». Написав каких-то тридцать страничек, я заметил, что юмор быстро улетучивается, а еще страниц двадцать спустя повествование уже вело меня по мрачным дебрям подземелья, в которых я так часто блуждал, но самые сокровенные закоулки его до сих пор так и не исследовал. В

конце концов мне удалось найти человека, которого я так долго разыскивал, и даже, набравшись храбрости, заглянуть в его безжалостные серебристые глаза. Я попытался набросать его портрет и показать тебе, мой Верный читатель, но не уверен, что мне это удалось.

Дело в том, что, когда я его рисовал, мои руки – как ни совестно в этом признаваться – тряслись от страха.

Глава 1 Замена

1

А виной всему, как решил потом Сэм Пиблс, был этот чертов акробат. Не нажришь он как свинья столь некстати, Сэм никогда не угодил бы в такой переплет.

Это еще полбеды, думал он с горечью, для которой имел уже полное основание, *что жизнь подобна узкому бревну, перекинутому через бездонную пропасть; бревну, по которому нам предстоит пройти с завязанными глазами. Это, конечно, скверно, но не безнадежно. Но вот когда при этом еще в спину толкают...*

Но обо всем этом потом. Сначала, еще до Библиотечной полиции, был напившийся в стельку акробат.

2

В Джанкшен-Сити последнюю пятницу каждого месяца в местном «Ротари-клубе» проводился традиционный вечер ораторов. В последнюю пятницу марта 1990 года бизнесменов должен был развлекать Невероятный Джо, акробат из странствующего цирка «Карри и Трембо».

Телефон на столе Сэма Пиблса в конторе «Компании по недвижимости и страхованию Джанкшен-Сити» зазвонил в четверг, в 16.30. Сэм снял трубку. Он всегда отвечал на звонки сам – лично или с помощью автоответчика, – поскольку являлся единоличным владельцем и служащим «Компании по недвижимости и страхованию Джанкшен-Сити». Человек он был небогатый, но вполне счастливый. Не уставал твердить, что первый «мерседес» – это дело будущего, и довольствовался почти новым «фордом», в придачу владел домом на Келтон-авеню.

Сэм любил повторять, что благодаря своему бизнесу стал стреляным воробьем, что на мякине его не проведешь, хотя и не представлял, что такое мякина. Полагал, что это нечто вроде пластилина.

– «Компания по недвижимости и...»

– Сэм, это Крейг. Акробат шею сломал.

– Что?

– Что слышал! – нервно проорал Крейг Джонс. – Паршивый акробат свернул себе шею!

– Ага, – выдавил Сэм. – Черт! – Затем, чуть поразмыслив, осторожно осведомился: – Он умер, Крейг?

– Нет, жив, хотя по мне – так лучше бы сдох. В больнице Сидар-Рapidс его дурацкую шею заковали в двадцать фунтов гипса. Билли Брайт мне позвонил и рассказал, что, оказывается, этот тип заявился на утреннее представление пьяный в сосиску и после первого же сальто плюхнулся прямо на голову, хруст был даже на галерке слышен. Словно кто-то на свежую корочку льда наступил.

– Фу-ты! – поморщился Сэм.

– Лично я ничуть не удивлен. Должен же Невероятный Джо оправдывать свою кличку. И вообще – что за дурацкое имя для циркового артиста? Я понимаю – Невероятный Рэндольф. Или хотя бы Невероятный Тортеллини. Но Невероятный Джо? По-моему, у этого

парня давненько неладно с мозгами.

– Господи, скверная история!

– Да уж, мы теперь по уши в дерьме. И между прочим, старичок, остались без выступающего на завтрашний вечер.

Сэм уже жалел, что не ушел из конторы ровно в четыре. Крейгу пришлось бы изливать душу перед Сэмом-автоответчиком, тогда как у Сэма-человека было бы больше времени подумать. А он хорошо понимал, что время на раздумья ему понадобится, и очень скоро. Но еще лучше Сэм понимал, что Крейг Джонс не даст на размышление ни минуты.

– Да. Похоже, что это так. – Сэм надеялся, что его слова прозвучали философски и с достаточной долей сочувствия. – Прескверная история.

– Разумеется, – подтвердил Крейг и тут же взорвал бомбу. – Но я знаю, ты с радостью заткнешь брешь своим телом и не дашь нашему кораблю пойти ко дну.

– Я? – в ужасе выкрикнул Сэм. – Крейг, ты шутишь! Я и кувырка-то не могу сделать, не говоря уж о сальто...

– На мой взгляд, ты вполне способен порассуждать о важной роли частного бизнеса в жизни нашего городка, – неумолимо продолжил Крейг Джонс. – Второй вариант на выбор – бейсбол. Если и это не устраивает, то тебе остается только снять штаны и потешить аудиторию своим голым задом. Учти, Сэм, я ведь не просто президент ораторского комитета, хотя и это немало. После того как Кенни уехал, а Карл отошел от дел, весь ораторский комитет – это я. Ты должен мне помочь. На завтрашний вечер мне необходим выступающий. Во всем нашем чертовом клубе можно найти лишь полдюжины парней, на которых я могу положиться, и ты один из них.

– Но...

– Ко всему прочему ты единственный, к кому я еще ни разу не обращался в подобной ситуации. Словом, старина, ты избран единогласно.

– Фрэнк Стивенс...

– ...уже подменял в прошлом году парня из профсоюза, которого осудили за мошенничество. Как ни крути, Сэм, – очередь твоя. Ты не имеешь права подвести меня. Ты мой должник!

– Но я занимаюсь страхованием! – взвыл Сэм. – Если не выписываю полисы, то продаю фермы! Причем в основном банкам. Любой скажет – во всем свете нет занятия скучнее. Или даже отвратительнее.

– Пустяки, – отмахнулся Крейг, хладнокровно добивая свою жертву. – Сам знаешь, к концу ужина все уже назюсюкаются в стельку. В субботу утром никто и слова из всей твоей речуги не вспомнит. Но в данную минуту мне необходим оратор на завтрашний вечер, и им будешь ты!

Сэм еще вяло поупирался, но Крейг был непреклонен. Все жалобные стенания и доводы Сэма в пух и прах разбивались о его краткие, но веские приказания. Надо. Должен. Придется.

– Ну хорошо, – уступил наконец Сэм. – Хватит! Сдаюсь.

– Вот и умница! – похвалил Крейг, голос его вмиг сделался масляным. – Помни – не больше тридцати минут. На вопросы можно еще минут десять отвести. Если они возникнут, конечно. Впрочем, при желании задницей тоже можешь покрутить. Сомневаюсь, будут ли они в состоянии ее разглядеть, но...

– Хватит, Крейг! – взмолился Сэм. – Это уже чересчур.

– О'кей. Извини! Закрываю поддувало! – Крейг довольно хихикнул.

– Ладно, давай заканчивать. – И Сэм извлек из ящика стола пластинку «Тамс», пилюли от изжоги; ему внезапно показалось, что в ближайшие часов двадцать восемь ему предстоит поглощать их одну за другой. – Сейчас мне по твоей милости придется засесть за эту чертову речь.

– Умница, – похвалил Крейг. – Запомни только – ужин начинается в шесть, а твое выступление назначено на половину восьмого. Что ж, алоха, как говорят у нас на Гавайях.

Пока.

– Алоха, Крейг.

Сэм положил трубку, задумчиво уставился на телефон. К горлу уже подкатила горечь. Он громко рыгнул. Проклятие, а ведь еще пять минут назад в желудке были тишь да гладь!

И он проглотил первую пилюлю. Господи, сколько их еще будет?

3

И вот, вместо того чтобы, как планировал ранее, идти в кегельбан, Сэм заперся дома в кабинете – с блокнотом, тремя остро заточенными карандашами, пачкой «Кента» и полудюжиной банок пива «Джолт». Выдернув из розетки телефон, он закурил и хмуро уставился на желтоватую страничку. Пять минут спустя вывел вверх:

МАЛЫЙ БИЗНЕС: ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННОЙ СИЛЫ АМЕРИКИ

Сэм произнес заглавие вслух, и ему понравилось. Может, и не совсем здорово, но недурно, вполне недурно. Не фонтан, конечно, но куда лучше, чем, скажем: «Коммунизм – угроза и опасность». К тому же прав Крейг – в субботу утром большинство членов клуба будут страдать от такого похмелья, что не вспомнят ни слова из его вчерашней речи.

Приободрившись, Сэм начал строчить:

«Когда в 1984 году я переехал в Джанкшен-Сити из могучего и процветающего Эймса...»

4

– «...вот почему сейчас, как и ясным сентябрьским утром 1984 года, я свято убежден, что малый бизнес не просто источник жизненной силы, но и основа процветания Америки, и даже всего Запада». – Сэм замолчал, загасил сигарету в пепельнице на столе своего офиса и выжидательно посмотрел на Наоми Хиггинс.

– Ну как вам?

Наоми была хорошенькая молодая женщина из Провербии, городка, раскинувшегося в каких-то четырех милях к западу от Джанкшен-Сити. Она жила со старенькой мамой в полуразвалившейся хибаре на берегу речушки Провербия-Ривер. Большинство членов «Ротари-клуба» знали Наоми, время от времени предлагая пари на то, какое событие случится раньше – обрушится ее лачуга или протянет ноги старушка-мать. Сэм не был уверен, заключалось ли хоть одно из таких пари на самом деле, но время от времени в чьих-то устах разговоры об этом возникали вновь и вновь.

Окончив колледж бизнеса в Айова-Сити, Наоми не только прекрасно стенографировала, но и быстро расшифровывала свою скоропись. Поскольку никто из женщин в Джанкшен-Сити таким талантом не обладал, немногочисленные бизнесмены буквально разрывали Наоми на части. Вдобавок, что также не вредило делу, у девушки были изумительные ножки. По утрам в будние дни она поочередно работала на пятерых клиентов – четверых мужчин и одну женщину. Среди них были два адвоката, банкир и два торговца недвижимостью. А днем Наоми возвращалась в свою развалюху, ухаживала за матерью и распечатывала надиктованные тексты.

Сэм Пиблс пользовался услугами Наоми по пятницам с десяти утра до полудня, однако сегодня утром он отложил корреспонденцию в сторону – хотя среди писем были такие, на которые требовалось срочно ответить, – и спросил Наоми, не согласится ли она его выслушать.

– Конечно, – кивнула Наоми.

Она немного встревожилась, подумав, не собирается ли Сэм, который одно время

приударял за ней, сделать ей предложение. Но как только Сэм пояснил, что от нее всего-навсего требуется прослушать его тексты, Наоми успокоилась и в течение двадцати шести минут слушала речь с неподдельным вниманием.

– Не бойтесь, говорите правду, – потребовал Сэм, не дав ей и рта раскрыть.

– Хорошо, – одобрила Наоми. – Очень интересно.

– Не опасайтесь меня обидеть, – подначивал Сэм. – Выкладывайте все как есть, начистоту.

– Я и говорю. Все вполне нормально. К тому же, когда вы закончите, они уже...

– Наклюкаются и упадут под стол, – перебил Сэм. – Я и сам знаю.

Если поначалу такая перспектива его даже вдохновляла, то теперь немного разочаровывала. Слушая себя, он и сам пришел к выводу, что речь удалась.

– Одно только... – задумчиво начала Наоми.

– Что? – встрепенулся Сэм.

– Текст немного... как бы сказать... Ну, в общем, суховат, – нашлась она.

– Вот как, – огорченно вздохнул Сэм и протер глаза: до часа ночи он не вставал из-за стола, сначала сочиняя речь, а затем исправляя отдельные места.

– Но это легко поправить, – заверила Наоми. – Загляните в библиотеку и возьмите там пару книжек.

У Сэма вновь заняло под ложечкой, и он поспешно схватил пилюли. Только библиотеки ему не хватало! Ради какого-то идиотского выступления в «Ротари-клубе». Он еще ни разу не посещал местную библиотеку и особого желания нарушать свою традицию не испытывал. Однако Наоми слушала с таким вниманием, так старалась помочь, что с его стороны будет невежливым хотя бы не выслушать девушку.

– Что за книжки?

– Ну... всякая ерунда для развлечения. Вроде... – Наоми замялась, подыскивая нужное сравнение. – Помните жгучий соус-приправу, который подают в китайском ресторанчике?

– Да...

– Вот в таком духе. Шутки всякие, анекдоты. Потом еще очень полезная книга – «Любимые стихи американцев». В ней тоже может оказаться что-то полезное. Вдохновляющее по меньшей мере.

– Неужели там есть стихотворения, посвященные малому бизнесу? – усомнился Сэм.

– Стихотворные цитаты поднимают настроение. Не важно ведь, Сэм, о чем идет речь, главное – как их подать.

– Неужели в библиотеке есть сборники анекдотов специально для подобных случаев? – недоверчиво спросил Сэм, но тут же припомнил: в библиотеках попадаются даже книжонки, посвященные мелкому ремонту и модным парикам.

– Да.

– А вы откуда знаете?

– Одно время, когда Фил Брейкман баллотировался в сенат, я перепечатывала его речи. Он пользовался одной из таких книжек. Название только не помню. Почему-то все время на ум приходит «Бульварный юмор», но это точно не так.

– По-видимому, – согласился Сэм, представляя, какого сногшибательного успеха добился бы, рассказав пару смачных скабрзностей из «Бульварного юмора».

Однако он уже сообразил, к чему клонила Наоми, и ее предложение начинало нравиться ему все больше и больше. В конце концов, почему бы и в самом деле не приукрасить речь, разбросав тут и там несколько изюминок? Тем более что библиотека для того и существует. Когда не можешь чего-то найти, всегда можно спросить библиотекаря. Он ведь не просто так там сидит, разве нет?

– В крайнем случае можно оставить все как есть, – сказала Наоми. – Они ведь и правда упьются в сосиску. – И с сочувствием посмотрела на Сэма, затем, уже строго, взглянула на часы. – Остался всего час. Займемся письмами?

– Нет, – покачал головой Сэм. – Перепечатайте-ка лучше мою речь.

Он уже принял решение, что в обеденный перерыв прогуляется в библиотеку.

Глава 2 Библиотека (I)

1

Хотя за годы проживания в Джанкшен-Сити Сэм проходил мимо библиотеки сотни раз, именно сегодня он впервые как следует взглянул на нее и – что удивительно – тут же ее возненавидел.

Публичная библиотека Джанкшен-Сити – мрачная гранитная коробка с узенькими, как средневековые бойницы, оконцами – располагалась на пересечении Стейт-стрит с Миллер-авеню. Крытая шифером крыша выступала козырьком со всех четырех сторон, поэтому из-за сочетания окон-щелей с тенью от крыши фасад был похож на хмурую физиономию каменного истукана. В Айове подобная архитектура была широко распространена, и Сэм Пиблс, торговавший недвижимостью без малого двадцать лет, окрестил этот стиль Средне-Западным Безобразием. Весной, летом и осенью окружавшие здание клены немного скрадывали его отталкивающий вид, но сейчас, в самый разгар суровой айовской зимы, клены стояли голые, а сама библиотека напоминала гигантский склеп.

Сэму почему-то стало не по себе; он и сам не мог понять, в чем дело. Библиотека как библиотека – не тюрьма же времен инквизиции с камерами пыток. К горлу вдруг подкатила изжога. По какой-то странной причине изжога эта напомнила Сэму нечто... кажется, из отдаленного прошлого. Он положил в рот пилюлю, разгрыз ее. Вдруг принял решение. Его речь и без цитат хороша. Не блистательная, но вполне приличная. Да и выступать ему предстояло не в ООН, а в местном «Ротари-клубе». К чертям все! Лучше вернуться в контору и заняться корреспонденцией, на которую утром не хватило времени.

Сэм уже повернул было вспять, но затем подумал: «Глупо все это. Чертовски глупо! Хочешь оставаться болваном? Пожалуйста. Но ведь ты согласился выступить, так почему бы не выступить с блеском?»

Сэм в нерешительности остановился на тротуаре перед входом в библиотеку. Сам он любил подтрунивать над «Ротари-клубом». Как, впрочем, и Крейг. Да и Фрэнк Стивенс. Молодые предприниматели Джанкшен-Сити поднимали встречи в клубе на смех. Но при этом почти никогда их не пропускали, и Сэму казалось, что он знает почему: в клубе заводили связи. Начинаящий бизнесмен мог познакомиться здесь с настоящими акулами местного делового мира. Вроде Элмера Баскина, например, банк которого два года назад сыграл главную роль в разорении торгового центра в Бивертоне. Или Джорджа Кэнди, который при желании с помощью одного звонка мог раздобыть трехмиллионные инвестиции.

Основной контингент клуба составляли мелкие сошки, болельщики студенческих баскетбольных команд, ребята, которые посещали парикмахерскую «Джимми», а спать ложились не в пижамах, а в майках и боксерских трусах, парни, способные целую ночь напролет кутить в барах. Но попадались среди них и финансовые гении Джанкшен-Сити, воротилы местного бизнеса. Не из-за них ли, кстати, Сэм с завидным постоянством посещал по пятницам этот клуб? И не из-за них ли Крейг так засуетился, когда паршивый акробатишка сломал свою дурацкую шею? Нет, шанс обратить на себя внимание таких людей дорогого стоит... но только в том случае, если не ударишь лицом в грязь! «К концу ужина все уже назюзюкаются», – сказал Крейг, да и Наоми так говорила, но Сэм вдруг с ужасом припомнил: он еще никогда не видел, чтобы Элмер Баскин пил что-нибудь крепче кофе. Никогда. И, возможно, не он один. Да, некоторые, конечно, упьются в стельку... Но отнюдь не все. А прелят бал именно те, кто не упивается.

Сыграй по-умному, Сэм, и устроишь свою судьбу. Ничего невозможного в этом нет.

Да. Маловероятно, конечно, но – возможно. К тому же в «Ротари-клуб» Сэма подталкивало не только желание встретить видных деятелей; он всегда гордился своим стремлением вкладывать душу в любую работу. Пусть даже дело и касалось какого-то пустячного выступления. Какая разница?

А тут его смутила какая-то задрипанная библиотека. Не пасовать же перед ней, в самом деле? Абсолютная дыра – даже кусты вокруг не растут.

Сэм уже двинулся было к крыльцу, но внезапно остановился как вкопанный. Странно, и почему вдруг ему взбрела на ум эта странная мысль? Да, кусты вокруг библиотеки не растут – и что тут такого? Сэм не мог понять, в чем дело, но почему-то именно отсутствие кустов волшебным образом повлияло на него. Забыв сомнения, он решительно поднялся по четырем каменным ступенькам, на мгновение приостановился. Здание казалось совершенно пустым. Он подумал: «Держу пари, что дверь заперта. В пятницу днем библиотека, наверное, закрыта». Почему-то это предположение его согрело.

Однако старинная ручка поддалась нажиму, и тяжелая дверь бесшумно распахнулась внутрь. Сэм очутился в тесном фойе с мраморным полом в черно-белую клетку. В центре одиноко торчал щит на одноногой стойке. На щите крупными буквами было выведено одно слово:

ТИШИНА!

И все. Даже не

МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО!

или

ПРОСЬБА НЕ ШУМЕТЬ!

а одно-единственное слово, сердитое и хмурое:

ТИШИНА!

– Ну-ну... – покачал головой Сэм.

Пробормотал он это еле слышно, но акустика была такая, что тихое бормотание разнеслось и многократно усилилось под сводами, заставив его поежиться. Сэм буквально ощутил, как отразилось его «ну-ну» от высоких потолков. Вдруг на мгновение показалось, что он снова учится в четвертом классе, а миссис Гластерс собирается устроить ему нахлобучку за дурное поведение. Он боязливо оглянулся по сторонам, словно опасаясь, что из темного угла вынырнет разгневанная нарушением тишины библиотекарьша.

Ладно, хватит дурака валять, приятель. Тебе уже сорок. Ты уже давно отучился в четвертом классе.

Хотя Сэму вовсе не казалось, что это было уж так давно. Именно здесь, в этом странном фойе, четвертый класс представлялся совершенно осязаемым, настолько близким, что его можно было потрогать, лишь слегка вытянув руку.

Осторожно, стараясь не топать, Сэм пересек фойе слева от щита с предупреждающей надписью и вошел в главный вестибюль Библиотеки Джанкшен-Сити.

С потолка (который был футов на двадцать выше, чем в фойе) свешивались стеклянные

шары, но ни один из них не горел. Свет проникал через два огромных слуховых окна, прорезанных в крыше. В солнечные дни здесь довольно светло; вестибюль даже выглядел веселым и гостеприимным. Но в эту пятницу небо заволокло свинцовыми тучами, и внутри царил серый полумрак. В углах пугающе темнели неясные тени-паутины.

Сэма Пиблса охватила неясная тревога. Как будто он что-то натворил. Не просто открыл дверь и пересек фойе, а вошел в какой-то незнакомый мир, не имевший ничего общего с захолустным городком в штате Айова, который он порой любил, порой ненавидел, а чаще всего просто воспринимал как должное. Даже воздух в помещении был словно гуще и тяжелее. Тишина же и вовсе казалась материальной – густой, толстой, как одеяло, и ледяной, как снег.

В библиотеке не было ни души.

Со всех сторон высились безмолвные ряды книжных стеллажей. Сэм посмотрел наверх, на зарешеченные окна в крыше, и у него вдруг закружилась голова. На мгновение даже почудилось, что его самого подвесили за лодыжки и он висит вниз головой над глубокой квадратной ямой, заставленной книжными стеллажами.

Тут и там возле стен стояли раздвижные лестницы на резиновых колесах. Посреди обширного пустого пространства возвышались два деревянных островка. Первый – длинная дубовая подставка для журналов. Многочисленные журналы, каждый в пластиковом пакете, стояли в отдельных ячейках. Они чем-то напомнили Сэму шкурки неведомых зверюшек, выставленные на просушку. Плакат на самом верху подставки гласил:

ВОЗВРАЩАЙТЕ ВСЕ ЖУРНАЛЫ НА МЕСТО!

Слева от этого сооружения торчал одинокий книжный шкаф с новенькими книгами; здесь разместились беллетристика и научно-публицистические издания. Плакат на этом шкафу извещал, что все, взятое отсюда, должно быть возвращено не позднее чем через неделю.

Сэм двинулся по широкому проходу между стойкой с журналами и книжным шкафом. Как ни старался он ступать тише, каблуки его звонко цокали, а стук шагов перекатывался эхом под высоченными потолками. Сэм уже жалел, что пришел сюда, а не возвратился в контору.

Все здесь внушало ужас.

На столе библиотекаря мерно жужжал включенный аппарат для просмотра микрофильмов, но и за столом тоже никого не оказалось. Только стояла небольшая табличка, на которой было выведено:

А. ЛОРЦ.

Самого же или самой А. Лорц нигде не было видно.

«Должно быть, сидит в каком-нибудь углу, погрузившись в свежий выпуск «Библиотечного журнала», – подумал Сэм, и ему вдруг захотелось заорать: «Как дела, А. Лорц? Все в порядке?»

Но желание это тут же прошло. Публичная библиотека Джанкшен-Сити совершенно не подходила для подобных ребяческих выходов.

Внезапно Сэму вспомнилась забытая детская считалочка: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить – все равно тебе водить». «Интересно, – подумал Сэм, – если скорчить рожицу или показать язык – заставит ли тебя водить А. Лорц?» И снова оглянулся по сторонам, каждой клеточкой своей впитывая в себя жутковатую атмосферу.

Позабыв уже о своем намерении взять сборник анекдотов или «Любимые стихи

американцев» и вопреки собственным ожиданиям заинтригованный этим необычным местом, Сэм направился к двери справа от шкафа с новинками. Судя по табличке, там размещалась детская библиотека. Брал ли он книги в библиотеке, когда был маленьким и жил в Сент-Луисе? Сэму казалось, что да, хотя воспоминания были неясные, расплывчатые, так и норовившие ускользнуть. Тем не менее Сэму вновь стало не по себе. Ему вдруг показалось, что он снова возвращается туда, где уже когда-то, очень давно, побывал.

Дверь была закрыта. На ней висел плакат, изображающий Красную Шапочку, которая только что поняла, что перед ней Серый Волк, а не бабушка. Волк был облачен в бабушкин чепец и в ночную рубашку. С его оскаленных клыков капала пена. На лице Красной Шапочки застыл леденящий ужас. Смысл этой картинки, видимо, состоял в том, чтобы доказать: счастливый конец такой сказки – выдумка взрослых. Только безмозглые родители могут верить этой белиберде, говорило белое как мел лицо Красной Шапочки, а вот дети – никогда!

Замечательно, подумал Сэм. Самый подходящий плакат, чтобы привлечь детишек в библиотеку. Должно быть, малышня его обожает.

Открыв дверь, он заглянул внутрь. И тут же страхи Сэма рассеялись; он был очарован, и мгновенно.

Эта картинка на двери конечно же ровным счетом ничего не значила. Да и сам он, разумеется, посещал библиотеку, будучи малышом; одного взгляда на этот миниатюрный мирок хватило, чтобы все вспомнить.

Отец умер молодым, и Сэма воспитывала мать. Она столько работала, что мальчик видел ее разве что по воскресеньям и праздникам. Если денег на кино после школы наскрести не удавалось – а такое случалось очень часто, – Сэм отправлялся в библиотеку. И вот теперь комната, в которой он оказался, пробудила ностальгические воспоминания, одновременно милые, щемяще тоскливые и чем-то пугающие.

Да, тогда окружавший мир представлялся Сэму совсем крохотным, как и этот мирок, в котором он оказался сейчас. Как и в детстве, светлом и радостном даже в самые дождливые и пасмурные дни, здесь было светло. И никаких тебе висячих шаров из стекла; нет, эту комнату освещали лампы дневного света, укрепленные на низком потолке под матовыми плафонами; все они горели. Столы здесь были совсем маленькие. Стульчики же казались просто игрушечными. Да, взрослые в этом мирке выглядели бы незваными пришельцами, настоящими чужеземцами. Присев за стол, они непременно поддели бы его коленками, а захотев напиться из фонтанчика в дальней стене – расквасили бы себе носы.

Стеллажи с книгами здесь не подавляли, да и потолки были довольно низкие; не настолько, впрочем, чтобы детишкам тут казалось тесно и неудобно. Отсутствовали здесь и нескончаемые ряды угрюмых корешков, а книжки, напротив, были все как на подбор яркие и красочные: синие, красные, желтые. Правил этой Волшебной страной Оз, а принцесса Дороти с друзьями путешествовала из Страны Гилликинов в Страну Кводлингов, стремясь в Изумрудный Город. Сэм вновь ощутил себя мальчишкой, заглянувшим после школы в библиотеку. Каждая книжка здесь словно молила, чтобы ее взяли в руки, потрогали, посмотрели, полистали. И все-таки во всем этом было нечто отталкивающее.

На стене висела фотография щенка с огромными задумчивыми глазищами. Под трогательной мордашкой щенка была начертана одна из величайших человеческих мудростей: БЫТЬ ХОРОШИМ ОЧЕНЬ ТРУДНО. На противоположной стене красовался плакат, на котором была нарисована утка с выводком утят; они ковыляли по берегу к воде. УСТУПИТЕ ДОРОГУ УТЯТАМ! – призывала картинка.

Сэм посмотрел налево, и улыбка тут же сползла с его лица. На плакате был изображен огромный темный автомобиль, отъезжающий от школы. К боковому стеклу прижался мальчонка, рот которого был широко раскрыт в безмолвном вопле ужаса. А за ним темнел зловещий силуэт неведомого мужчины, вцепившегося в руль. Подпись гласила:

НИКОГДА НЕ САДИСЬ В МАШИНУ НЕЗНАКОМЦА!

Сэм понял, что и этот плакат, и картинка с Красной Шапочкой были призваны всего-навсего воспитать в детях чувство опасности, но его это почему-то встревожило. Разумеется, дети не должны подсаживаться в машины к незнакомым дяденькам, приглашающим прокатиться, но разве так следует учить этому?

Господи, подумал он, и скольких ребятишек должны по ночам мучить кошмары после этих плакатов?

При виде же следующего плаката, прямо над столом библиотекаря, по спине Сэма пробежал холодок и поползли мурашки.

Мальчик и девочка, лет восьми, в испуге жались друг к другу и пятились от огромного мужчины в полушинели и серой шляпе. Ростом великан был не меньше одиннадцати футов; тень его зловеще падала на поднятые в страхе детские лица. Тень отбрасывала и широкополая, в стиле 40-х годов, шляпа, а глубоко посаженные глаза угрожающе сверкали. Колючий взгляд, казалось, пронизывал бедных детишек насквозь. В вытянутой руке сверкала бляха со странного вида звездой – Сэму показалось, что у нее девять лучей. А то и десять. Призыв внизу плаката был такой:

НЕ СТАЛКИВАЙТЕСЬ С БИБЛИОТЕЧНОЙ ПОЛИЦИЕЙ! ХОРОШИЕ МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ СДАЮТ КНИЖКИ ВОВРЕМЯ!

Сэм вдруг почувствовал во рту приторный вкус. Станный и неприятный. В следующее мгновение вихрем пронеслась пугающая мысль: *Я уже где-то видел этого человека!* «Нет, это, конечно, нелепо, – отмахнулся Сэм. – Чушь какая!»

Сэм невольно представил, как испугался бы в детстве при виде такого плаката, сколько радости и удовольствия от посещения библиотеки похитило бы у него столь мрачное предостережение, и почувствовал, как внутри вскипает негодование. Сделав шаг к плакату, чтобы рассмотреть странную звезду поближе, он достал из кармана коробочку с пилюлями и уже отправлял одну в рот, когда сзади послышался голос:

– О, здравствуйте!

Сэм подпрыгнул и развернулся, готовый вступить в бой с библиотечным монстром, вырвавшимся на свободу.

2

Однако никаких монстров не увидел. Перед ним стояла дебелая седовласая женщина лет пятидесяти пяти и придерживала груженную книгами тележку на резиновых колесиках. Ее миловидное, еще не изборожденное морщинами лицо обрамляли серебристые волосы, видимо, после химической завивки.

– Вы, наверное, меня ищете? – спросила она. – Вас мистер Пекхэм сюда направил?

– Нет, я вообще никого не видел.

– В самом деле? Наверное, он уже домой ушел, – развела руками женщина. – Меня это ничуть не удивляет, ведь сегодня пятница. Мистер Пекхэм приходит сюда каждое утро к одиннадцати. Вытирает пыль и читает утреннюю газету. Он у нас вроде вахтера. На сдельной оплате. Иногда, правда, задерживается до часу. Или даже до половины второго – в понедельник, например. В понедельник ведь и пыли больше всего скапливается, да и газеты самые толстые. В пятницу же, сами знаете, совсем тонюсенькие выпуски.

Сэм улыбнулся:

– А вы, значит, библиотекарь?

– Да, – улыбнулась в ответ миссис Лорц. Правда, Сэму показалось, что глаза ее не улыбаются; они смотрели на него пристально и почти холодно. – А вы...

– Сэм Пиблс.
– А, недвижимость и страховка! Знаем, знаем.
– Точно.
– Извините за то, что в главном зале никого не было. Вы, должно быть, решили, что мы уже закрылись, а входную дверь забыли запереть по ошибке.

– Откровенно говоря, – признался Сэм, – я подумал о чем-то подобном.
– С двух до семи нас здесь обычно трое. В два часа ведь уроки в школах уже кончаются. Дети, видите ли, главные наши читатели. И самые преданные. Лично я в детишках просто души не чаю. Когда-то у меня помощница была, но в прошлом году муниципалитет урезал наш бюджет на восемьсот долларов и... – Миссис Лорц сложила руки вместе и изобразила улетающую птичку.

Жест был забавный и трогательный. «Почему же я не тронут и не улыбаюсь? – удивился Сэм. – Наверное, из-за плакатов», – решил он. Красная Шапочка, кричащий ребенок в автомобиле и хмурый Библиотечный полицейский упорно не шли у него из головы.

Миссис Лорц приветливо и непринужденно протянула ему левую руку – маленькую и пухленькую, как и она сама. Сэм заметил, что кольца на среднем пальце нет; значит, она вовсе не «миссис». Дева. Что ж, обычное дело для маленького провинциального городка. Что-то в этой даме есть карикатурное. Сэм пожал ей руку.

– Вы, по-моему, ни разу у нас не были, мистер Пиблс?
– Да, боюсь, что это так. Прошу вас, зовите меня Сэм. – Он и сам не знал, хочет ли, чтобы эта женщина называла его так, но деловая привычка взяла свое – в маленьком городе легче торговать, когда тебя знают и зовут по имени.

– Спасибо, Сэм.
Он рассчитывал, что и женщина представится в ответ, но та лишь выжидательно смотрела на него.

– Я оказался в затруднительном положении, – начал Сэм. – Наш сегодняшний лектор в «Ротари-клубе» пострадал в результате несчастного случая...

– Ах, какой ужас!
– И не только для него – для меня тоже. Мне придется заменить его.
– О-о-о! – протянула мисс Лорц.

Голос ее был преисполнен сочувствия, а вот глаза вдруг как-то странно заблестели. Сэм поймал себя на том, что никак не может подобрать ключик к этой женщине; он, который всегда мгновенно находил контакт с людьми (хотя бы поверхностный); он, почти не имеющий близких друзей, но тем не менее всегда затевающий в лифте разговоры с незнакомцами.

– Вчера вечером я написал речь, а сегодня утром прочитал ее одной молодой женщине, которая стенографирует и перепечатывает...

– Держу пари, что это Наоми Хиггинс.
– Да... откуда вы знаете?
– Наоми ведь у нас завсегдатай. Она кучами берет любовные романы – Дженнифер Блейк, Розмари Роджерс, Пол Шелдон и тому подобное. – Мисс Лорц вдруг перешла на шепот: – Уверяет, что, дескать, берет эти книжки для матери, но я убеждена, что она и сама их читает.

Сэм расхохотался. Ему не раз приходилось видеть в глазах Наоми мечтательное выражение, столь характерное для поклонниц романтического жанра.

– В любом случае она единственная женщина в нашем городе, обладающая профессиональными навыками секретаря. Так что нетрудно было догадаться, кого вы имели в виду.

– Да, вы правы. Наоми моя речь понравилась – так, во всяком случае, она сказала, – правда, сочла ее несколько суховатой и посоветовала мне воспользоваться...

– «Помощником оратора» – не сомневаюсь!

– Точное название она не вспомнила, но, похоже, имела в виду *именно это*. – Чуть помолчав, Сэм взволнованно спросил: – А шутки и анекдоты в нем есть?

– Да, каких-нибудь триста страниц, – ответила мисс Лорц и, вытянув правую руку – тоже без колец, – прикоснулась к его рукаву. – Пойдемте со мной. – Так и провела Сэма до двери, держа за рукав. – Я помогу вам. Надеюсь только, что в следующий раз вы заглянете к нам сами, не дожидаясь критической ситуации. Библиотека у нас, правда, маленькая, но богатая. Впрочем, возможно, я не совсем объективна.

Они вошли в главный зал библиотеки, сразу оказавшись во власти мрачных теней. Мисс Лорц щелкнула несколькими выключателями у двери, и висючие шары вспыхнули, озарив зал мягким желтоватым светом.

– В пасмурные дни здесь бывает довольно *мрачно*, – доверительно промолвила она, по-прежнему не отпуская рукав Сэма. – Вам-то, конечно, известно, как в нашем магистрате негодуют из-за перерасхода электричества в подобных заведениях... В любом случае об этом несложно догадаться, не правда ли?

– Пожалуй, да, – согласился Сэм, тоже почему-то шепотом.

– Впрочем, это еще пустяки по сравнению со счетами за отопление зимой. – Она закатила глаза. – Нефть у них, видите ли, подорожала. А все эти чертовы арабы... Кошмар, что они вытворяют – нанимают религиозных фанатиков, чтобы убивать писателей!

– Да, тут они, пожалуй, перегибают палку, – согласился Сэм и неожиданно для себя снова вспомнил плакат с высоким мужчиной – тем самым, со странной звездой и зловещей тенью, падавшей прямо на перепуганные детские мордашки.

Он хотел уже спросить про все эти плакаты, но мисс Лорц опередила его.

– Дайте мне одну минутку, – попросила она и вдруг обхватила его за плечи, для чего ей пришлось встать на цыпочки; у Сэма даже мелькнула дурацкая мысль, что библиотекаря собираются поцеловать его, но она лишь таким необычным способом усадила его на деревянную скамью возле шкафа с новинками. – Я знаю, Сэм, где стоят нужные вам книги. Мне даже не надо уточнять это по каталогу.

– Но я бы и сам мог их взять...

– *Не сомневаюсь*, – сказала мисс Лорц, – но они находятся в справочно-библиографической секции, а я стараюсь по возможности ограничивать доступ туда. Может, я и излишне требовательна, но зато всегда знаю, где что найти. Сами знаете – люди такие неаккуратные, так редко соблюдают порядок. Тяжелее всего, конечно, с детьми приходится, хотя и среди взрослых порой такие хулиганы попадаются. Но вы не беспокойтесь. И глазом моргнуть не успеете, как я вернусь.

Он и не собирался возражать, хотя при всем желании не успел бы этого сделать. Мисс Лорц едва закончила фразу и – была такова. Сэм, сидя на скамье, вновь почувствовал себя четвероклассником, причем почему-то нашкодившим. Словно его наказали за какую-то шалость и запретили играть с другими ребятами.

Сэм слышал, как мисс Лорц возилась в комнатке за абонементным столом. Он осмотрелся по сторонам. Одни книги... ни тебе даже пенсионера какого-нибудь, углубившегося в газету или листающего журнал. Странно. Понятно, что наплыва читателей в такой библиотеке по будням ожидать не приходится, но чтобы совсем никого?

«Был здесь, правда, мистер Пекхэм, – вспомнил он, – но ушел домой, дочитав газету. *В пятницу же, сами знаете, совсем тонюсенькие выпуски. Да и пыли – кот наплакал*». И тут же сообразил: ведь о том, что мистер Пекхэм и вправду был здесь, он знал лишь со слов мисс Лорц.

Но с какой стати ей понадобилось врать?

Сэм этого не знал, да и сомневался, что библиотекаря солгала; однако сам факт того, что он усомнился в честности столь приятной на вид женщины, удивительным образом подчеркнул главную и странную особенность их знакомства: мисс Лорц не понравилась Сэму с первого взгляда. Даже несмотря на ее улыбки и обходительность.

«Все дело в плакатах. Ты уже заранее невзлюбил ВСЕХ, кто мог развесить подобные

творения в детской читальне. Впрочем, не все ли равно? Бери книги и выметайся отсюда».

Сэм беспокойно заерзал на скамье, задрал голову и увидел на стене изречение:

Если хочешь знать, как мужчина обращается с женой и с детьми, посмотри, как он относится к своим книгам.

Ральф Уолдо Эмерсон ¹.

Почему-то и этот афоризм Сэму не приглянулся. Он и сам не знал, по какой причине... возможно, потому, что считал: даже самый заядлый книжный червь должен обращаться с семьей чуточку лучше и бережнее, чем с обычным чтивом. Тем не менее изречение, начертанное золотыми буквами на дубовой панели, по-прежнему бросалось Сэму в глаза, словно призывая поломать голову над этим изречением.

Однако не успел Сэм погрузиться в размышления, как появилась мисс Лорц и приподняла планку, преграждавшую выход из-за стола в читальный зал.

– Кажется, Сэм, мне удалось раздобыть все, что вам требуется, – весело проворковала она. – Надеюсь, вы со мной согласитесь.

И вручила ему две книги. «Помощник оратора» под редакцией Кента Эдельмена и «Любимые стихи американцев». Содержание последней, судя по обложке (облаченной в прозрачную суперобложку), никто не редактировал, в строгом смысле слова; некая Хейзел Феллиман лишь отобрала для нее стихи. «Стихи о любви» – обещала реклама на обложке. «Стихи о матери и родном доме! Шутливые и пародийные! Стихи, которые чаще всего спрашивают читатели «Нью-Йорк таймс бук ревю!»» Из отзывов следовало также, что Хейзел Феллиман «держала руку на поэтическом пульсе всего американского народа».

Сэм воззрился на книгу с некоторым недоверием, но мисс Лорц без труда прочитала его мысли.

– Я понимаю, на первый взгляд они выглядят немного устаревшими, – сказала она. – Особенно в наше время, когда подобной литературы хоть пруд пруди. Не сомневаюсь, что, приехав в Сидар-Рапидс, вы легко в любом магазине найдете дюжину книг для начинающего оратора. Но ни одна из них, Сэм, этой даже в подметки не годится. Лично я считаю, что для любого начинающего лектора эта книга – просто находка.

– Для новичка то есть, – с улыбкой уточнил Сэм.

– В общем, да. Возьмем, скажем, «Любимые стихи американцев». Вторая часть, начинающаяся, если память мне не изменяет, на странице шестьдесят пять, называется «Вдохновение». Здесь вы наверняка найдете изюминку для своего выступления. Кстати, даже в том случае, если ваши слушатели начисто позабудут все остальное, хорошо подобранное стихотворение врежется им в память. Особенно если они слегка...

– Заложили за ворот, – ухмыльнулся Сэм.

– Я хотела сказать – навеселе, – промолвила мисс Лорц с легкой укоризной и протянула ему сборник «Помощник оратора», – хотя не сомневаюсь, вам это лучше известно.

На обложке карикатурист изобразил просторный зал, украшенный флагами. За столами с коктейлями и прочими спиртными напитками небольшими группками сидели мужчины в вечерних костюмах. Все веселились. Мужчина на сцене – тоже в вечернем костюме – радостно ухмылялся. Было видно, что его слушали с восторгом.

– В начале этого раздела приводятся общие советы о том, как строить речь, – сказала мисс Лорц. – Но поскольку мне не кажется, что вы собираетесь сделать риторику своей профессией...

– Это точно! – поспешил согласиться Сэм.

– ...то я предлагаю вам начать со следующего раздела, который называется «Речь живая и образная». В нем вы найдете множество шуток и анекдотов, разбитых на три категории: «Как их подготовить», «Как их распалить» и «Как подвести их к финишу».

¹ Эмерсон Ральф Уолдо (1803–1882) – американский философ и писатель. – *Здесь и далее примеч. пер.*

«Можно подумать, будто речь идет об учебнике для сексуально озабоченных», – подумал Сэм, но вслух, конечно, этого говорить не стал. Однако мисс Лорц снова разгадала его мысли.

– Возможно, это сейчас звучит несколько двусмысленно, но книга была издана в те годы, когда люди были проще и целомудреннее. А именно – в конце тридцатых.

– Да, это точно, – поддакнул Сэм, вспомнив предвоенные фильмы.

– Тем не менее обе книги нисколько не утратили актуальности, – промолвила мисс Лорц, для убедительности постукивая по обложкам костяшками пальцев. – А ведь что, Сэм, главное в бизнесе? Результаты?

– Да... пожалуй, да.

Он устремил на нее задумчивый взгляд, мисс Лорц приподняла брови и спросила:

– О чем вдруг задумались?

– О том, как удивительно это совпадение, – ответил он. – Не сказать чтобы неслыханное, но достаточно редкое. Я пришел сюда, чтобы взять пару книг – просто чтобы расцветить свое выступление, – и вдруг вы приносите мне именно те книги, ради которых я и пришел. Насколько редким можно считать подобное совпадение в жизни, когда даже мясник тебе специально пары приличных телячьих отбивных не подберет?

Она улыбнулась. Искренне на первый взгляд... но только Сэм вновь заметил, что ее глаза не улыбаются, казалось, их выражение не изменилось со времени его прихода – или ее прихода – в детский читальный зал. Глаза мисс Лорц пристально разглядывали его.

– Мне кажется, я только что выслушала комплимент!

– Да, мэм. Вы правы.

– Спасибо, Сэм. Большое спасибо. Говорят, лестью можно добиться чего угодно, но, боюсь, мне все равно придется попросить у вас два доллара.

– Вот как?

– Это обычная плата за оформление абонемента для взрослого, – пояснила она. – Он действителен в течение трех лет, а продление обойдется вам всего в пятьдесят центов. Устраивает?

– Вполне.

– Тогда пройдите сюда, пожалуйста.

Сэм проследовал за ней к столу.

3

Он заполнил формуляр – имя, фамилию, адрес, телефонные номера и место работы.

– О, я вижу, вы на Келтон-авеню живете. Замечательно!

– Мне нравится.

– Дома там большие и красивые – жаль, что вы не женаты.

Сэм испуганно вздрогнул:

– Как вы догадались?

– Так же, как и вы, – с хитрецей и чуть-чуть по-кошачьи улыбнулась мисс Лорц. – Кольца на среднем левом пальчике нет.

– Ах вот оно что! – смутился Сэм и выдавил из себя улыбку. Но, почувствовав, что она вышла не слишком лучезарной, покраснел как рак.

– Два доллара, пожалуйста.

Он протянул две однодолларовые бумажки. Мисс Лорц подошла к допотопной пишущей машинке на маленьком столике и быстро напечатала что-то на ярко-оранжевой карточке. Затем принесла ее к своему столу, расписалась с росчерком внизу, протянула карточку Сэму и попросила:

– Проверьте, пожалуйста, правильно ли я все записала.

Сэм проверил.

– Все верно.

Он заметил, что ее зовут Арделия. Красивое имя, хотя и довольно необычное.

Мисс Лорц взяла его новенький формуляр – Сэм припомнил, что это его первый формуляр после учебы в колледже, – и положила под аппарат для просмотра микрофильмов рядом с карточкой.

– Поскольку обе книги из справочно-библиографической секции, – сказала она, – держать вы их можете только одну неделю. В этой секции я храню книги, которые пользуются повышенным спросом.

– Неужели подготовка речей у нас сейчас в моде?

– Да, так же, как книги по ремонту сантехники, показу простейших фокусов, овладению хорошими манерами... Вы просто не поверите, за чем порой обращаются люди в трудную минуту. А вот я это знаю.

– Еще бы.

– Я уже давно занимаюсь этим делом, Сэм. Кстати, продлить срок пользования этими книгами я не могу, так что постарайтесь вернуть их к шестому апреля. – Она приподняла голову, и в глазах ее не то чтобы мелькнули огоньки, нет – глаза засияли. Торжественно и жутковато. Сэму вдруг ненадолго представилось, что вместо глаз у Арделии Лорц – две блестящие никелевые монетки.

– А если нет? – осведомился он, натянуто улыбаясь.

И она ответила:

– В противном случае мне придется отправить к вам Библиотечного полицейского.

4

На мгновение их взгляды скрестились, и Сэму вдруг показалось, что он видит *настоящую* Арделию Лорц – женщину, в которой нет ни тени очарования, ни мягкости, ни иных черт, какими могла бы обладать незамужняя библиотечарша как *женщина*.

«Эта женщина может быть опасна, – подумал Сэм, но тут же, немного сконфуженный, отогнал эту мысль прочь. Мрачный день, а возможно, и волнение из-за предстоящей речи – все это повлияло на его настроение. – Она не более опасна, чем сушеная слива... да и не в погоде вовсе дело, и даже не в этой чертовой речи. Все из-за этих паршивых плакатов».

Зажав под мышкой сборник «Помощник оратора» и «Любимые стихи американцев», Сэм уже у двери заметил, что Арделия Лорц провожает его. Он тут же остановился. Библиотечарша удивленно вскинула голову.

– Мисс Лорц, могу я задать вам один вопрос?

– Конечно, Сэм. Я для того и работаю здесь, чтобы на вопросы отвечать.

– Я имею в виду детский зал, – сказал Сэм. – А именно – вывешенные там плакаты. Некоторые из них меня просто поразили. Точнее, почти шокировали.

Он рассчитывал произнести это нравоучительным тоном баптистского проповедника, обнаружившего на столе у прихожанина свежий выпуск «Плейбоя», но так не удалось. «Потому, – решил Сэм, – что я вовсе не в назидание говорю. Я и вправду был *шокирован*, безо всяких «почти».

– Плакаты? – удивилась она, но уже в следующий миг ее лоб разгладился, и мисс Лорц рассмеялась. – Понимаю. Вы, разумеется, подразумеваете Библиотечного полицейского и Растяпу Саймона.

– Какого еще Растяпу Саймона?

– Я имею в виду плакат, на котором написано: «НИКОГДА НЕ САДИСЬ В МАШИНУ НЕЗНАКОМЦА!» А Растяпой Саймоном дети прозвали изображенного на нем мальчишку. Того, что кричит. Должно быть, прозвище ему дали в знак презрения. Что он разорался-то?

– Он не орет, он кричит от ужаса, – сухо пояснил Сэм.

– Кричит, орет – какая разница? – Мисс Лорц пожала плечами. – У нас таких случаев не бывает. Дети у нас славные – очень воспитанные.

– Не сомневаюсь, – произнес Сэм.

Уже в вестибюле Сэм снова увидел щит с надписью. Нет, не

МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО!

Или

ПРОСЬБА НЕ ШУМЕТЬ!

а лишь повелительное и беспрекословное:

ТИШИНА!

– К тому же это ведь с какой стороны посмотреть, не так ли?

– Наверное, – ответил Сэм.

Он прекрасно понимал, что его умело загоняют в угол и последнее слово при этом останется за Арделией Лорц. Сэму вдруг показалось, что для нее такое занятие привычно, и эта мысль тут же настроила его на боевой лад.

– И все-таки, на мой взгляд, такое недопустимо, – уже в дверях продолжил Сэм.

– В самом деле? – вежливо поинтересовалась мисс Лорц.

– Да. Они просто устрашающие. – Сэм наконец высказал то, что его мучило. – Нельзя вешать такие плакаты в местах, где бывают дети.

Сэм мог только надеяться, что слова его не производят впечатления ханжеских нравоучений. Но с досадой заметил, что мисс Лорц улыбается.

– Вы не первый человек, Сэм, кто говорит мне об этом. Бездетные взрослые хотя и редко, но заходят в этот зал, забирают чьих-то детей – дяди, тети, дружки матерей-одиночек, задержавшихся на работе... или люди вроде вас, Сэм.

Которые обращаются сюда в трудную минуту, добавили ее холодные серо-голубые глаза. Люди, которые обращаются сюда за помощью, а потом, ПОЛУЧИВ ее, начинают критиковать библиотекаря. И как она управляет Публичной библиотекой Джанкшен-Сити.

– Вы считаете, что я возвожу на вас напраслину? – примирительно промолвил Сэм, хотя на самом деле был готов рвать и метать, но привычка следовать правилам хорошего тона одержала верх.

– Вовсе нет. Просто мне кажется, что вы не понимаете. Прошлым летом, Сэм, мы провели голосование – в рамках ежегодной программы летнего чтения. Любой ребенок получает один голос за каждую прочитанную книгу. Таким образом мы поощряем детей, развивая у них привычку к чтению. Лично я вижу в этом свой основной долг.

Мы прекрасно знаем, что делаем, говорил Сэму ее твердый взгляд. В отличие от некоторых. Я еще держусь с вами вежливо. Хотя вы раньше сюда и не заглядывали, а теперь суете нос не в свое дело и еще критиковать меня вздумали.

Он почувствовал себя обвиняемым. Пока эта Лорц не одержала над ним верх в словесной дуэли, но Сэм прекрасно понимал, что его вынуждают отступить.

– Так вот, в результате последнего голосования любимым фильмом у детей был признан «Кошмар на улице Вязов. Часть 5». Любимой рок-группой стала «Ганз энд роуэзз», а на втором месте оказался Оззи Осборн, который, насколько я знаю, славится тем, что во время концертов откусывает головы живым зверькам. Любимой книгой избрали роман ужасов Роберта Маккаммона «Лебединая песня». Так вот, Сэм, мы никак не можем запастись этой книжкой в достаточном количестве. За несколько недель дети ее до дыр зачитывают. Я даже отдала переплести одну книгу, так ее тут же украли. Какой-то гадкий ребенок. –

Библиотекарша обиженно поджала губы. – Второе место занял другой роман ужасов – про кровосмешение и избиение младенцев – «Цветы на чердаке»². Он вообще уже пять лет кряду в лидерах ходит. Несколько человек даже «Пейтон плейс»³ назвали.

И она смерила Сэма вызывающим взглядом.

– Лично я «Кошмар на улице Вязов» не смотрела и смотреть не собираюсь. Я также никогда не слушала и не испытываю желания прослушать хоть одну пластинку Оззи Осборна, равно как и читать Роберта Маккаммона, Стивена Кинга или В. К. Эндрюс. Понимаете, куда я клоню, Сэм?

– Возможно. Вы хотите сказать, что было бы несправедливо... – Он замолчал в поисках подходящего слова, затем вспомнил его: – ...Навязывать детям свои вкусы.

Она снова улыбнулась – одними губами, но не глазами, в которых опять засияли никелевые монетки.

– В какой-то степени, но это *не все*. Те плакаты, что вы видели в детском читальном зале, присылают нам из Библиотечной ассоциации Айовы. БАА входит в Библиотечную ассоциацию Среднего Запада, а та, в свою очередь, состоит в Национальной библиотечной ассоциации. Последняя и получает львиную долю бюджетного финансирования. Следовательно, существует за счет налогоплательщиков. То есть нас с вами.

Сэм нервно переминался с ноги на ногу. Ему вовсе не улыбалось потратить день на лекцию по библиотечному делу; с другой стороны, разве он не сам на это напросился? Конечно, сам. Лишь в одном он был твердо уверен: Арделия Лорц с каждой минутой нравилась ему все меньше и меньше.

– Библиотечная ассоциация Айовы каждый месяц присылает нам бюллетень, в котором напечатано около сорока репродукций плакатов, – неумолимо продолжала мисс Лорц. – Любые пять мы можем выбрать бесплатно, а вот за каждый из последующих нужно платить три доллара. Вижу, вы уже торопитесь, Сэм, но вы заслужили того, чтобы я вам все объяснила, а мы уже как раз подошли к сути вопроса.

– Я? – встрепенулся Сэм. – Я вовсе не тороплюсь.

Мисс Лорц понимающе улыбнулась, обнажив два ряда ровных зубов; слишком ровных, чтобы быть настоящими.

– У нас есть специальный детский комитет, – сказала она. – Вас интересует, кто входит в его состав? Разумеется, одни дети! Девять человек. Четверо старшеклассников, трое учеников средних классов и двое из начальных. Привлекаем мы только хорошистов и отличников. Они сами выбирают некоторые книги, прошлым летом выбрали новые обои и столы... ну и плакаты, само собой разумеется, тоже они выбирают. Это, как выразился один из младших членов комитета, «самая потеха». *Теперь-то*, надеюсь, вы понимаете?

– Да, – кивнул Сэм. – Красную Шапочку, Растяпу Саймона и Библиотечного полицейского выбрали сами дети. А все потому, что дети обожают страшилки.

– Совершенно верно! – просияла мисс Лорц.

Внезапно Сэм почувствовал, что все – с него хватит. Он уже досыта сыт этой библиотекой. Не плакатами, нет, и даже не библиотекаршей, а самой библиотекой. Она вдруг представилась ему болезненной занозой в заднице. Нет, что бы это ни было – с него хватит!

– Скажите, мисс Лорц, а держите ли вы в детской читальне копию «Кошмара на улице Вязов. Часть 5»? Или пластинки «Ганз энд роуезз» и Оззи Осборна?

– Сэм, вы не поняли, – терпеливо начала она.

– А как насчет «Пейтон плейс»? Эту книгу вы тоже храните в детском зале, потому что кто-то из детишек удосужился ее прочитать? – И подумал при этом: «Неужели *кто-нибудь* по-прежнему читает такое старье?»

² Роман В. К. Эндрюс.

³ Роман Грейс Металиес.

– Нет, – покачала головой мисс Лорц, щеки которой от негодования порозовели; эта женщина явно привыкла к тому, чтобы ее слова принимали на веру. – Тем не менее мы держим книжки, в которых описываются вторжения в чужой дом, жестокое обращение с детьми и кражи со взломом. Я имею в виду «Златовласку», «Гензель и Гретель», а также «Джека и фасольку». Я рассчитывала, Сэм, что вы окажетесь понятливее.

«Конечно, вы ведь меня выручили, – подумал Сэм, – а я еще тут капризничаю. А разве вам платят не за то, чтобы вы советовали, какую книгу выбрать?» Однако он снова взял себя в руки. Кстати, что эта Арделия имела в виду под словами «такой человек, как вы»? Впрочем, *вдумываться* Сэму было некогда, так как он понял, что их дискуссия вот-вот перерастет в жаркий спор. А ведь он пришел сюда только для того, чтобы немного оживить свою речь, а вовсе не ради пререканий по поводу библиотечных правил, тем более в читальном зале для детей.

– Вы уж извините, если я сказал что-то обидное, – произнес он. – А теперь мне и правда пора идти.

– Хорошо, – ответила она. А глаза поведали: *Я не принимаю ваших извинений. Нечего было грубить.*

– Наверное, я просто немного нервничаю из-за предстоящего выступления, – добавил Сэм. – Полночи не спал, пока речь готовил.

И, угостив ее своей фирменной улыбкой, Сэм Пиблс поднял портфель.

Мисс Лорц немного успокоилась, однако глаза по-прежнему метали молнии.

– Понимаю. Мы поставлены здесь для того, чтобы служить людям, и рады любой здоровой критике со стороны налогоплательщиков. – Она слегка подчеркнула слово *здоровой*, давая тем самым понять, что критика мистера Пиблса к таковой не относится.

Теперь, когда все осталось позади, Сэму хотелось – его так и подмывало – загладить этот дурацкий конфликт, как морщинки на покрывале. «Деловая привычка, – подумал он, – или защитный рефлекс». Вдруг им овладела странная идея – а не поведать ли сегодня вечером в клубе о знакомстве с Арделией Лорц? Общение с ней позволило бы куда лучше понять, чем живет и дышит их городишко, нежели вся заготовленная с таким тщанием речь. Уж тогда его никто не обвинит в сухости. Вдобавок ротарианцам едва ли не впервые в истории клуба выпадет возможность услышать вполне правдивый рассказ.

– Ну хорошо, мы слегка погорячились, – словно со стороны, донесся до него его собственный голос, и тут же он увидел собственную протянутую руку. – Мне, конечно, не стоило затевать этот разговор. Надеюсь, вы не обиделись?

Библиотекарша прикоснулась к его руке. Легонько и как бы вскользь. Рука у нее была холодная. Сэму было очень неприятно. Словно поздоровался с ножкой торшера.

– Нисколько, – сказала мисс Лорц, но взгляд свидетельствовал об обратном.

– Что ж... Тогда мне пора.

– Да. И помните, Сэм, – не больше недели. – Она назидательно приподняла палец.

Полированный ноготь указывал на книги, которые он держал. Мисс Лорц улыбнулась. Что-то в ее улыбке начинало действовать Сэму на нервы, но он никак не мог решить, что именно.

– Мне бы не хотелось высылать к вам Библиотечную полицию.

– И мне тоже, – кивнул Сэм. – Я постараюсь вернуть книги в срок.

– Вот-вот, – промолвила Арделия Лорц, продолжая улыбаться. – Вы уж постарайтесь.

5

Сэм уже спустился с крыльца, но не прошел и до середины асфальтовой дорожки, как перед его глазами всплыло искаженное ужасом лицо мальчонки (*Растяпа Саймон – так его дети прозвали, хотя это не слишком здорово*), а с ним нахлынули и мысли; одна показалась Сэму настолько разумной и естественной, что он остановился как вкопанный. Да, предположим, что детский комитет и впрямь способен остановить выбор на подобном

плакате... но неужели Библиотечная ассоциация Айовы или какая-либо *иная* могла отправить такой плакат в *детскую библиотеку*?

Вспомнив ручонки мальчика, распластавшиеся на стекле автомобиля-похитителя, перекошенный кричащий рот, Сэм вдруг понял, что поверить в такое трудно. Более того – *невозможно*. А «Пейтон плейс?» Что про нее? Сэм знал, что большинство взрослых уже давно забыли этот роман. Неужели дети могли сами откопать это старье?

Нет, и я в это не верю!

Сэм не испытывал ни малейшего желания заполучить вторую инъекцию гнева Арделии Лорц – с него хватило и первой. Но ему вдруг показалось, что сердилась она далеко не на полную катушку. Он машинально обернулся.

Мисс Лорц уже и след простыл.

Наружная дверь Библиотеки была закрыта – вертикально прорезанный рот на угнетающе серой и мрачной гранитной физиономии.

Постояв еще немного, Сэм поспешил к машине, которую оставил неподалеку.

Глава 3 Речь Сэма

1

Успех был ошеломляющий. Начал Сэм с парочки анекдотов в собственной интерпретации (из сборника «Помощник оратора», раздел «Как их подготовить») – про фермера, пожелавшего одним махом продать всю свою продукцию, и про эскимосов, пытавшихся всучить замороженные ужины. Третий анекдот из того же раздела он воткнул в самую середину спича, которая была и правда суховата. Еще один забавный анекдотец он нашел в разделе «Как подвести их к финишу» и уже начал было его переписывать, как вспомнил слова Арделии Лорц. *Даже в том случае, если ваши слушатели начисто позабудут все остальное, хорошо подобранное стихотворение врежется им в память*, – сказала она.

Полистав «Любимые стихи американцев», раздел «Вдохновение», Сэм, как и предсказала библиотечарша, вскоре нашел небольшое стихотворение, показавшееся ему подходящим.

Сэм обвел взглядом обращенные к нему лица собратьев-ротарианцев и сказал:

– Я попытался пояснить вам некоторые причины, которые побудили меня жить и работать в таком тихом и маленьком городке, как Джанкшен-Сити. Надеюсь, что кое в чем вас убедил. В противном случае я себе не завидую.

В ответ грянул дружный хохот, щедро замешенный на густом алкогольном духе. Сэм изрядно вспотел, но настроение у него было приподнятое, и уже верилось, что он успешно выберется из этой передряги. Микрофон дал сбой лишь однажды, никто из присутствующих не покинул зал и не пытался швырять в оратора остатками еды, а немногочисленные свистки были явно одобрительными.

– На мой взгляд, все это гораздо лучше сумел выразить поэт Спенсер Майкл Фри, – добавил Сэм. – Ведь ни для кого не секрет, что все, чем мы здесь торгуем, можно купить гораздо дешевле в торговых центрах крупных городов или их предместий. Владельцы таких центров любят похвастаться, что у них можно купить все, что только душа пожелает, при этом не забывая заманивать покупателей бесплатными стоянками для автомашин. Пожалуй, они правы. Почти. Есть в крохотных городках нечто такое, чего ни за какие деньги нельзя приобрести в роскошных торговых центрах, и именно об этом говорит мистер Фри. Стихотворение совсем коротенькое, но с глубоким смыслом. Вот оно:

Чем смиренные души живут на земле —

Не тайна для нас с тобой:
Нужнее всего не вода им, не хлеб,
Не крыша над головой —
Хлеб зачерствеет, вода истечет,
Ветер разрушит крыши,
Но пожатие рук и голоса звук —
Вот песнь, что всегда мы слышим.⁴

Оторвавшись от листка, Сэм второй раз за этот день с удивлением поймал себя на том, что говорит абсолютно искренне. Он вдруг почувствовал себя на вершине блаженства. До чего славно обнаружить, что у тебя еще есть сердце, что ты не совсем еще очерствел от бесконечной будничной рутины. Но еще приятнее сознавать, что чувства свои ты можешь высказать вслух.

— И мы, местные предприниматели, предлагаем это пожатие рук. С одной стороны, это немного... но с другой — почти все. Большого не бывает. Оно воистину не имеет пределов. — Сэм перевел дух. — В заключение хочу пожелать скорейшего выздоровления Невероятному Джо, которого мне пришлось заменить. Я хочу поблагодарить Крейга Джонса за предложение выступить перед вами и, наконец, хочу поблагодарить вас за внимание к моей нудной болтовне. Огромное спасибо!

Не успел он закончить последнюю фразу, как послышались первые хлопки, которые быстро сменились дружными аплодисментами; когда же, собрав отпечатанные Наоми листочки, озадаченный таким приемом Сэм сел на место, разразилась настоящая овация.

«Это все виски, — говорил он себе. — Такими же аплодисментами меня проводили бы, расскажи я им, как бросить курить».

Затем ротарианцы начали вставать из-за столов, и Сэм решил, что, должно быть, говорил слишком долго, раз всем уже настолько не терпится уйти. Однако гром аплодисментов не утихал, а в следующее мгновение Сэм заметил, что Крейг Джонс отчаянно подает ему какие-то знаки, и догадался: Крейг хочет, чтобы он встал и поклонился. Сэм лишь выразительно покрутил пальцем у виска: мол, ты спятил! Однако Крейг затряс головой и принялся страстно жестикулировать, словно проповедник, призывающий свою паству петь псалом громче. Сэм уступил ему, встал, поклонился и, к своему изумлению, услышал крики «браво!».

Минуту спустя на аналой поднялся Крейг. Аплодисменты и восторженные возгласы улеглись лишь после того, как он несколько раз постучал по микрофону — звук при этом был такой, словно гигантский кулак в перчатке молотил по крышке гроба.

— Думаю, что все со мной согласятся, — сказал он. — Речь Сэма с лихвой возместила нам деньги, выброшенные на жареного цыпленка, который оказался жестким как подметка.

Шутка Крейга тоже вызвала бурную овацию. И он обратился к оратору:

— Знай я наперед, Сэмми, на что ты способен, я бы уже давно тебя заарканил!

И эту реплику встретили одобрительным свистом и аплодисментами. Не дав им стихнуть, Крейг схватил Сэма за руку и энергично начал ее трясти.

— Просто изумительно! Откуда ты содрал эту речь, Сэм?

— Ниоткуда, — ответил раскрасневшийся Сэм, хотя перед выступлением он выпил лишь слабенький джинс с тоником; в голове сейчас приятно шумело. — Я сам ее написал. Взял только пару книжек в библиотеке, чтобы кое-что добавить.

Вокруг них собрались и другие ротарианцы, наперебой поздравляли Сэма и поочередно трясли за руку. Он вдруг почувствовал, что похож на водонапорную колонку во время летней засухи.

— Потрясающе! — гаркнул кто-то ему в самое ухо, и, обернувшись, Сэм узнал Фрэнка

⁴ Перевод А. Кудрявицкого.

Стивенса, который как-то раз подменил на ораторской трибуне профсоюзного лидера, осужденного за мошенничество. – Жаль, на магнитофон твою речугу не записали – могли бы потом на всех углах ее продавать! Бабки заколачивать. Обалденное выступление, Сэм!

– Замечательно, Сэм! – вмешался Руди Перлман; его круглая физиономия раскраснелась и блестела от пота. – Я чуть не расплакался! Ей-богу! А где ты такое стихотворение откопал?

– В библиотеке, – признался Сэм.

Он был еще немного не в своей тарелке, но облегчение от того, что испытание благополучно завершилось, уже потихоньку уступало место сдержанному ликованию. Он даже подумывал, что не помешало бы вознаградить Наоми. Не успел он сказать Руди название книжки, как Брюс Инголдс ухватил его за рукав и потащил к бару.

– Самая блестящая речь в нашем дурацком клубе за последние два года! – проорал Брюс. – А то и за все пять! Да и кому вообще нужен был этот идиотский акробат? Позволь, я угощу тебя стаканчиком, Сэм. Даже двумя, черт возьми!

2

До ухода из клуба Сэм пропустил аж целых шесть стаканчиков – угощение друзей, – а вот завершил триумфальный вечер плачевно, облевав коврик для ног с вышивкой «Добро пожаловать!» перед собственной входной дверью.

Случилось это сразу после того, как Крейг Джонс высадил его перед домом на Келтон-авеню. Сэм как раз безуспешно пытался попасть ключом в замочную скважину – задача не из простых, ведь ему мерещились целых четыре ключа и всего три замка, – когда тошнота подступила к горлу, и он просто не успел спрыгнуть с крыльца. Вот почему, отомкнув наконец дверь, Сэм просто нагнулся, приподнял обгаженный коврик и, аккуратно придерживая за углы, швырнул подальше.

Сэм заварил себе кофе, пытаясь прийти в чувство, но в это время зазвонил телефон. Очередные поздравления. Затем позвонил Элмер Баскин, которого и в клубе-то не было. Сэм ощущал себя примерно так же, как Джуди Гарланд в фильме «Рождение звезды», однако насладиться по-настоящему своим успехом мешали приливы тошноты и раскалывающаяся от боли голова. Такова кара за неумеренные возлияния с приятелями.

Включив в гостинной автоответчик, Сэм поднялся в спальню, выдернул из розетки телефонный аппарат, проглотил две таблетки аспирина, разделся и лег в постель. Веки сомкнулись сразу, мысли пьяно разбегались. И все-таки, прежде чем уснуть, Сэм успел подумать: «А ведь своим успехом я обязан Наоми... И еще – этой неприятной особе из библиотеки. Хорст, что ли. Или Боршт. Забыл. Надо бы ее тоже отблагодарить».

Он услышал, как внизу звякнул телефон и тут же включился автоответчик. «Молодчина, – подумал Сэм, засыпая. – Делай свое дело, не подводи меня».

И провалился в небытие до десяти утра.

3

В субботу утром Сэм проснулся с горечью во рту и небольшой головной болью, но быстро *утешился* тем, что могло быть куда хуже. Коврик было жалко, но Сэм все равно радовался, что успел избавиться от отравы, ведь в противном случае легкой головной болью он бы уже не отделался. Постояв минут десять под душем, вытерся и, обернув голову полотенцем, спустился в гостиную. Горящая на автоответчике красная лампочка напоминала о записи. Сэм нажал кнопку, но лента промоталась назад совсем чуть-чуть; должно быть, записано лишь одно сообщение. Звонок, который слышал Сэм, засыпая.

Гудок. Затем:

– Здравствуйте, Сэм. – Сэм, вытиравший голову, нахмурился: женский голос показался ему неувлочно знакомым. – Я слышала, ваша речь удалась на славу. Очень рада за вас.

Это же Лорц, догадался Сэм. Но как она узнала номер моего телефона? Впрочем, его без труда можно было найти в любом телефонном справочнике... да и библиотечный формуляр он ведь тоже заполнил, не так ли? Конечно. И все же по какой-то необъяснимой причине по спине Сэма пробежал холодок.

– Напоминаю, чтобы вы вернули книги к шестому апреля, – продолжала она. И насмешливо добавила: – Не забудьте про Библиотечную полицию.

Послышался щелчок – библиотекарша положила трубку. На автоответчике замерцала лампочка «Больше сообщений нет».

– Что-то вы мне не нравитесь, мисс Лорц, – пробурчал себе под нос Сэм и направился на кухню делать тосты.

4

Через неделю после блистательного дебюта в роли клубного оратора Сэм вручил Наоми длинный белый конверт, на котором было написано ее имя.

В эту пятницу дождь лил как из ведра.

– Что это? – подозрительно осведомилась Наоми, снимая плащ.

– Откройте и посмотрите.

Наоми вскрыла конверт и увидела красивую открытку со словами благодарности; к открытке была аккуратно подклеена банкнота с портретом Эндрю Джексона.

– Двадцать долларов! – изумилась Наоми. – За что?

– Ваш совет по поводу библиотеки меня просто спас, – сказал Сэм. – Видите ли, Наоми, речь восприняли на ура. Даже не стыдно похвастаться. Будь я уверен, что вы согласитесь, я бы дал вам полсотни.

Наоми наконец поняла, в чем дело, и по всему чувствовалось, что она довольна. Тем не менее деньги попыталась вернуть.

– Я очень за вас рада, Сэм, но не могу принять такой щедрый дар...

– Можете, – твердо сказал он. – И примете. Считайте, что я подрядил вас своим агентом за эту плату.

– Нет, тогда бы у меня тем более ничего не вышло, – махнула рукой Наоми. – Никогда не умела торговать. Даже когда мы в отрядах скаутов занимались благотворительными распродажами, печенье у меня только родная мать покупала.

– Наоми! – увещающе произнес Сэм. – Девочка моя... Нет, не пугайтесь – я не собираюсь к вам приставать. Мы это уже выяснили два года назад.

– Верно, – согласилась Наоми, однако нервно оглянулась на дверь, словно пытаясь убедиться, что путь к отступлению свободен.

– Между прочим, после этой чертовой речи мне уже удалось продать два дома и заключить страховые договоры на двести тысяч долларов. Пусть даже и по мелочи, но все равно общая сумма набегает почти на новую машину. Так что, если вы не возьмете эту двадцатку, я себя последним дерьмом буду считать.

– Сэм! – уязвленно вскричала Наоми.

Убежденная баптистка, она регулярно посещала вместе с матерью церквушку в Провербии, почти такую же развалюху, как и их собственный домишко. Сэм знал это, поскольку однажды побывал в их лачуге.

Летом 1988 года Сэм дважды приглашал Наоми на свидание. При второй встрече попытался дать волю рукам. Не слишком, правда, настойчиво, но сомнений в его намерениях у Наоми не осталось. Впрочем, Сэм так своего и не добился – по части отражать наскоки противника Наоми дала бы сто очков вперед любому защитнику футбольной лиги. Дело не в том, что Сэм ей не нравился, объяснила она потом, просто показалось, что в «этом плане» ничего у них не склеится. Озадаченный Сэм поинтересовался – почему? Но Наоми только покачала головой. «Есть вещи, которые трудно объяснить, Сэм. У нас ничего не выйдет, я это чувствую. Вы уж мне поверьте». Вот и все, чего он сумел от нее добиться.

– Извините, Наоми, это у меня случайно вырвалось. – Сэм говорил сейчас с покаянным видом, хотя в глубине души сомневался, что Наоми и вправду такая строгая, какой пытается казаться. – На самом деле я хотел сказать, что, если вы не возьмете эту двадцатку, я себя последней какашкой почувствую.

Наоми спрятала деньги в сумочку и посмотрела на Сэма. Как ни старалась она выглядеть строгой, но чуть дрогнувшие в последний миг уголки рта выдали ее.

– Ну вот. Удовлетворены?

– Н-да, надо было дать полсотни, – сокрушенно вздохнул Сэм. – Возьмете полсотни, Оми?

– Нет, – ответила она. – И не называйте меня Оми. Ведь знаете, что мне это не нравится.

– Извините.

– Так и быть, прощаю. Только давайте наконец оставим эту тему. Я уже от нескольких человек слышала, как вы *замечательно* выступили, – сказала Наоми. – Крейг Джонс просто без ума от вас. Вы и правда думаете, что именно из-за этой речи дела пошли в гору?

– Не исключено... – начал было Сэм, но осекся; затем все-таки продолжил: – Да, я абсолютно уверен. Порой такое, конечно, случается, но быстро проходит. Как бы то ни было, за последнюю неделю показатели всех моих сделок подпрыгнули до потолка. Скоро, конечно, вновь упадут, но не думаю, что совсем уж до нуля. Если новым клиентам понравится, как я веду дела – а я надеюсь, что будет именно так, – то они останутся со мной.

Сэм откинулся на спинку кресла, переплел пальцы на затылке и задумчиво уставился в потолок.

– А ведь когда Крейг Джонс позвонил и предложил мне выступить, я его в первую минуту просто убить хотел. Честное слово, Наоми, поверьте.

– Верю. Вид у вас был совершенно удрученный.

– В самом деле? – улыбнулся он. – Что ж, вполне возможно. Забавно, как порой все оборачивается. Чистейшее везение, конечно. Если Бог и в самом деле *существует*, то иногда мне кажется, что он просто не успевает следить за своим хозяйством.

Сэм ожидал, что Наоми отчитает его за святотатство (такое уже не раз прежде случалось), но сегодня она, похоже, решила не ступать на тропу войны. Вместо этого только сказала:

– Если вам и правда пригодились книги, взятые в библиотеке, то можете действительно считать себя везунчиком. Ведь обычно по пятницам библиотека открывается лишь в пять часов вечера. Я хотела предупредить вас, но забыла.

– Вот как?

– Вы, должно быть, застали там одного мистера Прайса, который свои бумажки раскладывал?

– Прайса? – вскинул брови Сэм. – Вы имеете в виду мистера Пекхэма? Вахтера, который там вытирает пыль и утреннюю газету читает?

Наоми покачала головой.

– Сколько я здесь живу, но слышала только про одного Пекхэма – старого Эдди, который уже давно умер. Нет, я имею в виду мистера Прайса, *библиотекаря*. – Она посмотрела на Сэма, словно недоумевала, как можно быть таким тупицей. – Высокий мужчина, худой. Лет пятидесяти.

– Нет, – пожал плечами Сэм. – Я встретил там только даму. Лорц. Маленькая, кругленькая, седовласая; примерно в том возрасте, в каком женщин притягивает ярко-зеленая синтетика.

На лице Наоми отразилась целая гамма чувств: озадаченное изумление, граничащее с легким гневом, вдруг уступило место подозрению; подозрение же, в свою очередь, сменили веселые искорки, заблестевшие вдруг в ее глазах. Такая последовательность всегда означает только одно: человек понял, что его пытаются одурачить. При других обстоятельствах Сэм, возможно, и пораскинул бы мозгами на сей счет, но, пробежав целую неделю по своим делам,

он настолько запустил канцелярию, что уже не хотел отвлекаться.

– Понятно, – хихикнула Наоми. – Значит, мисс Лорц? Должно быть, вы получили массу удовольствия.

– Она, конечно, дама со странностями, – признал Сэм.

– Мягко говоря, – согласилась Наоми. – Хотя на самом деле она совершенно...

В это время зазвонил телефон. Договори девушка эту фразу, Сэм Пиблс, возможно, очень и очень испугался бы. Однако фортуна – как он и сам только что подметил – порой вмешивается в дела людей совершенно поразительным образом. Так случилось и на сей раз. Телефон продолжал звонить.

Берт Айверсон, глава местной ассоциации адвокатов, именно сейчас решил обсудить с Сэмом детали колоссальной страховой сделки – предстоящего страхования нового медицинского центра. В итоге, когда разговор закончился, Сэм уже и думать забыл о мисс Лорц.

Возможная крупная операция по страховке завладела им целиком; ведь в случае удачи он точно приобретет «мерседес-бенц», о котором столько лет мечтал. Да и не так уж важно в конце концов выяснение, какой именно части своего успеха он обязан этому удачному выступлению в клубе.

Наоми же была искренно убеждена, что Сэм просто ее разыгрывал; она слишком хорошо знала, что представляет собой Арделия Лорц, и была уверена, что и Сэм знает ее не хуже. Как-никак эта женщина была замешана в самой громкой и скверной истории из тех, что случились в Джанкшен-Сити за последние двадцать лет... а то даже и вообще после второй мировой, когда Моггинс вернулся после войны с помутившимся рассудком, расстрелял всю свою семью, а затем покончил и с собой. Когда Айра Моггинс сделал это, Наоми еще и на свете не было; но ей даже в голову не пришло, что и история с Арделией случилась задолго до того, как Сэм появился в Джанкшен-Сити.

Как бы то ни было, Наоми быстро выкинула эти мысли из головы и к тому времени, когда Сэм положил трубку, обдумывала, что из диетических продуктов купить на ужин. После этого ровно до двенадцати Сэм диктовал ей письма, а затем пригласил Наоми составить ему компанию за ленчем в ресторанчике «Мак-Кенна». Однако Наоми отказалась, сославшись на то, что ее мать за зиму «совсем ослабла, бедняжка». Про Арделию Лорц они больше не вспоминали.

В тот день.

Глава 4 Пропавшие книги

1

Обычно Сэм всю неделю довольствовался легкими завтраками – стаканом апельсинового сока и овсяной булочкой, – а вот по субботам (во всяком случае, по тем субботам, когда не страдал похмельем после слишком бурного ротарианского застолья) любил выпастись всласть, встать попозже, прогуляться пешком до расположенного на площади ресторанчика «Мак-Кенна» и за чтением (а не обычным просматриванием) газеты насладиться горячим бифштексом с яичницей.

Именно так сложился его распорядок на следующее утро, седьмого апреля. Дождь, накануне ливший весь день, наконец прекратился, и нежно-голубое небо дышало весной. После завтрака Сэм неспешно двинулся домой, останавливаясь перед каждой клумбой полюбоваться на только что распустившиеся тюльпаны и крокусы. Вернулся он домой в десять минут одиннадцатого.

Лампочка на автоответчике горела. Сэм нажал кнопку и достал из пачки сигарету, собираясь закурить.

– Здравствуйте, Сэм. – Спичка застыла в шести дюймах от сигареты: вкрадчивый голос Арделии Лорц он не спутал бы ни с каким другим. – Вы меня крайне разочаровали. Почему вы не сдали книги вовремя?

– *О дьявольщина!* – вырвалось у Сэма.

Целую неделю его преследовала какая-то неясная мысль – так порой вертится на кончике языка забытое слово, выводя вас из душевного равновесия. Книги. Проклятые *книги*. Эта женщина, должно быть, уверовала, что он истый филистимлянин, который только и знает что лицемерно рассуждать о том, каким плакатам место в детской библиотеке, а каким – нет. Вопрос только, отчитает ли она его прямо сейчас или прибережет это удовольствие для личной встречи.

Сэм бросил обгоревшую спичку в пепельницу рядом с телефоном.

– Мне казалось, что я вам четко объяснила, – продолжал ее вкрадчивый и вместе с тем неумолимый голос, – «Помощник оратора» и «Любимые стихи американцев» – книги из справочно-библиографического отдела, которые выдаются только на одну неделю. Я была о вас лучшего мнения, Сэм. Вы меня чрезвычайно разочаровали.

И тут Сэм, к своей досаде, осознал, что стоит, зажав в зубах незакуренную сигарету, и отчаянно, по-мальчишески, краснеет. Как будто он снова очутился в четвертом классе – только на сей раз в углу, да еще и в нахлобученном на голову бумажном колпаке – позорном головном уборе лодыря.

В голосе Арделии Лорц зазвучали снисходительные нотки:

– Тем не менее я решила простить вас и продлить срок; можете вернуть книги до полудня в понедельник. И пожалуйста – не навлекайте на себя неприятности. – Чуть помолчав, она добавила: – Помните о Библиотечной полиции, Сэм.

– Арделия, детка, тебе это не надоело? – проворчал себе под нос Сэм, но слушать его было некому: Арделия, напомнив про Библиотечную полицию, повесила трубку.

2

Сэм чиркнул спичкой и закурил. После первой же затяжки его осенило. Быть может, он и проявит некоторую трусость, но зато уладит сложности с мисс Лорц раз и навсегда. Да и вообще – справедливость того требует.

Ведь вознаградил же он Наоми! А теперь отблагодарит Арделию. Сев в кабинете к тому самому столу, за которым сочинял свою знаменитую речь, Сэм придвинул блокнот и начал писать, чуть отступив от фирменной шапки «*Со стола СЭМЮЭЛЯ ПИБЛСА*»:

«Уважаемая мисс Лорц!

Прошу извинить меня за то, что не сдал в срок Ваши книги. Поверьте, мои извинения абсолютно искренни, ведь книги эти очень помогли мне. Прошу Вас принять этот штраф за просрочку. Остальное – в знак моей глубочайшей признательности – оставьте себе.

Искренне Ваши

Сэм Пиблс».

Перечитывая записку, Сэм выудил из ящика стола скрепку и подумал было, не поменять ли «Ваши книги» на «библиотечные книги», но решил оставить все как есть. Арделия Лорц, по его глубочайшему убеждению, была из когорты людей, относящих знаменитое высказывание «Государство – это я»⁵ целиком на свой счет, даже если «государством» в данном случае и считается местная библиотека.

Он достал из бумажника двадцатидолларовую купюру и прикрепил скрепкой к записке. Затем призадумался, нервно барабанив пальцами по столу. «Эта Лорц может подумать, что я

⁵ Приписывается Людовику XIV.

пытаюсь ее подкупить. Обидится и, чего доброго, еще в бутылку полезет».

Впрочем, по большому счету ему было на это наплевать. Сэм прекрасно понимал, что скрывалось за утренним звонком мисс Лорц. Он слегка перестарался, когда высказывал свое мнение по поводу плакатов в детском читальном зале, и теперь библиотечкари пытались хоть как-то покуситься на него. Однако четвертый класс остался в далеком прошлом, да и Сэм уже нисколько не напоминал себя прежнего – запуганного мальчонку, которого ничего не стоило отодрать за уши. Теперь уж он никому не разрешит унижать себя. И тем более не спасует перед какой-то дурацкой старушенцией-библиотечкаришей, позволяющей себе выставлять в фойе щиты с наглыми надписями и читать нотации менторским тоном.

– Пошла ты... – громко выругался он. – Не возьмешь у меня деньги – отправь их в библиотечный фонд или еще куда-нибудь.

Сэм положил записку с прищипленной к ней двадцаткой на стол. Он не питал ни малейшего желания передавать деньги лично, дабы не выслушивать очередную нотацию. Нет, он поступит иначе. Вложит записку с деньгами в одну из книжек, чтобы краешек чуть торчал наружу, сами книжки перетянет парой резинок и сбросит в библиотечный книгоприемник. Прожил же он в Джанкшен-Сити шесть лет, не зная Арделию Лорц; если повезет, то и ближайшие шесть лет обойдется без нее.

Теперь оставалось только найти сами книги.

В кабинете их не было, это точно. Сэм прошел в столовую и посмотрел на журнальном столике, где обычно оставлял вещи, которые должен был возвратить. Там лежали только две видеокассеты из салона Брюса, конверт с грифом «Пейпербой» и две папки со страховыми полисами... Ни «Помощника оратора», ни «Любимых стихов американцев» на столе не было.

– Проклятие, – сплюнул Сэм, почесывая затылок. – И куда, черт возьми, они запропастились?

Он отправился на кухню. В сердцах швырнул свежую газету в картонную коробку и осмотрел стойку. И здесь ничего, если не считать упаковки, из которой он вынул вчера вечером замороженный ужин.

Сэм неторопливо поднимался на второй этаж. На душе у него уже скребли кошки.

3

В три часа дня Сэм был в бешенстве, рвал и метал. Готов был лезть на стенку. Дважды прочесав весь дом вдоль и поперек, во второй раз перевернув вверх дном даже чулан, он отправился в контору, хотя и был абсолютно уверен, что, уходя с работы в понедельник, прихватил книжки с собой. Ясное дело – и в конторе злополучных книг не оказалось. И вот результат – половина прекрасного субботнего утра в разгар весны потрачена впустую на поиски каких-то дурацких библиотечных книжек.

Голос Арделии Лорц звенел у него в ушах: *Помните про Библиотечную полицию*, Сэм. Он представлял, как бы возразилась эта мегера, узнав, сколько неприятных минут доставила ему. Сэм ничуть не сомневался, что, существуя такая полиция на самом деле, эта женщина непременно натравила бы ее на него. Чем больше он об этом думал, тем сильнее злился.

Сэм бросился к себе в кабинет. Со стола на него укоризненно смотрела записка с двадцаткой.

– *Дьяволыщина!* – в сердцах сплюнул Сэм.

Он уже решил было обшарить дом еще раз, но в последний миг передумал. Бесполезно. И вдруг в его ушах зазвенел голос матери, которой давно не было в живых. Мягкий и увещающий: «Помни, Сэмюэль: когда долго не можешь чего-то найти, не стоит тратить время на бесполезные поиски. Сядь и как следует все обдумай. Пошевели мозгами, а ноги побереги до лучших времен».

Сэму было десять лет, когда мать дала ему этот совет; что ж, и теперь, когда ему уже

сорок, совет ничуть не утратил актуальности. Сэм сел за стол, зажмурился и попытался припомнить все про эти треклятые книжки с той самой минуты, как получил их из рук мисс Лорц и до... неведомо чего.

Из библиотеки он привез книги к себе в контору, заскочив по пути в пиццерию; там взял себе пиццу с грибами и перчиками, которую умял уже в конторе, заодно просматривая сборник «Помощник оратора». Сэм даже вспомнил, как внимательно следил, чтобы ни одна капля кетчупа не упала на страницы «Помощника», – сейчас, учитывая, что книги вообще пропали, это казалось полным издевательством.

Большую часть дня он работал над речью, вставляя куда нужно шутки, а потом полностью переделал концовку, чтобы подогнать ее под стихотворение. Вернувшись в пятницу днем домой, он привез с собой одну только речь, оставив книги в офисе. В этом Сэм был уверен. В «Ротари-клуб» его отвез заехавший за ним Крейг Джонс; Крейг же подбросил его домой и на обратном пути – как раз вовремя, чтобы Сэм успел облевать коврик перед собственной входной дверью.

Субботнее утро ушло на мучительную борьбу с головной болью и крайне неприятным похмельем; остаток уик-энда он провел дома, читая, смотря телевизор и – что уж греха таить – упиваясь своим триумфом. Ни в субботу, ни в воскресенье он к своей конторе и на пушечный выстрел не приближался. В этом Сэм был уверен на сто процентов.

«Ну ладно, – подумал он. – Теперь начинается самое трудное. Попробуй сосредоточиться». Впрочем, особенно напрягаться ему не пришлось. Сэм мигом вспомнил, что в понедельник без четверти пять уже выходил из офиса, когда позвонил Стю Янгман и попросил выписать здоровенный полис на страхование домашнего имущества. (Затем подобные заказы посыпятся как из рога изобилия.) Разговаривая по телефону, Сэм краешком глаза видел, что обе библиотечные книжки лежат на краю стола. И, покидая офис во второй раз, он прихватил их с собой, зажав под мышкой. В том, что это было именно так, Сэм нисколько не сомневался.

В тот же вечер он хотел их сдать, но позвонил Фрэнк Стивенс и пригласил его в ресторан отужинать в семейном кругу. Оказалось, что к Стивенсам приехала племянница из Омахи (Сэм давно убедился в том, как трудно жить холостяку в маленьком городке – даже случайные знакомые моментально становятся сводниками). Ужинали они в «Брейдис Рибсе». Домой он вернулся поздно для будней – в одиннадцать, уже (естественно) совершенно позабыв о книгах. И больше про них не вспоминал. Внезапно навалившиеся заказы отнимали столько времени и сил, что он снова вспомнил про проклятые книжки уже только после звонка Лорц.

«Что ж, вполне вероятно, что я больше к ним не прикасался. Значит, книги должны быть там, где я их оставил, вернувшись в понедельник с работы». На мгновение зародилась надежда – а вдруг книги просто остались в машине? Но в следующую минуту, уже встав, чтобы пойти и проверить, Сэм отчетливо вспомнил, как переложил портфель в руку, зажимавшую под мышкой книги, чтобы вынуть из правого кармана ключ. Нет, в машине их быть не может.

«Ну и чем ты занялся, когда вошел?» – спросил он себя и мысленно представил, как открыл дверь в кухню, вошел, водрузил портфель на табуретку, покрутил книги в руках и...

– О нет! – Он сжал кулаки. – Только не это.

В воздухе отчетливо запахло бедой.

На полу, в кухне, между столом и газовой плитой, стояла картонная коробка из-под виски. Насколько Сэм помнил, она была там уже пару лет. Обычно люди при переездах складывают в такие коробки всякое барахло, но некоторым они также заменяют мусорные ведра. Сэм использовал эту коробку под ненужные газеты: каждый день, прочитав газету, швырял ее в эту коробку; точно так же, например, он и сегодня поступил с утренней газетой. А раз в месяц...

– Грязнуля Дейв! – пробормотал Сэм, вскочил из-за стола и бросился на кухню.

Коробка из-под виски с изображением ухмыляющегося Джонни Уокера в монокле была почти пуста. Роясь в газетах, едва прикрывавших дно коробки, Сэм уже знал, что ничего не найдет, но все-таки для очистки совести проверил. Так обычно ведут себя вконец отчаявшиеся люди, которые втайне надеются, что их желание *сбудется*, если хотеть по-настоящему. В коробке обнаружились только субботняя «Газетт» – от которой он избавился совсем недавно – и газета за пятницу. Ясное дело – никаких книг, ни внизу, ни в середине. Обуреваемый самыми мрачными предчувствиями, Сэм решил позвонить Мэри Вассер, женщине, которая приходила к нему по четвергам убирать.

– Алло, – послышался в трубке слегка встревоженный женский голос.

– Здравствуйте, Мэри. Это Сэм Пиблс.

– Сэм? – Тревожные нотки усилились. – У вас что-то случилось?

Да! В понедельник за мной начнет охотиться эта стерва, что управляет нашей библиотекой! Возможно, даже запасется распятием и здоровенными гвоздями!

Разумеется, ничего подобного он сказать не мог, и тем более – Мэри, которая относилась к тем несчастным и загнанным душам, что появились на свет под несчастливой звездой и вели жалкое существование из-за своих вечных страхов. Люди, подобные Мэри Вассер, вообще свято убеждены, что ходить по тротуарам нельзя, потому что на голову вот-вот упадет кирпич. Или тяжелый бронированный сейф. Если не кирпич и не сейф, то тебя непременно собьет пьяный водитель. Или цунами. Цунами – в Айове? Да, цунами в Айове. Если же цунами обойдет стороной, то уж шальной метеорит точно не пощадит. И вообще Мэри Вассер была из тех, кто при каждом телефонном звонке прежде всего думает, что случилась беда.

– Нет, ничего, – поспешно ответил Сэм. – Все в полном порядке. Просто я хотел спросить, не видели ли вы в четверг Дейва?

Вопрос чисто формальный: газет все равно уже не было, а Грязнуля Дейв – единственный Газетный Тролль в Джанкшен-Сити.

– Да, видела, – упавшим голосом признала Мэри; похоже, заверения Сэма, что все в порядке, привели ее в полное смятение, и в голосе уже слышался безотчетный ужас. – Он приходил за газетами. Что, не следовало впускать его? Но ведь он всегда приходил, вот я и подумала...

– Успокойтесь, Мэри, все нормально, – прервал ее Сэм с наигранной беззаботностью. – Просто, не увидев газет, я решил проверить...

– Но ведь раньше вы никогда не проверяли! – Голос Мэри сорвался почти на визг. – Скажите, Дейв жив? С ним ничего не случилось?

– Нет, – ответил Сэм. – То есть я ничего про него не знаю. Я только... – И тут его осенило. – Купоны! – выкрикнул он. – Я забыл вырезать газетные купоны в четверг, вот и подумал...

– Ах вот в чем дело! – Мэри мигом успокоилась. – Могу вам дать свои, если хотите.

– Нет, что вы...

– В следующий четверг принесу хоть целую кипу, – жестко заявила она. – У меня их миллионы. – «Все равно мне столько ни к чему, – угадывалось в ее тоне. – То ли кирпич на голову свалится, то ли сосна под собой похоронит, то ли пылесос взорвется. Жить мне осталось считанные минуты, поэтому на кой черт мне эти паршивые купоны?»

– Хорошо, – поспешил согласиться Сэм. – Спасибо большое, Мэри. Просто не представляю, что бы я без вас делал!

– Но вы уверены, что ничего не случилось?

– Абсолютно, – с готовностью соврал Сэм.

И тут же сравнил себя с взбесившимся сержантом, поднимающим оставшуюся горстку солдат в бессмысленную атаку на хорошо укрепленное пулеметное гнездо. «Вперед, парни, – враг наверняка дрыхнет там без задних ног!»

– Что ж, будем надеяться, – неуверенно произнесла Мэри, и Сэму наконец удалось повесить трубку.

Тяжело плюхнувшись на табуретку, он тупо уставился на коробку из-под «Джонни Уокера». Итак, как он и предполагал, газеты унес Грязнуля Дейв, который всегда приходил за ненужными газетами в начале месяца. Однако на сей раз он прихватил с собой и еще кое-что: «Помощник оратора» и «Любимые стихи американцев». Сэм прекрасно понимал, во что теперь превратились эти книги. В бумажную массу. Ту самую, что получали, перерабатывая макулатуру.

Грязнуля Дейв был профессиональным алкоголиком. Не будучи в состоянии удержаться на постоянной работе, он занимался утилизацией отходов, принося тем самым немалую пользу. Собирал стеклотару, а кроме того, как и двенадцатилетний Кейт Джордан, кормился за счет газет. С той лишь разницей, что Кейт ежедневно развозил «Джанкшен-Сити газетт» по домам, а Грязнуля Дейв Данкен раз в месяц собирал их. Сэм часто видел, как Грязнуля толкает перед собой тележку, набитую бутылками, банками и пластиковыми мешками, по направлению к городскому утилю, который располагался между старым вагонным депо и небольшой ночлежкой для бездомных, в которой, как правило, ночевали Грязнуля Дейв и его собратья.

Сэм посидел еще немного, барабанил пальцами по столу, затем встал, натянул пиджак и вышел к машине.

Глава 5

Ангол-стрит (I)

1

Намерения у изготовителей уличного указателя были, конечно, самые благостные, да вот правописание подвело. Доска эта была прибита к лестничной опоре у входа в дряхлый дом близ железной дороги. Надпись на доске гласила:

АНГОЛ-СТРИТ.

Поскольку едва ли в айовском захолустье кто-то мог увековечить таким образом Анголу⁶, Сэм решил, что на самом деле имелась в виду «Ангел-стрит», и великодушно подумал: «Пустяки». Даже если и вправду благими намерениями вымощена дорога в ад, все же люди, просто пытавшиеся хоть немного подлатать на этой дороге выбоины и рытвины, заслуживают доброго словца.

Прежде, когда Джанкшен-Сити был крупной пассажирской станцией, в этом доме располагались конторы железнодорожной компании. Теперь же лишь две служебные колеи, протянувшиеся на запад и восток, напоминали о старых временах. На остальных путях рельсы давно проржавели и буйно поросли бурьяном. Да и шпал почти не осталось – бездомные, собиравшиеся на Ангол-стрит, охотно пользовались ими для разведения костров.

Сэм приехал сюда без четверти пять. Клонившееся к закату солнце отбрасывало мрачную тень на пустырь, простиравшийся до самой городской окраины. Вдоль немногих домишек гроыхал бесконечный товарный состав. Ветер крепчал. Выйдя из машины, Сэм услышал, как скрипит, раскачиваясь на ветру, древняя вывеска «ДЖАНКШЕН-СИТИ», укрепленная над платформой. Даже знаменитый «Солнечный экспресс» когда-то делал здесь единственную во всей Айове остановку по пути в Лас-Вегас и Лос-Анджелес.

⁶ Имеется в виду страна в Африке.

Некогда ночлежка была выкрашена в белый цвет; теперь выглядела грязно-серой. Занавески на окнах были чистые, но застиранные чуть ли не до дыр. Во дворе, черном от золы, какие-то сорные травы тщетно пытались пробиться к свету. Сэм почему-то подумал, что, возможно, к июню это у них и получится; пока же сорняки проигрывали битву. У самого крыльца одиноко торчала проржавевшая бочка. К противоположной от указателя «АНГОЛ-СТРИТ» опоре, поддерживающей крыльцо, была прибита доска с надписью:

**РАСПИВАТЬ СПИРТНЫЕ НАПИТКИ В ДОМЕ НЕЛЬЗЯ!
ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЙТИ СЮДА, ВЫБРОСЬТЕ БУТЫЛКИ В ЭТУ БОЧКУ!**

Сэму повезло. Хотя наступал субботний вечер, а бары и прочие питейные заведения Джанкшен-Сити уже давно распахнули двери для посетителей, Грязнуля Дейв был здесь, причем трезвый как стеклышко. Он как раз сидел на крыльце с парой своих дружков. Все они что-то рисовали на больших квадратах белого картона, время от времени любуясь своим творчеством. Пьянчужка, сидевший за спиной у Грязнули, безуспешно пытался унять дрожь в правой руке, вцепившись в ее запястье левой кистью. Его приятель трудился, высунув от усердия язык, напоминая преждевременно состарившегося дошкольника, пытающегося изобразить рождественскую елку в подарок мамочке. Лучше всех из троицы выпивох, чем-то напомнивших Сэму сморщенные и высохшие на солнце гороховые стручки, выглядел сам Грязнуля Дейв, сидевший в полуразвалившемся кресле-качалке.

– Привет, Дейв, – крикнул Сэм, бодро взбегая на крыльцо; Дейв приподнял голову, прищурился и робко улыбнулся, обнажив сохранившиеся зубы: все пять.

– О, мистер Пиблс!

– Как дела? – спросил Сэм, приветливо кивая.

– Дела-то? – переспросил Дейв. – Дела как сажа бела. – Он посмотрел на своих дружков. – Эй, парни! Поздоровайтесь! Мистер Пиблс ведь у нас адвокат!

Забулдыга, сидевший с высунутым языком, на мгновение приподнял голову, кивнул и снова погрузился в свое занятие. Из его левой ноздри вылезла и зависла длинная, как сосулька, сопля.

– Вообще-то я занимаюсь недвижимостью, – поправил Дейва Сэм. – И страхов...

– Вы мне конфетку принесли? – спросил вдруг трясущийся субъект.

Головы он не поднимал, но стал еще более сосредоточенным. Сэм посмотрел на его творение – кусок картона был испещрен какими-то оранжевыми каракулями, лишь отдаленно напоминавшими буквы.

– Что-что? – переспросил Сэм.

– Это Льюки, мистер Пиблс, – шепнул ему Дейв. – Сегодня он не в лучшей форме.

– Дайте конфетку, отдайте конфетку, какая дрянь слямзила мою конфетку? – протяжно запел Льюки, ни на кого не глядя.

– Э-э-э, видите ли... – замялся Сэм, не зная, что сказать.

– Нет у него конфеток! – проорал Грязнуля Дейв. – Помалкивай в тряпочку, Льюки, и пиши свое объявление! Саре оно к шести нужно! Она нас по-царски вознаградит!

– Конфетку хочу! – заныл Льюки. – А не дадите, так в штаны наделаю!

– Не обращайтесь на него внимания, мистер Пиблс, – со вздохом попросил Дейв. – Что вы хотели-то?

– Да так, я просто хотел узнать, не видели ли вы в четверг у меня дома пары книжек, когда за газетами приходили? Я их куда-то засунул и все никак найти не могу. Мне их в библиотеку вернуть надо.

– Четвертак дайте, а? – попросил вдруг выпивоха с высунутым языком. – Этого, как его, туб... Таб-бачку хочется!

Сэм машинально полез в карман. Дейв протянул руку и, словно извиняясь, прикоснулся к его запястью.

– Не давайте ему денег, мистер Пиблс. Это же Рудольф. Ему нельзя курить, только проспать нужно.

– Извините, Рудольф, – развел руками Сэм. – Деньги дома оставил.

– Да, все вы так говорите, – огорченно процедил Рудольф и, вернувшись к своему занятию, пропел: – Лишь последний дурачок денег даст на табачок!

– Не, книг я не видел, – ответил Грязнуля Дейв. – Вы уж извините, ладно? Я только газеты забрал. Как обычно. Миссис В. была там, она подтвердит. Ничего дурного я не сделал.

Однако его грустные слезящиеся глаза говорили о том, что он не особенно рассчитывает на доверие со стороны Сэма. В отличие от Мэри Грязнуля Дейв Данкен жил не в том мире, где за каждым углом на голову мог бы свалиться кирпич; нет, в его мире кирпичи и в самом деле падали на голову едва ли не ежедневно. И нес он свою тяжкую долю со всем мужеством, на которое только был способен.

– Я вам верю, – сказал Сэм и положил руку Дейву на плечо.

– Я просто взял вашу коробку и вытряхнул все газеты в свой мешок. Всегда ведь так делаю, – виновато добавил Дейв.

– Эх, будь у меня щас даже тыща конфет, я б их все сожрал! – мечтательно сказал Льюки. – Умял бы так, что за ушами б трещало! Сжевал, сожрал... Эх, жвачка! Жвачка-жвачка!

– Я вам верю, – повторил Сэм.

Он потрепал Грязнулю по плечу. Невероятно костлявому. И почти тут же ужаснулся – а вдруг у Грязнули блохи? На смену этой панической мысли пришла вдруг совершенно противоположная: интересно, а заглядывал ли сюда хоть кто-то из сытых и самодовольных ротарианцев, перед которыми он так распинался неделю назад? Догадывались ли они о существовании Ангол-стрит? И еще Сэм представил, что, должно быть, Спенсер Майкл Фри не очень задумывался о таких людях, как Льюки, Рудольф и Грязнуля Дейв, когда сочинял стихи про пожатие рук, которое важнее воды, еды и крыши над головой. Сэм вспомнил свою речь – напыщенную, вычурную и хвастливую, – и ему вдруг стало стыдно.

– Хорошо, – кивнул Дейв. – Значит, я могу снова заглянуть к вам в следующем месяце?

– Конечно, – улыбнулся Сэм и спросил: – Скажите, Дейв, вы ведь отвезли все газеты в утиль, не так ли?

– Вон туда. Только он сейчас закрыт. – Грязнуля Дейв указал в сторону пальцем, который заканчивался желтым изглоданным ногтем.

Сэм кивнул и полюбопытствовал:

– А вы тут чем занимаетесь?

– Да так, время коротаем. – И Дейв показал Сэму свой плакат.

На нем была изображена женщина, державшая огромное блюдо с жареными цыплятами. Сэм сразу обратил внимание на то, как здорово все нарисовано. Пьяница или нет, но талант у Грязнули Дейва определенно имелся. Над рисунком было выведено четким шрифтом:

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ УЖИН С ЦЫПЛЯТАМИ
В ПЕРВОЙ МЕТОДИСТСКОЙ ЦЕРКВИ
В ПОМОЩЬ ПРИЮТУ ДЛЯ БЕЗДОМНЫХ «АНГЕЛ-СТРИТ»
15 АПРЕЛЯ
С 18 ДО 20 ЧАСОВ
ПРИХОДИТЕ САМИ И ПРИВОДИТЕ СВОИХ ДРУЗЕЙ!**

– Сразу по окончании состоится встреча с «анонимными алкоголиками», – сказал Дейв, – но об этом на афише писать нельзя. Это считается как бы секретом.

– Знаю, – кивнул Сэм и, чуть помолчав, поинтересовался: – А вы ходите на эти встречи, Дейв? Можете не отвечать, если не хотите. Я понимаю – это вовсе не мое дело.

– Я хожу туда, – ответил Дейв, – хотя это и трудновато. На месяц меня хватает, порой на два, а как-то раз я вообще целый год не пил. Но тяжело это, ох как тяжело. – Он покачал головой. – Многие люди не выдерживают и снова начинают пить. А я вот стараюсь.

Сэм присмотрелся к женщине, которая держала блюдо с цыплятами. Рисунок поразил его – он был, безусловно, выполнен рукой мастера. А вот изображенная женщина показалась Сэму знакомой, и он спросил:

– Вы имели в виду какую-то определенную женщину?

Дейв широко заулыбался. Потом кивнул:

– Да, это наша Сара, мистер Пиблс. Изумительная женщина. Если бы не она, нашу ночлежку прикрыли бы еще лет пять назад. Это ведь она всегда деньги достает, даже в самый трудный час, когда налоги повышают или инспектора чересчур придираются. Она называет людей, которые жертвуют на приют деньги, ангелами, хотя на самом деле настоящий ангел – это она! Мы ведь в ее честь наш приют окрестили. Жаль только, у Томми Сент-Джона с правописанием в школе неладно было... – Грязнуля Дейв приумолк, глядя на свой плакат. – Теперь-то его уже, правда, в живых нет. Прошлой зимой умер. Печенка отказала.

– Вот как? Очень жаль.

– Не стоит. Отмучился ведь как-никак.

– Жвачка-жрачка! – снова выкрикнул Льюки, вставая. – Жвачка-жрачка! Вот ведь где настоящая жвачка-жрачка, мать вашу!

И он показал Дейву свое творение. Под оранжевыми каракулями был изображен какой-то кошмарный уродец на акульих плавниках. Сэм догадался, что это, видимо, ботинки. В одной руке монстр держал кривую тарелку, заполненную чем-то вроде змей – почему-то синего цвета. Во второй руке уродец крепко сжимал какую-то коричневую штукловину цилиндрической формы.

Дейв взял рисунок и рассмотрел повнимательнее.

– Очень здорово, Льюки, – похвалил он. – Молодчина.

Льюки довольно ощерился, ткнул пальцем в коричневый цилиндр.

– Во, смотри, Дейв! Это ведь настоящая гребаная конфетища!

– Точно. Замечательная работа. Иди домой и включи телик, если хочешь. Там сейчас как раз «Стар трек» крутят. А у тебя как дела, Дольф?

– Когда я выпью, у меня лучше получается, – проворчал Рудольф, отдавая Дейву свое творение: он нарисовал огромную куриную ногу, которую окружала восхищенная толпа мужчин и женщин. – Тут я дал волю воображению, – пояснил Рудольф Сэму с неожиданной враждебностью в голосе.

– А что, мне нравится, – сказал Сэм.

Он ничуть не покривил душой. Рисунок Рудольфа напомнил ему карикатуры из «Нью-Йоркера», бывавшие порой настолько сюрреалистическими, что даже он не всегда понимал их смысл.

– Ну и хорошо, – пробурчал Рудольф, пристально глядя на него. – Слушайте, у вас точно нет четвертака?

– Увы, – развел руками Сэм.

– Что ж, может, оно и к лучшему, – сказал Рудольф. – А с другой стороны – хреново.

Он проследовал за Льюки в дом, и скоро через распахнутую дверь слышалась мелодия музыкальной заставки «Стар трека».

– Только мы и еще несколько парней из «АА» посещаем эти ужины, – произнес Дейв, – но для нас это хоть какое-то развлечение. Льюки, например, давно уже ни с кем не разговаривает. Разве что когда рисует.

– А вот у вас задатки настоящего художника. Честное слово. Почему вы... – начал было Сэм, но осекся.

– Почему я что, мистер Пиблс? – мягко переспросил Дейв. – Не зарабатываю этим себе на жизнь? По той же причине, что не устраиваюсь на постоянную работу. Ушло мое время,

безвозвратно потеряно.

Сэм не нашелся что ответить.

– Я пытался когда-то, было дело. Даже учился в школе Лорилларда в Де-Мойне. Лучшее было художественное училище на всем Среднем Западе. Но меня вышибли после первого же семестра. Виски. Ладно, пес с ними. Не хотите кофейку, мистер Пиблс? Может, подождете немного? С Сарой нашей познакомитесь.

– Нет, мне уже пора. Дела ждут. Сушая правда.

– Ну ладно. Вы и правда на меня не сердитесь?

– Нет, конечно!

– Что ж, тогда пойду к ребятам. – Дейв встал. – Славный был денек. А сейчас что-то похолодало. До свидания, мистер Пиблс.

– Счастливо, Дейв.

На сердце у Сэма словно лежал тяжелый камень. Однако он вспомнил еще одну из любимых присказок матери: «Чем дряннее и противнее снадобье, тем быстрее его надо проглатывать».

Именно так он и собирался поступить.

2

Уже подойдя к машине, Сэм вдруг повернулся на 180 градусов и направился к зданию, в котором размещался утиль. Медленно продвигаясь по заросшему бурьяном пустырю, он провожал взглядом товарный состав, исчезающий в направлении к Камдену и Омахе. Красные сигнальные огни на хвостовом вагоне мерцали, как умирающие звезды. По какой-то неведомой причине товарняки всегда нагоняли на Сэма тоску; сейчас же, после разговора с Грязнулей Дейвом, он вдруг почувствовал, и очень остро, свое одиночество. Прежде, встречаясь с Дейвом, Сэм считал его веселым и разбитным парнем. Сегодня же он понял, что впервые увидел истинное лицо этого человека, и Сэму стало совсем грустно и обидно. Жаль Дейва – вконец потерянная личность, и ведь какой одаренный! А талант свой тратит, малюя афишки для благотворительных ужинов.

На подступах к утилю возвышались мусорные завалы. Пожелтевшие газеты, рваные пластиковые пакеты и целый астероидный пояс продавленных пластиковых бутылок и сплюснутых жестянок. Окна небольшого дощатого строения были зашторены. Табличка на дверях просто гласила: «ЗАКРЫТО».

Сэм закурил и повернул назад. Однако не прошел и дюжины шагов, как взгляд его привлекло нечто знакомое. Сердце екнуло. Он наклонился и подобрал обложку «Любимых стихов американцев». На внутренней стороне был проставлен расплывшийся штамп «СОБСТВЕННОСТЬ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ДЖАНКШЕН-СИТИ».

Что ж, теперь Сэм знал наверняка, что положил книги на газеты в коробку из-под «Джонни Уокера» и напрочь забыл о них. Во вторник, в среду и в четверг набросал сверху еще газет. В четверг утром заявился Грязнуля Дейв и не глядя привычно вывалил содержимое коробки в свой мешок. Мешок отправился в тележку, тележка – сюда, и вот все, что осталось – заляпанная обложка с размытым штампом.

Отбросив ее в сторону, Сэм медленно побрел к машине. Предстояло весьма неприятное объяснение.

Да, похоже, он влип по самую макушку.

Глава 6 Библиотека (II)

Уже на полпути к библиотеке его вдруг осенило – причем мысль показалась Сэму настолько очевидной и простой, что непонятно, как он до этого не додумался раньше. Да, потерял пару библиотечных книжек; только что узнал, что они уничтожены; придется за них заплатить.

И все!

Сэм с неохотой признался себе, что Арделии Лорц удалось не на шутку запугать его, вернув в давно забытый мир детских страхов. Для младшеклассника, потерявшего библиотечную книгу, мир кончался; ему оставалось только одно – беспомощно дожидаться прихода Библиотечного полицейского. Но ведь на самом деле никакой Библиотечной полиции и в помине не было – и Сэм, став взрослым, прекрасно это понимал. И, вместо того чтобы позволять какой-то мисс Лорц помыкать собой, давно пора поставить ее на место, как и любого наемного служащего, нанятого на деньги честных налогоплательщиков.

«Я войду, извинюсь и попрошу прислать мне счет за возмещение ущерба, – подумал Сэм. – И выкину из головы эту идиотскую историю. Проще пареной репы».

Немного нервничая и чувствуя некоторое смущение (но уже более уверенный в себе), Сэм остановил машину напротив библиотеки. Перед входом горели фонари, мягко освещая ступени лестницы и гранитный фасад здания. Вечером оно уже не казалось Сэму таким мрачным и негостеприимным, как при первом посещении. С другой стороны, такое впечатление могло создаться благодаря прекрасной весенней погоде, столь разительно отличавшейся от хмари того мартовского денька, когда он пришел сюда впервые и познакомился с этим цербером в юбке. Как бы то ни было, но это не мрачная гранитная цитадель с узенькими средневековыми бойницами-окнами, а обычная библиотека.

Сэм уже собрался было выйти из машины, как вдруг замешкался. За какие-то считанные мгновения его осенило. Снова.

Перед его мысленным взором возникло лицо женщины, которую изобразил Грязнуля Дейв. Женщины, державшей блюдо с жареными цыплятами. Дейв называл ее Сара. Она показалась Сэму знакомой, и только сейчас он понял почему.

Это была Наоми Хиггинс.

2

Поднимаясь по ступенькам лестницы, Сэм разминулся с двумя детишками в костюмчиках для посещения воскресной школы и придержал дверь, прежде чем та успела закрыться. Вошел в фойе с мраморным полом в черно-белую клетку. И первое, что его поразило, был шум. Точнее, приглушенный гул, доносившийся из читального зала. Разительное отличие от мертвой тишины, встретившей его неделю назад.

«Что ж, ведь сегодня как-никак субботний вечер, – подумал Сэм. – Детишек, наверное, много. К экзаменам готовятся. Но неужели Арделия Лорц могла позволить детям шуметь, пусть даже и не громко? И ведь разрешила! Хотя это совершенно на нее не похоже».

А еще это безмолвное напоминание на одноногой стойке.

ТИШИНА!

Оно исчезло! Вместо него на щите висел портрет Томаса Джефферсона. Под портретом красовалась цитата:

Без книг я жить не могу.

*Томас Джефферсон (из письма Джону Адамсу)
10 июня 1815 года*

Чуть постояв перед портретом писателя, Сэм подумал о том, как многое изменилось

здесь благодаря его появлению; даже вкус во рту.

Если лаконичный призыв

ТИШИНА!

вызывал тревогу и беспокойство, подобные тем, что возникают порой, когда у тебя болит живот, а ко рту подкатывает желчь, то от слов

Без книг я жить не могу,

напротив, появлялось сладостное предвкушение, подобное тому, какое возникает у голодного при виде наконец-то принесенной пищи.

Поражаясь тому, насколько подобные мелочи влияют на настроение, Сэм вошел в библиотеку и... замер как вкопанный.

3

Главный зал был ярко освещен, гораздо ярче... Исчезли раздвижные на резиновых колесах лестницы, достигавшие верхних полок. Да они теперь и не нужны, ведь высота потолка составляла уже всего восемь или девять футов вместо тридцати – сорока. Сейчас, чтобы взять книгу с самой верхней полки, достаточно было встать на один из табуретов, что во множестве стояли вокруг. Журналы веером разложены на широком столе возле библиотечной стойки. Длинной дубовой подставки, в прошлый раз напомнившей Сэму приспособление для просушки шкурок неведомых зверюшек, и след простыл. Не было больше и плаката

ВОЗВРАЩАЙТЕ ВСЕ ЖУРНАЛЫ НА МЕСТО!

Одинокий книжный шкаф с новенькими книгами оставался на месте, однако вместо плаката, который извещал, что все взятое здесь должно быть возвращено не позднее чем через неделю, теперь висел другой:

ПРОЧТИТЕ ЭТИ БЕСТСЕЛЛЕРЫ – ПОЛУЧИТЕ УДОВОЛЬСТВИЕ!

Повсюду сновали и негромко переговаривались посетители – главным образом молодежь. Кто-то даже тихонько хихикал – и это никого не заботило.

Задрав голову, Сэм уставился на потолок, отчаянно пытаясь понять, что за чертовщина тут творится. Огромных слуховых окон в крыше больше не было, а потолок из сводчатого сделался самым обыкновенным – ровным и прямым. Висячие стеклянные шары уступили место современным флуоресцентным лампам.

Направлявшаяся к абонементному столу женщина со стопкой детективных романов, увидев изумление Сэма, тоже задрала голову и посмотрела вверх. Затем, не найдя там ничего достойного внимания, теперь уже с любопытством уставилась на самого Сэма. Какой-то парнишка за столом, увидев эту сценку, подтолкнул локтем своего приятеля и что-то шепнул. Тот покрутил пальцем у виска. Послышались смешки.

Но Сэм не замечал ни жестов, ни смешков. Он даже не соображал, что стоит сейчас с разинутым ртом, пялясь на потолок. Он пытался понять, что происходит.

«Как будто они не могли за это время переделать потолок! И что из этого? Должно

быть, новая конструкция позволяет лучше тепло экономить. Да, но ведь она и словом не обмолвилась про предстоящий ремонт!»

А с какой стати рассказывать ему об этом? В конце концов, Сэм не относился к числу постоянных клиентов.

«Но она даже не была озабочена. Особе со столь консервативными убеждениями предстоящие перемены вряд ли пришлись бы по душе». Верно, конечно. Но еще более Сэма встревожило нечто другое. Замену потолка при всем желании не назовешь пустячным ремонтом. Нет, одной неделей тут никак не обойтись! Да и потом – куда подевались высоченные стеллажи? *А бесчисленное множество книг?*

Уже многие посетители в открытую рассматривали Сэма, да и один из библиотекарей поглядывал на него из-за абонементного стола. Шум голосов почти прекратился; глядя на Сэма, все невольно затихали.

Сэм протер глаза – в буквальном смысле – и снова посмотрел на невысокий потолок с лампами дневного света. Нет, потолок остался на месте.

Я попал не в ту библиотеку! – осенило его. *Вот в чем дело!*

Однако мысль эта, подпрыгнув в его мозгу, словно котенок, испугавшийся собственной тени, тут же убежала. Хотя, по айовским меркам, Джанкшен-Сити считался не самым мелким городком, но при населении в тридцать пять тысяч человек обзаводиться второй библиотекой было просто нелепо. К тому же внешний вид здания, да и общее расположение помещений не позволяли усомниться: библиотека была та же самая... Но тем не менее все внутри изменилось.

Сэм на мгновение подумал, не сбрендил ли он, но тут же отогнал эту мысль прочь. И, оглянувшись по сторонам, наконец заметил, что почти все читатели оторвались от своего занятия и таращатся на него. Его так и подмывало сказать им: «Занимайтесь своими делами – просто я впервые обратил внимание на то, что библиотека за неделю неузнаваемо изменилась». Вместо этого он подошел к столу с журналами и, взяв один, принялся его листать. Уголкем глаза Сэм следил за тем, как мало-помалу посетители вернулись к тому, чем занимались прежде.

Решив, что уже способен передвигаться, не привлекая всеобщего внимания, Сэм положил журнал на место и не спеша направился в детский зал. Он чувствовал себя шпионом, крадущимся по вражеской территории. Табличка на дверях не изменилась – те же золоченые буквы на дубовой облицовке, – а вот плакат уже висел другой. Вместо Красной Шапочки, только что сделавшей свое страшное открытие, на картинке были изображены Вилли, Билли и Дилли – озорные племянники Дональда Дака. В купальных плавках они ныряли в бассейн, заполненный книжками. Призыв внизу гласил:

ЗАХОДИТЕ! ПРЕВОСХОДНОЕ ЧТЕНИЕ.

– Господи, да что тут творится? – пробормотал Сэм себе под нос.

Сердце его бешено стучало, под мышками и на спине проступил пот. Будь дело только в плакате, он бы еще мог предположить, что Лорц уволили... Но ведь все стало совершенно неузнаваемым.

Открыв дверь в детскую библиотеку, он заглянул внутрь.

Там оказался тот же славный мирок с крохотными столами и стульчиками, ярко-синими шторами и фонтанчиком в дальней стене. Но потолок и здесь был такой же, как в соседнем зале, да и плакаты поменялись. Визжащий от ужаса мальчонка в черном автомобиле-седане

(Растяпой Саймоном дети прозвали изображенного на нем мальчишку. Того, что кричит. Должно быть, прозвище ему дали в знак презрения. Чего он разорался-то?)

исчез, как, впрочем, и Библиотечный полицейский в полушинели и серой шляпе.

Сэм вернулся в главный зал и медленно подошел к абонементному столу, но вдруг

почувствовал, что тело его превратилось в некое аморфное желе.

Помощники библиотекаря – юноша и девушка, студенты – смотрели на него. Сэм с досадой заметил их встревоженные взгляды.

Веди себя осторожнее. Нет... держись нормально. БУДЬ САМИМ СОБОЙ. Они и так уже подумали, что у тебя не все дома.

Он вдруг вспомнил Льюки и в ужасе содрогнулся, представив, как орет во весь голос на этих перепуганных ребят, требуя ответить, какая дрянь слямзила его конфетку, и выпрашивая денег на жвачку-жвачку.

Заговорил Сэм тихо и так спокойно, как только мог:

– Извините, вы мне не можете помочь? Я бы хотел поговорить со старшим библиотекарем.

– Ой, мне очень жаль, – развела руками девушка. – Но мистер Прайс по субботам не работает.

Сэм кинул взгляд на абонементный стол. Как и в прошлый раз, на нем стояла табличка, но на ней уже не было выведено:

А. ЛОРЦ.

Вместо этого на табличке значилось:

М-р ПРАЙС.

Словно сквозь туман он услышал слова Наоми: «Высокий такой мужчина. Худой. Лет пятидесяти».

– Нет, – покачал головой Сэм. – Не мистер Прайс. И не мистер Пекхэм. Мне нужна женщина. Арделия Лорц.

Юноша с девушкой обменялись озадаченным взглядом.

– Никакая здесь Арделия Лорд не работает, – сказал наконец юноша. – Должно быть, вам нужна другая библиотека.

– Не Лорд, а *Лорц*, – поправил Сэм; голос его доносился почему-то глухо, словно из подземелья.

– Нет, сэр, вы ошибаетесь, – подтвердила девушка, и Сэм заметил, что она совсем юная, почти подросток.

Почувствовав с их стороны настороженность, Сэм не стал упорствовать, доказывая, что они ошибаются, а не он, и что он, конечно, встречался здесь с Арделией Лорц каких-то восемь дней назад. Тем более что во всем этом была своя логика. Подобно плакатам, косым окнам и деревянной стойке с журналами Арделия Лорц канула в Лету.

В его мозгу опять зазвучал голос Наоми: *Значит, мисс Лорц? Должно быть, вы получили массу удовольствия.*

– Но ведь Наоми-то поняла, о ком идет речь, – пробормотал он.

Оба юных библиотекаря недоуменно смотрели на него.

– Вы уж извините. – Сэм вымучил из себя улыбку. – Что-то у меня день сегодня неудачный.

– Понимаю, – кивнул юноша.

– Все ясно, – хмыкнула девушка.

«Считают меня психом, – подумал Сэм. – Я их ничуть не виню».

– Вы еще что-то хотите? – уточнил юноша.

Сэм уже открыл было рот сказать, что нет – он уже собрался уносить ноги отсюда, – но в последний миг передумал. В конце концов – назвал груздем, полезай в кузов.

– Скажите, а давно здесь работает мистер Прайс?

Помощники старшего библиотекаря переглянулись. Девушка пожала плечами и

ответила:

– Когда мы сюда пришли, он тут уже работал. Хотя мы здесь и недавно, мистер...

– Пиблс, – подсказал Сэм, приветливо протягивая руку. – Сэм Пиблс. Вы уж меня извините. Что-то совсем сегодня не в форме.

Молодые люди уже смотрели на него чуть менее недоверчиво: сработали профессиональные качества Сэма. Ведь он славился умением располагать к себе людей. В противном случае ему бы давно пришлось подыскивать себе новую работу.

– Меня зовут Синтия Берриган, – представилась девушка. – А это Том Стэнфорд.

– Рад с вами познакомиться. – Тон у юного Стэнфорда был неуверенный, но рукопожатием с Сэмом он обменялся, хотя тут же отнял руку.

– Прошу прощения, – позвала читательница детективов. – Может, кто-нибудь мной займется наконец? А то партнеры по бриджу уже заждались меня.

– Я подойду, – бросил Том Синтии и направился к абонементному столу.

Девушка вежливо объяснила:

– Мы с Томом в Чейплтонском колледже учимся, мистер Пиблс. А здесь практику проходим. Я уже третий семестр здесь; мистер Прайс меня еще прошлой весной взял. А Том пришел летом.

– Скажите, а мистер Прайс – единственный ваш штатный библиотекарь?

– Да. – Сэму показалось, что он прочитал в ее красивых карих глазах сочувствие. – А у вас что-то не так?

– Не знаю. – И снова, сам того не желая, посмотрел вверх. – Послушайте, а этот потолок всегда здесь был?

– Точно не знаю. – Синтия проследила за взглядом Сэма. – Я уже застала его таким, какой он сейчас.

– Мне просто казалось, что прежде здесь были окна, прорезанные прямо в крыше. Вроде слуховых.

Синтия улыбнулась.

– Так и есть. Просто отсюда их не видно. А вот снаружи, если обойти вокруг здания, они как на ладони. И из книгохранилища их тоже видно. Но оно наверху, на чердаке. Мне кажется, так всегда было.

Всегда.

– А про Арделию Лорц вы даже не слышали?

Синтия покачала головой:

– Нет, извините.

– А как насчет Библиотечной полиции? – вдруг вырвалось у Сэма.

Девушка звонко расхохоталась.

– Эти байки я только от своей тетки слышала. Она вечно страшила тем, что Библиотечный полицейский заберет меня, если не сдам книжки в срок. Я тогда еще совсем маленькая была и жила в Провиденсе, в штате Род-Айленд. Целую вечность назад.

«Целую вечность, – подумал Сэм. – Лет двенадцать, а то и десять назад. Можно подумать, что по земле тогда бронтозавры бродили».

– Что ж, спасибо за сведения, – сказал он. – И извините, если я вас напугал.

– Совсем не напугали, – возразила Синтия.

– Напугал немножко. Просто мне сначала показалось, что не туда попал.

– А кто такая Арделия Лорц? – осведомился возвратившийся Том Стэнфорд. – Имя вроде бы мне знакомо, но только никак не могу вспомнить, где я его слышал.

– Да я и сам точно не знаю, – отмахнулся Сэм.

– Завтра у нас выходной, – сказал Том, – а в понедельник выйдет мистер Прайс. Может, он сумеет вам помочь.

– Вполне возможно, что я и правда заскочу к нему. Еще раз спасибо.

– Всегда рады помочь вам, мистер Пиблс, – улыбнулся Том. – Боюсь только, что сегодня у нас это не слишком получилось; не повезло.

– Мне тоже, – вздохнул Сэм.

4

Уже отпирая дверцу своей машины, Сэм вдруг почувствовал, что у него отнимаются ноги. Ему пришлось даже опереться о крышу, чтобы не упасть. Плюхнувшись на сиденье, он сидел, переводя дух и опасаясь, что вот-вот лишится чувств.

«Да что тут происходит, черт побери? Я чувствую себя сродни персонажам Рода Серлинга. «Вашему вниманию представляется Сэмюэль Пиблс, некогда проживавший в Джанкшен-Сити, а теперь торгующий недвижимостью и жизнями в... Сумеречной Зоне».

Да, с ним происходило нечто подобное. С той лишь разницей, что смотреть по телевизору злоключения героев в «Сумеречной Зоне» было занято и увлекательно. Но самому оказаться на их месте – совсем иное дело.

Сэм кинул взгляд на здание библиотеки, на входящих и выходящих людей, освещаемых фонарями. Вот и пожилая дама с детективами под мышкой; спешит, должно быть, на свой бридж. Две девчушки сбегают по ступенькам, прижав книжки к груди и весело переговариваясь. Все выглядит абсолютно нормальным... да так оно и есть на самом деле. А вот библиотека, в которой довелось побывать ему неделю назад, была отнюдь не нормальной. Видимо, он так увлекся своей предстоящей речью, что не обратил внимания даже на вопиющие странности.

«Не думай, забудь, – уговаривал себя Сэм, будучи при этом уверен, что на сей раз это будет уже выше его сил. – Вспомни Скарлетт О’Хару: *отложи все мысли на завтра. Когда взойдет солнце, все прояснится*».

Сэм включил первую скорость и думал о библиотеке всю дорогу домой.

Глава 7 Ночные кошмары

1

Сэм первым делом проверил автоответчик. Сердце его упало, когда он увидел, что горит лампочка записи.

«Это наверняка Лорц. Не знаю, кто она на самом деле, но мне начинает казаться, что успокоится она лишь, когда меня в психушку упрячут». «Так не слушай!» – посоветовал ему другой участок мозга, однако Сэм был уже настолько сбит с толку, что не мог оценить, здравая это мысль или нет. На первый взгляд – здравая, но вместе с тем какая-то трусливая. Более того...

Заметив наконец, что стоит в холодном поту и кусает ногти, Сэм обескураженно хмыкнул и подумал: *От четвероклассника до душевнобольного. Нет уж, милочка, я скорее сдохну, чем уступлю тебе!* Он решительно нажал кнопку.

– Привет! – послышался пропитой мужской голос. – Меня зовут Джозеф Рэндовски, мистер Пиблс. Или – Невероятный Джо. Я хотел просто поблагодарить за то, что вы меня подменили на встрече этих вегетоторарианцев или как там их... Еще хочу сказать, что шея у меня вовсе не сломана, как поначалу думали, – оказалось, только растяжение. Так что мне уже гораздо лучше. Я отправил вам целую кучу контрамарок на наши шоу. Можете всем друзьям раздать. Будьте здоровы. Еще раз спасибо. Счастливо.

Послышался щелчок, и зажглась лампочка «Больше сообщений нет».

Сэм презрительно фыркнул – если Арделия Лорц хотела его запугать, то почти добилась своего; нажал кнопку перемотки и тут же сообразил. Он привык всегда перематывать ленту на начало, а это значит, что новые сообщения записывались поверх старых. Сообщение Невероятного Джо наверняка стерло предыдущее послание Арделии

Лорц. Единственное свидетельство того, что эта женщина существует на самом деле, было уничтожено.

Или нет? Оставалась ведь еще карточка читателя. Сэм своими глазами видел, как эта мегера заполняла ее размашистым почерком с завитушками. Он достал бумажник и заглянул внутрь; проверил содержимое три раза, прежде чем окончательно убедился, что карточка тоже исчезла. И, кажется, догадался почему. Он смутно припоминал, что сунул ее в кармашек на внутренней стороне обложки «Любимых стихов американцев».

Для сохранности.

Чтобы не потерять.

Потрясающе! Лучше и придумать невозможно.

Присев на диван, Сэм сжал ладонями виски. Голова раскалывалась.

2

Четверть часа спустя, разогревая на плите суп в надежде, что горячая еда снимет головную боль, Сэм вдруг снова вспомнил о том, как поразительно Наоми похожа на женщину с плаката Грязнули Дейва. Вопрос о том, вела ли Наоми двойную жизнь, скрываясь также под именем Сары, сейчас отступил на второй план. Главным Сэму представлялось другое: она знала Арделию Лорц. Правда, восприняла Наоми упоминание об этой даме довольно странно... даже как-то непонятно. В первое мгновение будто испугалась, а затем поспешила перевести все в шутку, а тут еще и Берт Айверсон позвонил...

Сэм попытался проиграть в уме разговор с Наоми, но, к своей досаде, вспомнил лишь какие-то обрывки. Да, Наоми согласилась, что Арделия – дама со странностями, но больше, как ни старался, ничего припомнить не мог. Тогда ведь ему не казалось, что это важно. В те минуты он упивался неожиданными – счастливыми – изменениями в своей карьере. Это и сейчас не утратило актуальности, но по сравнению со всем остальным как-то ушло в тень. Да и вообще – *все* сейчас ушло в тень. Его мысли без конца возвращались к низкому потолку и изменившейся обстановке библиотеки. Сэм был уверен, что не сошел с ума, но понимал: именно такая судьба ожидает его в том случае, если он не разгадает эту загадку. Казалось, в черепе вдруг образовался бездонный колодец, в котором беззвучно и бесследно исчезало все, что туда попадало. Сэм надеялся, что со временем это ощущение пройдет, но пока это было ужасно.

Повернув уровень газовой горелки на минимум, он пошел в кабинет и отыскивал номер телефона Наоми. После трех звонков ему ответил надтреснутый старческий голос. Хотя Сэм и не видел ее уже пару лет, голос он узнал сразу. Это была престарелая мать Наоми.

– Здравствуйте, миссис Хиггинс. Это Сэм Пиблс.

Он приутих, ожидая услышать что-то вроде «О, привет, Сэм!» или «Как ваши дела?», но в трубке раздавались только тяжелое прерывистое дыхание и сопение. Сэм никогда не был любимчиком миссис Хиггинс, и, похоже, двухлетняя разлука несколько не растопила ее сердца.

Не дождавшись ответа, Сэм решил заговорить сам.

– Как ваши дела, миссис Хиггинс?

– По-разному, – недовольно процедила старуха.

Сэм был обескуражен. Реплика миссис Хиггинс выбила почву у него из-под ног. Что можно сказать в ответ на такое? «Ах, как жаль!» – никуда не годилось, а «Рад это слышать, миссис Хиггинс!» – еще хуже.

Он вышел из положения, спросив, нельзя ли поговорить с Наоми.

– Ее нет дома, и я не знаю, когда она вернется.

– А вы не сможете передать, чтобы Наоми мне перезвонила?

– Я ложусь спать. И не просите, чтобы я оставила записку. Артрит проклятый окончательно меня достал.

Сэм вздохнул.

– Хорошо, тогда я завтра перезвоню.

– Завтра утром мы идем в церковь, – проскрипела миссис Хиггинс тем же недовольным, безжизненным тоном. – А днем поедem на первый весенний пикник юных баптистов. Наоми там помогает.

Сэм понял, что больше ничего не добьется. Было ясно, что миссис Хиггинс решила оборонять свои редуты до последнего патрона. Он уже хотел попрощаться, но в последнее мгновение передумал.

– Скажите, миссис Хиггинс, не знакома ли вам фамилия Лорц? Я имею в виду Арделию Лорц.

Тяжелое дыхание вдруг прервалось. На минуту воцарилась могильная тишина, затем миссис Хиггинс отчеканила:

– Господи, и долго еще вы, отступники отъявленные, будете нас доводить? Неужто вас это забавляет? Или вы намеренно издеваетесь?

– Вы не поняли, миссис Хиггинс. – Сэм был ошарашен. – Я хотел только узнать...

В трубке громко щелкнуло. словно миссис Хиггинс переломила о свое колено сухую тросточку. Послышались короткие гудки.

3

Покончив с супом, Сэм провел полчаса у телевизора. Без толку. Его мысли упорно возвращались к женщине на плакате Грязнули Дейва, перескакивали на обтрепанную обложку «Любимых стихов американцев» или на исчезнувшее изображение Красной Шапочки. Но обрывались неизменно на низком потолке библиотеки.

Наконец Сэм сдался и лег в постель; худшего субботнего дня он и припомнить не мог; мечтал лишь об одном: как бы поскорее уснуть, чтобы забыть об этом ужасе.

Однако сон не приходил.

Вместо сна навалились кошмары.

Самым страшным был тот, в котором Сэму постоянно, навязчиво казалось: «Я теряю рассудок». Он даже не предполагал раньше, насколько это ужасно. В кино, бывало, герой сидел у психиатра и, схватившись за голову, жалобно причитал: «Ах, доктор, мне кажется, я схожу с ума». А врач утешал его и пичкал таблетками. В действительности же ощущение у Сэма было такое, словно он чесал мошонку и вдруг обнаружил под ней здоровенную опухоль.

Когда стрелки часов едва перевалили за полночь, Сэм пришел к твердому выводу: не могла библиотека настолько преобразиться за какую-то неделю. Но и слуховые окна видеть из читального зала он тоже никак не мог. По словам этой Синтии Берриган, за год, что она проработала в библиотеке, никакого ремонта там не было. Это означало одно: рассудок его помутился. Или в мозгу растет опухоль. А может, у него болезнь Альцгеймера?⁷ При одной лишь мысли *об этом* Сэм похолодел. Где-то он вычитал, что сей страшный недуг поражает все более молодых людей. Неужели и его постигла столь чудовищная участь?

Перед его глазами возникла доска объявлений, на которой красными, как корень лакричника, жирными буквами были выведены три слова:

СХОЖУ С УМА.

Жизнь у него была самая что ни на есть обыкновенная: заурядные радости и заурядные огорчения; не слишком насыщенная событиями. Пусть он никогда не видел свою фамилию

⁷ Синдром Альцгеймера – психическое заболевание, для которого характерны провалы в памяти и неадекватное восприятие окружающей действительности.

среди рекламных огней, но ведь и повода усомниться в собственном здравомыслии тоже никогда не было. И вот теперь Сэм лежал в смятой постели и силился понять: неужели именно так люди теряют контакт с окружающим миром? С реальным миром. Неужели именно таким образом ты

СХОДИШЬ С УМА?

Затем его начали мучить суматошные мысли про Наоми Хиггинс. Неужели она и вправду могла – под вымышленным именем – быть ангелом-хранителем приюта для бездомных Джанкшен-Сити? Нет, невозможно. Или да? Сэм уже начал сомневаться и в своих последних деловых успехах. Неужто все это только плоды галлюцинаций?

Потом он вспомнил про Арделию Лорц, и вот тогда ему стало совсем уже несладко. Сэм вдруг с замиранием сердца представил, что Арделия Лорц прячется в его стенном шкафу или даже под кроватью. Он едва ли не воочию видел, как эта дама, злорадно ухмыляясь, потирает руки с длинными острыми ногтями, как разметались в темноте ее волосы наподобие какого-то причудливого парика. Сэму вдруг показалось, что он рассыплется в прах, если Арделия вздумает прошептать ему на ухо: *Вы потеряли книги, Сэм, и теперь вам придется иметь дело с Библиотечной полицией... вы потеряли книги... вы пот-тер-ряли иххх...*

Очень скоро Сэм понял, что терпеть эти кошмары больше не в состоянии, и стал нащупывать выключатель ночника. Но тут же оказался во власти нового кошмара: в спальне он был не один, правда, таинственным посетителем оказалась отнюдь не Арделия Лорц. О нет! Перед ним предстал Библиотечный полицейский с исчезнувшего из детской читальни плаката.

Он стоял в полутьме, высокий и бледнолицый, облаченный в полушинель и серую шляпу. Левую щеку зигзагом перерезал зловещий шрам, тянувшийся до самой переносицы. Тогда, в библиотеке, Сэм этого шрама не заметил – возможно, потому, что художник решил не изображать его. Но шрам был. Сэм это точно знал.

«Вы ошиблись насчет кус-стов, – говорил полицейский, слегка присвистывая. – Кус-сты там рас-стут. С-сколько душе угодно. И мы на них с-скоро пос-смотрим. Вмес-сте с вами».

Нет! ПРЕКРАТИТЕ! Пожалуйста – НЕ НАДО!

Сэм наконец нащупал выключатель, но в это мгновение скрипнула половица, и он невольно вскрикнул от ужаса. Вспыхнул свет. В первую секунду Сэму показалось, что он и в самом деле видит высоченного полицейского, но тут же сообразил: это только тень на стене от шкафа. Свесив ноги на пол, Сэм обхватил голову руками. Затем неловко потянулся за пачкой «Кента» на ночном столике.

– Ты должен взять себя в руки, – пробормотал он себе под нос. – Что за дурацкие мысли, черт тебя дерит?

Сам не пойму, поспешно отозвался внутренний голос. *И не хочу понимать. И кусты эти паршивые хочу навсегда из головы выкинуть. Забыть напрочь. Как и вкус солодки. Ее приторную сладость.*

Он закурил и глубоко затянулся.

Страшнее всего было то, что в следующий раз он может на самом деле увидеть полицейского. Или Арделию. Или Горго, императора Пеллуцидара. Ведь после такой галлюцинации – а Сэм ничуть не сомневался, что первое посещение библиотеки и знакомство с Арделией Лорц было самой настоящей галлюцинацией, – ему могло привидеться все что угодно. Стоит только представить себе несуществующие слуховые окна и кусты, как уже все становится возможным. Что же делать, когда собственный мозг взбунтовался? Как обуздать его?

Сэм спустился на кухню, по пути везде включая свет и с трудом подавляя желание

обернуться и посмотреть, не крадется ли за ним кто. Полицейский с бляхой, например. Сэм понимал, что ему нужно снотворное, но за неимением даже самых обычных успокоительных порошков или таблеток, которые продают без рецепта, – придется обойтись чем-то иным. Он плеснул молока в кастрюльку, подогрел, перелил в кофейную чашку и добавил бренди. Эту процедуру он как-то раз подсмотрел в кино. Попробовав варево, Сэм скривился и хотел было вылить отвратительное пойло в раковину, когда взгляд его упал на электронные часы в панели микроволновой печи. Без четверти час. До рассвета далеко. Долго ему еще представлять, как крадутся по ступенькам его лестницы Библиотечный полицейский и Арделия Лорц – с длинными ножами в зубах.

«Или стрелами, – подумал он. – Длинными черными стрелами. Арделия и Библиотечный полицейский с длинными черными стрелами в зубах. Как вам такая галлюцинация, друзья-приятели?»

Стрелы?

Почему стрелы?

Сэму не хотелось об этом думать. Он уже устал от мыслей, которые вдруг выпархивали из безобидной тени, жаля его, словно шершни.

Я не хочу об этом думать! Не хочу и не буду!

Допив молоко с бренди, он поднялся в спальню и лег в постель.

4

Выключать ночник Сэм на этот раз не стал и почувствовал себя увереннее. Даже показалось, что он сумеет уснуть еще до того, как Вселенная погибнет от теплового кризиса. Натянув на подбородок шерстяное кашне, он сплел пальцы на затылке и устался в потолок.

Но ведь ЧТО-ТО из всего этого должно было случиться и на самом деле, подумал он. Не может же ВСЕ быть галлюцинацией... Если, конечно, у меня и сейчас не бред и я не брошен в психушку, затянутый в смиренную рубашку, и лишь представляю, что лежу в собственной постели.

Нет, речь свою он в клубе произнес – это точно. Да и шутками из «Помощника оратора» воспользовался. И стихотворение Спенсера Майкла Фри из «Любимых стихов американцев» вставил в текст. Ни той, ни другой книги у него дома никогда не было, значит, он действительно взял их в библиотеке. Да и Наоми знала Арделию Лорц – по крайней мере имя это произвело на нее впечатление. Но особенно – на ее мать! Брррр! Как будто он ей шутку под кресло-качалку подложил.

«Нужно поспрашивать вокруг, – подумал он. – Если миссис Хиггинс знакомо это имя, то и другие могут его знать. Не подростки какие-нибудь из Чейплтонского колледжа, а люди, которые прожили в Джанкшен-Сити уже много лет. Фрэнк Стивенс, скажем. Или Грязнуля Дейв».

Сэм наконец забылся. Невидимую грань между бодрствованием и сном он переступил, сам того не заметив; полет его мыслей не только не оборвался, но принял самые причудливые и невероятные формы. Которые, в свою очередь, постепенно сложились в сон. А сон превратился в кошмар. Он снова очутился на Ангол-стрит в компании трех пьянчуг, которые сидели на крыльце и, пыхтя от усердия, трудились над рисунками. Сэм спросил Грязнулю Дейва, чем тот занимается.

– *Так, просто время убиваю,* – ответил Дейв и почти робко показал свой плакат Сэму.

Сэм сразу узнал Растяпу Саймона. Мальчишка был распят над разведенным костром. В одной руке он сжимал кроваво-красный корень солодки, плавившийся от жара. Одежда Саймона уже полыхала, но он был еще жив. Лицо исказилось в безумном крике. Под вселяющим леденящий ужас изображением была подпись:

**ДЕТСКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ УЖИН
В КУСТАХ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
В ФОНД ПОДДЕРЖКИ
БИБЛИОТЕЧНОЙ ПОЛИЦИИ
С ПОЛУНОЧИ ДО ДВУХ ЧАСОВ НОЧИ
ПРИХОДИТЕ САМИ
И ПРИВОДИТЕ СВОИХ ДРУЗЕЙ
НА НАСТОЯЩУЮ ЖВАЧКУ-ЖРАЧКУ**

– *Боже мой, Дейв, что это за ужас!* – воскликнул во сне Сэм.

– *Ничего ужасного здесь нет,* – возразил Грязнуля Дейв. – *Детишки зовут этого малого Растяпой Саймоном. Они просто обожают им лакомиться. На мой взгляд, такая пища им очень полезна. Разве не так?*

– *Взгляните-ка!* – выкрикнул Рудольф. – *Наша Сара идет!*

Сэм поднял голову и увидел Наоми, которая приближалась по пустырю к Ангол-стрит со стороны утиля. Она шла очень медленно, толкая перед собой тележку, битком набитую десятками экземпляров «Помощника оратора» и «Любимых стихов американцев». Солнце за ее спиной садилось – красная огнедышащая печь, – а длинный пассажирский состав гроыхал по рельсам, исчезая в пустоши запада Айовы. В нем было вагонов тридцать, причем все были выкрашены в черный цвет. Из окон свешивались, развеваясь на ветру, траурные полотна. Сэм понял, что это поезд-катафалк.

Повернувшись к Грязнуле Дейву, он сказал:

– *Это вовсе не Сара. Ее зовут Наоми. Наоми Хиггинс из Провербии.*

– *Ничего подобного,* – возразил Грязнуля Дейв. – *Это сама Смерть идет, мистер Пиблс. Смерть ведь тоже женщина.*

И вдруг заголосил Льюки. Он визжал, словно свинья в человеческом облике.

– Уи-ии, она конфетки несет! Уи-ии, она конфетки несет! Теперь никакая сука их у меня не возьмет!

Сэм оглянулся, чтобы посмотреть, кого имеет в виду Льюки. Женщина приблизилась, но это была уже не Наоми. Арделия! Одета в белесую полушинель. Но в тележке были вовсе не конфеты, как считал Льюки, а корневища солодки, туго переплетенные между собой. На глазах у Сэма Арделия схватила пригоршню корней и принялась жевать. Зубы у нее были длинные и какие-то обесцвеченные. Острые и могучие, как клыки вампира. Арделия ощерилась, и изо рта ее брызнула яркая кровь, заляпав розоватым облачком горизонт с заходящим солнцем. Ручейки крови стекали по ее подбородку, обгрызенные корешки падали на землю, обагрывая ее кровавым соком.

Арделия воздела руки, которые вдруг превратились в когтистые лапы.

– *Ввы пот-тер-яли КНИГ-ГИ!* – истошно завопила она и набросилась на Сэма.

5

Сэм очнулся и подскочил, не смея вздохнуть. Он лежал в самом изножье кровати, сбив в кучу всю постель, мокрую от пота. Из-под приспущенных жалюзи пробивался серый призрачный свет. Часы на столике показывали 5.53.

Он встал и, поеживаясь от прохладного воздуха, прошел в туалет и помочился. Голова немного побаливала – то ли от молока с бренди, то ли от ночных кошмаров. Сэм принял две таблетки аспирина и снова забрался в постель. Натянул одеяло на голову; влажные простыни каждой пропитанной его потом складочкой напоминали о кошмарных сновидениях. Сэм знал, что больше не уснет, но хотел просто спокойно полежать без безумных видений.

Однако, едва коснувшись головой подушки, Сэм вдруг понял: он узнал кое-что еще – не менее поразительное и неожиданное, чем то, что Сара и Наоми – одно лицо. Это было связано с Грязнулей Дейвом и... с Арделией Лорц. *Но это был всего лишь сон, подумал Сэм.*

Я ведь во сне про это узнал.

И погрузился в глубокий, безмятежный сон. Без сновидений. Когда Сэм проснулся, было уже почти одиннадцать. Стоял прекрасный день, и колокольный звон призывал верующих на молебен. Любуясь свежей травой, залитой ярким солнцем, Сэм не просто взбодрился: он почувствовал себя так, будто родился заново.

Глава 8 Ангол-стрит (II)

1

Он состряпал себе завтрак – омлет из трех яиц с зеленым луком, апельсиновый сок, целый кофейник кофе – и стал раздумывать, а не стонять ли еще разок на Ангол-стрит. Сэм не мог забыть то удивительное озарение, которое испытал перед тем как уснуть, и был убежден – это неспроста, однако не уверен в том, что ему надо и впредь заниматься этим безумным делом.

При ярком свете весеннего утра ночные страхи показались ему нелепыми и вздорными. Господи, как хотелось выбросить из головы всю эту дурацкую свистопляску! Ну случилась с ним совершенно странная и необъяснимая история... Ну и что из этого? Да гори она синим пламенем!

В свое время он немало начитался про привидения, предчувствия и всякую прочую чертовщину, однако особой тяги ко всей этой чепухе не питал. Да, порой он с удовольствием смотрел в кино какой-нибудь «ужастик» – и только. Как личность сугубо прагматическая, Сэм вообще не питал интереса к паранормальным явлениям... если таковые вообще существовали. Да, пусть с ним и случилось нечто, скажем, сверхъестественное... Но ведь оно уже в прошлом. Так пусть там и остается.

Она же сказала, что хочет получить книги завтра.

Впрочем, это уже его не слишком тяготило. Даже несмотря на послание, оставленное ею на автоответчике, Сэм больше не верил в существование Арделии Лорц.

Но вот что его действительно интересовало, так это собственное отношение к случившемуся. Сэм вдруг вспомнил лекции в колледже по биологии. Преподаватель рассказывал, как здорово научился бороться человеческий организм с болезнетворными микробами. В памяти даже всплыли его слова о том, что из-за раздутых средствами массовой информации слухах о наступлении рака, гриппа и венерических заболеваний люди прониклись паническим страхом перед этими недугами.

«Между тем, – говорил преподаватель, – в нашем теле есть свои спецподразделения «коммандос», специально обученные бороться с неприятелем. И такие подразделения не знают пощады. Если бы не эта армия вышколенных бойцов, никто из нас не прожил бы и пары месяцев». Насколько Сэм помнил, организм прибегал к тактике изоляции. Неприятеля окружали и отрезали от источников питания, так что ему оставалось только задрать лапки и умереть. Теперь Сэм убедился, что подобной же тактики придерживается и атакованный мозг. Сэму и прежде не раз и не два случалось ложиться спать, подхватив простуду, но уже на следующее утро он просыпался здоровым. Организм за ночь брал свое, уложив микробы на обе лопатки.

Прошлой ночью случилось нечто подобное – только вместо горла нападению подвергся его мозг. Утром вторгшиеся неприятельские войска, грозящие если не уничтожить, то подчинить себе его рассудок, были окружены и отрезаны от источников питания. Окончательная победа была лишь делом времени. Что-то подсказывало Сэму: раздумывая о случившемся, он лишь играет на руку супостату.

«Вот, значит, как это происходит, – подумал он. – Вот почему газеты пестрят сообщениями о загадочных и необъяснимых явлениях. Первым страдает мозг... а затем

организм накапливает силы и переходит в контрнаступление».

И все же Сэма разбирало любопытство. Вот в чем его беда! Неспроста ведь говорят, что любопытство сгубило кошку. С другой стороны – говорят, что у кошки девять жизней, говорят, живуч как кошка.

Кто? Кто так говорит?

Этого Сэм не знал, но решил выяснить. В библиотеке, например.

Опуская посуду в раковину, Сэм улыбался. Он дал себе зарок, что все-таки попытается расследовать эту невообразимую историю.

Хотя бы чуть-чуть.

2

На Ангол-стрит Сэм вернулся в половине первого. Старенький голубой «датсун» Наоми у входа не слишком удивил его. Он поставил свою машину сзади и поднялся по скрипучим ступенькам, миновав плакат, призывавший выкинуть в урну любые бутылки, которые ты несешь с собой. Сэм постучал, но ответа не услышал. Толкнув дверь, он очутился в просторной прихожей... совершенно голой, если не считать телефона-автомата. Обои в прихожей были чистые, но выцветшие от времени. В нескольких местах подклеены скотчем.

– Эй, есть здесь кто?

Молчание. Он медленно, чувствуя себя незванным пришельцем, пересек прихожую. На двери в гостиную красовались два плакатика, прищипленные кнопками.

ДРУЗЬЯ БИЛЛА, ВХОДИТЕ!

А вот второй, прикрепленный чуть ниже, показался Сэму глубокомысленным и одновременно совершенно дурацким. Вот что было на нем начертано:

ВРЕМЯ ЗАНИМАЕТ ВРЕМЯ.

Помимо софы, перехваченной в нескольких местах изоляционной лентой, в гостиной были расставлены стулья – почему-то все разные. Стены были увешаны плакатами. На маленьком столике у телевизора – кофеварка. Телевизор выключен.

Медленно ступая, Сэм пересек прихожую; он уже поймал себя на том, что воровато осматривается, поочередно заглянул в три комнаты, выходящие в общий коридор. В каждой из них стояло по две кровати; нигде не было ни души. Все три спальни поразили своей опрятностью, и каждая поведала собственную историю. Одна, например, насквозь пропахла мастикой. В другой стоял удушливый запах какой-то тяжелой болезни. «Либо здесь кто-то умер, – подумал Сэм, – либо стоит одной ногой в могиле».

В конце коридора располагалась кухня; в ней тоже никого. От солнечных лучей было просторно и светло; выцветший линолеум горбатился на полу подобно песчаным барханам в пустыне. Печь с вмонтированной в нее газовой плитой размещалась в неглубокой нише. Раковина была глубокая и допотопная, эмаль облупилась и пошла ржавыми пятнами. Возле буфета установлены старенькая моечная машина и газовый сушильный шкаф. Здесь пахло вчерашними тушеными бобами.

Сэму кухня понравилась. С одной стороны, все вокруг говорило о любви, с другой – о заботе и выстраданном счастье. Сэм невольно вспомнил кухню своей бабушки, где тоже чувствовал себя хорошо и спокойно. В безопасности. К дверце огромного холодильника была прилеплена магнитиком табличка с призывом:

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ НАС, НЕПЬЮЩИХ!

Снаружи слышались голоса. Сэм подошел к открытому окну. Дул теплый весенний ветерок. За домом уже пробивалась первая зелень; на деревьях, обступивших Ангол-стрит жиденькой изгородью, распустились почки, а вот грядки в небольшом огороде определенно дожидались более теплых дней. На спортивной площадке была укреплена волейбольная сетка, немного провисшая посередине. Справа, на двух подковообразных грядках, робко зеленели первые травинки. Нельзя сказать чтобы зрелище пленяло воображение – впрочем, ничего иного ожидать в это время года и не приходилось, – однако ухоженность, трогательная забота чувствовались и здесь.

На раскладных стульях, расставленных кругом между волейбольной сеткой и клумбами, расположилось около дюжины человек. Сэм сразу узнал Наоми, Дейва, Льюки и Рудольфа. Мгновение спустя он разглядел также Бerta Айверсона, самого известного адвоката Джанкшен-Сити, и Элмера Баскина, банкира, которому не довелось услышать знаменитую речь Сэма, но который тем не менее позвонил и поздравил его с успехом.

Порыв ветра всколыхнул клетчатые занавески на окнах и взъерошил седовласую шевелюру Элмера. Банкир, посмотрев на солнце, улыбнулся. Сэм поразился выражению несказанного удовольствия на лице Элмера. Меньше всего он сейчас напоминал богатейшего в городке банкира: совершенно рядовой обыватель, радующийся долгожданной весне и просто наслаждающийся жизнью.

Нереальность увиденного ошеломила Сэма. Уже одно то, что Наоми Хиггинс якшалась тут с бездомными пьяницами, да к тому же под вымышленным именем, было достаточно странно и необъяснимо; присутствие же в этой компании двух столь уважаемых граждан Джанкшен-Сити выглядело совершенно невероятным. В этот миг незнакомый Сэму мужчина в потертых зеленых брюках и фуфайке с эмблемой бейсбольного клуба из Цинциннати поднял руку. Рудольф кивнул ему.

– Меня зовут Джон, – произнес незнакомец. – Я тоже алкоголик.

Сэм отпрянул от окна, ощущая себя не только незванным пришельцем, но и подлым соглядатаем. Шпионом. Он считал, что по воскресеньям «анонимные алкоголики» собираются в гостиной, но сегодня – должно быть, из-за солнечной погоды – они решили побеседовать на свежем воздухе. Сэм был убежден, что это придумала Наоми.

«Завтра утром мы идем в церковь, – сказала миссис Хиггинс, – а днем – на пикник юных баптистов».

«Интересно, известно ли старой миссис Хиггинс, что ее дочь проводила время вовсе не с баптистами, а с алкашами?» – подумал Сэм. И тут же сам решил, что да. Сэму показалось, что он понял, почему Наоми оказалась сыта по горло им уже после второго свидания. Тогда он подумал, что все дело в религии, да Наоми и не пыталась это опровергнуть. Тем не менее после первого свидания – похода в кино – девушка согласилась встретиться с ним снова. А после второго свидания вдруг резко охладела к нему. Так, во всяком случае, показалось Сэму. Во второй раз он повел Наоми в ресторан. И заказал вино. «Откуда, черт побери, мне было знать, что она алкоголичка? Я ведь не ясновидящий!» Разумеется, знать этого Сэм не мог, но тем не менее лицо его запылало. *Или... дело вовсе не в спиртном? Либо не только в спиртном? Может, ее беспокоит еще что-то?*

Вдруг Сэму стало не по себе. Что случится с ним, если Берт Айверсон и Элмер Баскин – весьма влиятельные и авторитетные личности – узнают, что агент по недвижимости раскрыл их тайну? Пронюхал, что оба они являются членами самого крупного тайного общества? Возможно, и ничего; впрочем, Сэм мало что знал про «АА», одно, правда, он знал точно – первое «А» означало «анонимные», и этим могущественным людям ничего не стоило развеять в прах честолобивые стремления Сэма и оставить его без работы. Поэтому он решил незаметно улизнуть. Причем руководствовался Сэм, следует отдать ему должное, не только собственными интересами. Людей, сидевших сейчас на заднем дворе Ангол-стрит,

объединяло общее несчастье. Обнаружив это совершенно случайно, Сэм вовсе не собирался оставаться здесь и подслушивать.

Возвращаясь по коридору, Сэм заметил стопку бумаги на полочке у телефона-автомата. Рядышком на веревке болтался огрызок карандаша. Сэм не долго думая схватил карандаш и быстро нацарапал на листке: «Дейв! Я заезжал утром, но никого не застал. Хотел поговорить с Вами по поводу некой Арделии Лорц. Кажется, Вам это имя знакомо, а мне необходимо побольше узнать об этой женщине. Не могли бы Вы сегодня вечером позвонить, если представится случай? Мой телефон – 555-8699. Заранее признателен». Затем собрался было отнести записку на кухню, но в последний миг передумал – ему не хотелось, чтобы кто-то из этих людей, вставших на тернистый, но достойный путь исправления, заподозрил, что за ними подглядывали. Особенно не хотелось беспокоить Наоми. Поэтому он оставил записку в гостиной на телевизоре, сложив ее так, чтобы имя Дейва сразу бросалось в глаза. Сэм хотел было положить рядом двадцатипятицентовик для телефона, но передумал. Дейв мог и обидеться.

Сэм удалился, довольный тем, что никто его не заметил. Уже садясь в свою машину, он увидел наклейку на заднем бампере «датсуна» Наоми:

ВОЗДАЙ БОГУ – И ТЕБЕ ВОЗДАСТСЯ.

– Лучше уж Бог, чем Арделия, – пробормотал себе под нос Сэм и постарался отъехать как можно тише.

3

Ближе к вечеру Сэма стало клонить ко сну – начала сказываться беспокойная ночь. Он включил телевизор, настроился на бейсбол – начинался восьмой иннинг игры «Бостона» с «Цинциннати» – и почти сразу задремал. Вывел его из оцепенения телефонный звонок; Сэм ошалело потянулся к трубке.

– Алло?

– Выкиньте из головы эту женщину! – без всякого вступления заговорил Грязнуля Дейв; голос его чуть дрожал. – Даже не думайте про нее!

Господи, и долго еще вы, отступники отъявленные, будете нас доводить? Неужто вас это забавляет? Или вы намеренно издеваетесь?

Сонливость Сэма тут же как рукой сняло.

– Дейв, да что же это за женщина такая? Стоит только о ней речь завести, и все тут же шарахаются, словно черти от ладана. Или делают вид, что впервые слышат ее имя. Кто она такая? И чем, черт побери, так запугала всех вас?

Дейв долго не отвечал. Сэм терпеливо ждал, чувствуя, как неистово колотится сердце. Если бы не тяжелое дыхание, которое слышалось в трубке, он бы подумал, что Грязнуля Дейв повесил трубку.

– Послушайте, мистер Пиблс, – наконец заговорил тот, – вы славный человек. Не раз меня выручали в трудную минуту. Без вас и некоторых других я бы не продержался на плаву. Но только не спрашивайте меня про эту гадину! Не могу я о ней говорить. И вам не советую расспрашивать про нее. Вам же лучше будет.

– Звучит как угроза, – промолвил Сэм.

– Во все нет! – В голосе Дейва слышалось нескрываемое беспокойство. – Нет, мистер Пиблс, я просто считаю своим долгом предупредить вас – как предупредил бы, увидев, что вы приближаетесь к пропасти с завязанными глазами... Забудьте о ней и никогда больше не вспоминайте. Пусть покойники почивают с миром.

Пусть покойники почивают с миром!

Нельзя сказать, чтобы Сэма очень удивили эти слова; ведь все, что с ним случилось,

свидетельствовало о том же: Арделии Лорц давно нет в живых. А он – Сэм Пиблс, мелкий агент по страхованию и торговле недвижимостью, – сам того не подозревая, общался с призраком! И ведь не только общался, черт побери! Он уплатил ей два доллара, взял книги, а взамен получил от нее формуляр.

Словом, Сэм не слишком удивился... однако по спине его поползли мурашки. Даже руки покрылись гусиной кожей.

Не надо было тебе соваться в эту историю, твердил кто-то в отдаленном уголке его мозга. *Я же тебя предупреждал.*

– А когда она умерла? – спросил Сэм; голос его прозвучал глухо и отстраненно.

– Я не хочу это обсуждать, мистер Пиблс! – завопил Дейв и сорвался на визгливый фальцет. – *Пожалуйста,* не надо!

«Оставь его в покое! – гневно приказал себе Сэм. – У Дейва и без тебя забот полон рот».

Да. Он больше не будет приставать к Дейву – в городе наверняка еще найдутся люди, которые расскажут ему про Арделию Лорц... Нужно только найти правильный подход, чтобы не отпугнуть их. Впрочем, кое о чем ему мог рассказать только Грязнуля Дейв.

– Вы ведь когда-то рисовали плакаты для библиотеки, не так ли? Мне кажется, я вчера узнал вашу руку. Я имею в виду плакат с ребенком в автомобиле. И еще один – с Библиотечным полицейским. Вы ведь са... – Его оборвал на полуслове длинный крик Дейва, полный отчаяния и страха. – Дейв, я хотел только...

– Перестаньте, прошу вас! – зарыдал Дейв в трубку. – Я уже не могу держать себя в руках, и мне остается только умолять вас...

Трубка задребезжала.

– Прекратите! – сказала вдруг Наоми: судя по голосу, она сама готова была расплакаться, тем не менее в ее тоне слышалась ярость. – Оставьте Дейва в покое, вы... чудовище!

– Наоми...

– Когда я здесь, меня зовут Сара, – перебила она. – Но это не важно, Сэм Пиблс, – я одинаково ненавижу вас под обоими именами: и как Сэма, и как мистера Пиблса. Никогда больше не приду к вам. – Голос ее снова повысился. – Ну почему вы преследуете Дейва? Зачем вам понадобилось *раскапывать* всю эту чертову дребедень? *Зачем?*

Вконец обескураженный, Сэм спросил:

– Но ведь вы сами послали меня в эту библиотеку, Наоми? Зачем, черт вас побери, если так уж не хотели, чтоб я познакомился с Лорц?

Наоми только ахнула.

– Наоми? Давайте встретимся и...

В ухе больно щелкнуло. Она бросила трубку.

4

Почти до половины десятого Сэм просидел в кабинете, то и дело глотая пилюли от изжоги. Он составлял список имен в том же блокноте, в котором набрасывал первую версию своей речи. Написав то или иное имя, Сэм какое-то время смотрел на него, затем вычеркивал. До сих пор шесть лет, что он прожил в Джанкшен-Сити, казались ему значительным сроком. До сих пор... Сегодня он понял, что срок этот ничтожен – подобно уик-энду.

«Крейг Джонс», – написал он и, уставившись на бумагу, подумал: «Крейг может знать про Арделию... но наверняка захочет выяснить, чем вызвано мое любопытство». Достаточно ли он знаком с Крейгом, чтобы выложить все без утайки? Безусловно, нет. В Джанкшен-Сити Джонса считали одним из самых перспективных адвокатов; его отличало редкостное честолубие. Да, несколько раз они приглашали друг друга на деловой обед... в «Ротари-клубе», само собой, общались... и еще как-то раз Крейг пригласил его домой к ужину. Встречаясь на улице, они всегда обменивались вежливыми, но ничего не значащими

репликами.

Словом, как ни крути, на дружбу их отношения никак не тянули, а если Сэм и был готов поделиться с кем-то своей сумасбродной историей, то только с другом, а не просто с приятелем, который фамильярно хлопал его по плечу после второй выпитой рюмки.

Короче, и Крейга Джонса пришлось вычеркнуть. За все годы, прожитые в Джанкшен-Сити, Сэм обзавелся лишь двумя достаточно близкими друзьями, один из которых был врач, а второй – полицейский. Однако Расс Фрейм, ассистент доктора Мейдена, воспользовавшись случаем, в самом начале 1989 года перебрался в Гранд-Рapidз, где стал высокооплачиваемым семейным врачом. А Том Уайклиф с первого января перешел в управление дорожной полиции штата Айова. И с тем и с другим Сэм с тех пор не общался – друзей он заводил с трудом, да и сохранить их, как выяснилось, толком не умел.

И что ему оставалось делать? Ответить на этот вопрос Сэм не мог. Но он точно знал, что одно только упоминание имени Арделии Лорц действует на некоторых жителей Джанкшен-Сити, как красная тряпка на быка. Он знал также – или думал, что знает, – будто видел Арделию Лорц воочию, пусть даже она и явилась с того света. Сэм не мог даже утешить себя мыслью, что на самом деле познакомился вовсе не с Арделией Лорц, а с ее родственницей или даже с какой-нибудь полоумной самозванкой. Потому что...

Мне кажется, что я столкнулся с призраком. Возможно, даже не с одним. Мне кажется, сама библиотека тоже предстала передо мной в том виде, какой была в то время, когда Арделия Лорц действительно заправляла в ней. Должно быть, именно поэтому она показалась мне такой злоецей. На путешествие во времени это не похоже – во всяком случае, я представлял его иначе. Скорее это смахивает на кратковременное пребывание в преддверии ада. Хотя и случилось на самом деле. Я убежден, что вся эта история мне не пригрезилась.

Сэм нервно забарабанил пальцами по столу.

Но откуда она мне звонила? Неужто и на том свете есть телефоны?

Он уставился на список вычеркнутых имен, затем выдрал желтый листок из блокнота. Смял его и выбросил в мусорное ведро.

Не следовало тебе ввязываться в эту историю, продолжало звучать в уголке его мозга. Но он все-таки ввязался. И что теперь? *Позвони одному из тех, кому можно доверять. Рассу Фрейму или Тому Уайклифу. Сними трубку и позвони.*

Но Сэму не хотелось звонить им. Не сегодня по крайней мере. Он понимал, что проявлял малодушие, вызванное отчасти суеверием – уж слишком много неприятностей доставил ему телефон в последнее время, – но чувствовал себя слишком усталым и разбитым, чтобы с этим бороться. Вот если он как следует выспится (а Сэм не сомневался, что с включенной настольной лампой проведет ночь спокойно), то утром, на свежую голову, наверняка придумает что-нибудь стоящее. Более того, он попытается наладить отношения с Наоми Хиггинс и Грязнулей Дейвом... только сначала не мешало бы узнать, что именно послужило причиной разрыва их отношений.

Если удастся, конечно.

Глава 9

Библиотечный полицейский (I)

Спал он и впрямь как убитый. Без сновидений. Уже утром, в душе, его вдруг осенило – так случается порой после хорошего отдыха, когда мозг еще не забит всякой ерундой. Так вот, Сэм неожиданно сообразил: ведь библиотека вовсе не единственное место, где можно почерпнуть сведения из истории города. Более того, учитывая, что Сэма интересовали сведения о событиях не столь давних лет, место это было даже и не лучшим.

– «Газетт»! – выкрикнул он, смывая с головы пену.

Двадцать минут спустя он уже сидел в кабинете полностью одетый и потягивал кофе.

Перед ним снова лежал раскрытый блокнот, в котором Сэм набросал следующее:

1. *Арделя Лорц – кто она? Или кем была при жизни?*
2. *Арделя Лорц – чем она занималась?*
3. *Публичная библиотека Джанкишен-Сити. Перестроена? Когда? Есть ли снимки?*

В этот миг у дверей позвонили. Сэм встал и взглянул на часы. До половины девятого, когда он обычно выходил из дома, оставалось всего несколько минут. Сэм уже решил, что вместо обычного перерыва на чашечку кофе забежит в редакцию и просмотрит старые выпуски. Какие именно? Нашупывая в кармане мелочь для мальчишки – разносчика газет, он продолжал ломать голову над этим вопросом, когда звонок прозвучал вновь.

– Иду, Кейт! – крикнул Сэм, подходя к двери и хватаясь за ручку. – Не пережги мне звон...

Здрав голову, он увидел за занавеской, прикрывавшей прозрачную панель двери, здоровенную тень, совершенно не походившую на хрупкого Кейта Джордана.

Липкие пальцы ужаса сдавили горло Сэма. Ему не надо было смотреть на лицо: легкая занавеска не могла скрыть зловещих очертаний до боли знакомой фигуры... и полушинели, конечно. В ту же секунду Сэм ощутил во рту тошнотворно-сладковатый привкус солодки. Он быстро отпустил дверную ручку, но все-таки – на мгновение – опоздал. Язычок замка щелкнул, дверь резко распахнулась внутрь, и Сэм отлетел в кухню. Нелепо размахивая руками в попытке удержать равновесие, он уронил пальто с вешалки.

Вместе с Библиотечным полицейским в прихожую ворвался холодный воздух. Исполин спокойно и не спеша прикрыл за собой дверь. В руке он держал свежий номер «Газетт», скатанный в трубочку. Приподняв ее, как жезл регулировщика, Библиотечный полицейский сказал:

– Я принес вашу *газету*. – Голос его звучал как-то глухо, словно доносился издалека или через толстенное стекло. – Хотел расплатиться с мальчишкой, но тот почему-то убежал. Куда-то спешил, должно быть.

С этими словами он вошел в кухню. Сэм смотрел на него широко раскрытыми, полными ужаса глазами; точь-в-точь как на смерть перепуганный Растяпа Саймон на плакате.

Мне все это грезится, подумал Сэм. Либо я вижу кошмарный сон, по сравнению с которым предыдущий – ничто.

Но это не было кошмарным сном. Точнее, кошмарным – да, но не сном. Какое-то время Сэм, правда, еще тешил себя надеждой, что он просто сошел с ума. В помешательстве, конечно, радости мало, но ничто на свете не могло быть ужаснее этого человекообразного чудовища, принесшего с собой леденящий холод.

Дом Сэма, выстроенный по старым образцам, отличался высокими потолками, однако Библиотечному полицейскому пришлось пригнуться, чтобы войти, да и теперь, в кухне, верх его серой фетровой шляпы почти касался потолка. А это означало, что ростом он был выше семи футов.

Одет он был в полушинель цвета свинцового сумеречного тумана. Кожа отливала мертвенной белизной. Лицо неподвижное, точно маска. Этот человек не знал ни доброты, ни пощады. Жесткая линия стиснутых губ вдруг напомнила Сэму первое впечатление при виде закрытой двери здания Библиотеки: трещина на лице гранитного утеса. Глаза полицейского были как крохотные серебристые дырочки, пробитые мелкой дробью. Вывернутые веки воспалены, и казалось, вот-вот начнут кровоточить. Ресницы вообще отсутствовали. Но самое страшное заключалось в том, что лицо это было до странности знакомо: да, Сэм его уже видел! Сэму уже приходилось ежиться под этим свирепым, пронизывающим насквозь взглядом, а где-то в отдаленном уголке мозга звучал голос, который повторял, чуть шепелявя:

– *Пойдем с-со мной, с-сынок... я полит-сейский.*

Зигзагообразный шрам пересекал его лицо именно так, как и представлял Сэм: тянулся

через всю левую щеку, проходил под глазом и исчезал за переносицей. Если бы не шрам, то это и был бы тот самый человек с плаката... Или нет? Сэм не был твердо уверен.

– *Пойдем с-со мной, с-сынок... я полит-сейский.*

И тут Сэм Пиблс, звезда «Ротари-клуба»... намочил в штаны. Сэм почувствовал, как горячие струйки потекли по ногам, но и это показалось ему сущей ерундой. Лишь одно сейчас имело для Сэма первостепенное значение: у него на кухне находилось чудовище, причем – и именно это представлялось Сэму самым страшным – лицо монстра было ему знакомо. Он даже не пытался спастись бегством. Такое ему и в голову не приходило. В воспаленном мозгу Сэма замелькали давно забытые видения. Он вдруг снова стал ребенком, мальчишкой, которого застигли

(нет, эта книга не «Помощник оратора»)

на месте преступления. Вместо того чтобы

(нет, эта книга не «Любимые стихотворения американцев»)

удрать, Сэм сложился в три погибели и свалился между двух табуретов, прикрывая голову руками.

(эта книга...)

– Нет, – еле слышно выдавил он. – Пожалуйста, не надо меня наказывать! Умоляю, не трогайте меня... Я исправлюсь...

Вот до чего он докатился. Впрочем, это не имело значения – гигант в свинцово-серой полушинели

(эта книга – «Черная стрела» Роберта Льюиса Стивенсона)

высился уже прямо над ним.

Сэм втянул голову в плечи. Ему казалось, что голова стала весить целую тонну. Уставившись в пол, он неистово молился о том, чтобы, подняв глаза – если хватит на это отваги, – убедиться: кошмарное видение сгнуло.

– Посмотрите на меня, – прогудел отдаленный голос.

– Нет! – истошно завизжал Сэм и разразился бессильными слезами.

К охватившему его паническому страху примешалось кое-что еще: безотчетный детский страх и ребяческий стыд. За что-то давно забытое, каким-то образом связанное с книгой, которую он так и не прочитал, – с «Черной стрелой» Роберта Льюиса Стивенсона.

Тюк!

Почувствовав удар по голове, Сэм завопил.

– *Пос-смотрите на меня!*

– Нет, пожалуйста, не бейте меня! – взмолился Сэм.

Тюк!

Сэм воззрился – со страхом – из-под одеревеневшей руки, и в ту же секунду Библиотечный полицейский снова ударил его скатанной в трубку газетой. Так обычно наказывают безмозглого щенка, напрудившего на ковер.

– Вот, уже лучше, – ухмыльнулся Библиотечный полицейский, обнажив острые зубы, напоминающие клыки.

Он полез в карман полушинели и извлек наружу кожаные «корочки». Развернул их, предъявив Сэму бляху в виде странной многоконечной звезды. Она ярко сияла в утреннем свете. Сэм уже не решался оторвать взгляд от этого безжалостного лица, от серебристых глаз-дырочек; он только жалобно всхлипывал, дрожа от страха.

– Вы задолжали нам две книги, – прогудел Библиотечный полицейский. Голос его по-прежнему доносился как бы издали или из-за толщи стекла. – Мисс Лорц очень недовольна вами, мистер Пиблс.

– Я их потерял, – признался Сэм, плача уже навзрыд.

Он и мысли не допускал, чтобы солгать этому человеку по поводу

(«Черной стрелы»)

утраченных книг, как, впрочем, и по любому другому поводу. Перед ним высилась сама власть, сама сила, сама неодолимая мощь. Перед ним был прокурор, судья и палач в

одном лице.

«Куда запропастился вахтер? – вдруг ошалело подумал Сэм. – Где этот дурацкий привратник, которому достаточно только нажать пару кнопок, чтобы вернуть меня в нормальный мир, в здоровый мир, где ничего подобного случиться не может?»

– Я... я... я...

– Я и с-слышать не хочу ваши жалкие оправдания, – отрезал Библиотечный полицейский. Захлопнув кожаное удостоверение, он вернул его в правый карман. И тут же вынул из левого кармана нож с длинным, остро заточенным лезвием. Сэм, три года кряду зарабатывавший деньги на обучение в колледже, сразу узнал этот нож. Им разрезали картон. Такой нож наверняка имелся в любой американской библиотеке.

– Даю вам с-срок до полуночи. Потом...

И он наклонился, сжимая нож в мертвенно-бледных пальцах. В лицо Сэму дохнул леденящий воздух. Он хотел закричать, но из скованного холодом горла вырвалось лишь сдавленное мычание.

Кончик лезвия кольнул его в шею. Сэму показалось, что его ткнули острой сосулькой. На коже выступила алая капля, которая тут же засохла, – крохотная кровавая жемчужинка.

– ...потом я приду с-снова, – произнес Библиотечный полицейский странным, чуть шепелявым голосом. – Вы уж постарайтесь найти то, что потеряли, мистер Пиблс.

Нож исчез в левом кармане. Библиотечный полицейский снова выпрямился в полный рост.

– И еще, мистер Пиблс, – зловеще добавил он. – Вы задавали лишние вопрос-сы. Впредь воздержитесь-сь от этого. Вы меня поняли?

Сэм попытался ответить, но лишь глухо простонал. Гигант снова склонился над ним, толкая перед собой волну ледяного воздуха, подобно тому, как баржа гонит впереди себя глыбу льда.

– Не с-суйте нос в дела, которые вас не кас-саются. *Вы меня поняли?*

– Да! – жалобно всхлипнул Сэм. – Да! Да! Да!

– Очень хорошо. Я ведь с-следить буду. И не я один.

С этими словами огромный пришелец повернулся и, не оглядываясь, двинулся к двери. Он пересек залитый солнцем пятачок, и Сэм заметил, что Библиотечный полицейский не отбрасывал тени. Великан взялся за ручку двери и, не поворачивая головы, прогудел негромким, но нагоняющим страх голосом:

– *Отыщите эти книги,* мистер Пиблс... Если не хотите увидеть меня с-снова.

И вышел.

Вихрем мелькнуло: нужно срочно запереть дверь. Однако Сэм сумел лишь привстать, как вдруг глаза заволокло серой пеленой, и, упав ничком, Сэм потерял сознание.

Глава 10

Хро-но-ло-ги-чес-ки говоря

1

– Могу я... помочь вам? – осведомилась сидевшая за столом упитанная женщина.

– Да. Я хотел бы, если возможно, просмотреть кое-какие старые выпуски «Газетт».

– Конечно, – сказала она. – Только извините меня, сэр... но с вами все в порядке? Вы очень плохо выглядите.

– Да, мне немного нездоровится.

– Весной простуды самые противные, – посочувствовала женщина, вставая. – Да и сквозняки везде гуляют. Пожалуйста, пройдите сюда, мистер...

– Пиблс. Сэм Пиблс.

При этих словах его собеседница остановилась и наклонила голову набок. На вид ей было около шестидесяти. Приложив палец с накрашенным красным лаком ногтем к уголку

губ, она спросила:

– Вы ведь занимаетесь страхованием, не так ли?

– Да, – кивнул Сэм.

– Я вас почти сразу узнала. Ваша фотография была в газете на прошлой неделе. Вы ведь, кажется, какую-то премию получили?

– Нет, мэм, – покачал головой Сэм. – Я читал лекцию. В «Ротари-клубе». – И тут же подумал: «Чего бы я только не отдал, чтобы повернуть время вспять и послать этого Крейга Джонса в задницу!»

– Да, это здорово, – неуверенно ответила она. – Хотя на снимке вы выглядели иначе.

Сэм зашел за перегородку.

– Меня зовут Дорин Мак-Гил, – представилась женщина, протягивая ему пухлую ручку.

Сэм пожал руку и сказал, что рад познакомиться. Для этого ему пришлось сжать в кулак всю свою волю. Сэм невольно подумал о том, что еще долго не сможет спокойно беседовать с людьми и уж тем более – прикасаться к ним. И куда только девалась его бывшая обходительность!

Дорин Мак-Гил провела его к устланной ковровой дорожкой лестнице и щелкнула выключателем. Ступеньки были такие узкие, а свет такой тусклый, что Сэм словно кожей ощутил, как возвращаются его страхи. Они окружили Сэма, будто толпа зрителей – филантропа, предлагающего всем желающим бесплатные билеты на супермодное шоу. А вдруг именно там, в полумраке, его поджидает Библиотечный полицейский? Наводящий ужас гигант с мертвенно-бледной кожей и серебристыми глазами, окаймленными кровавыми веками.

«Возьми себя в руки, – велел он себе. – Попытайся успокоиться. Иначе нельзя. Тем более, другого случая уже не будет. Что тебе остается делать, если ты даже по какой-то несчастной лестнице спуститься не можешь? Запереться дома и покорно дожидаться полуночи?»

– Это наш морг, – сказала Дорин Мак-Гил, указывая вниз. – Вам нужно только...

– Морг? – Сердце Сэма судорожно заколотилось. – *Морг?*

Дорин Мак-Гил расхохоталась.

– У нас его все так называют. Ужасно, да? Вообще-то везде так. Какая-то дурацкая газетная традиция. Но вы не бойтесь, мистер Пиблс, – трупов там нет; только тысячи микрофильмов.

«Мне бы вашу уверенность», – подумал Сэм, следуя за ней вниз по ступенькам. Он был несказанно рад тому, что спускается вторым. Сойдя вниз, Дорин Мак-Гил щелкнула несколькими рычажками. Тут же загорелось множество ламп дневного света, спрятанных в футляры, которые напоминали перевернутые формочки для льда, но только куда большего размера. Лампы осветили довольно просторную комнату с низким потолком, устланную ковром того же темно-синего цвета, что и ступеньки лестницы. Вся комната была заставлена стеллажами, на которых выстроились бесчисленные коробочки. Вдоль левой стены расположились четыре прибора для считывания микрофильмов, походившие на какие-то причудливые фены в парикмахерской.

– Вам нужно расписаться в этой книге, – сказала Дорин Мак-Гил, указывая на толстую книгу, прикрепленную цепью к подставке у двери. – Проставьте там дату и отметьте время прихода. Сейчас, – она сверилась с часами, – двадцать минут одиннадцатого. Потом проставите время окончания работы.

Сэм склонился над книгой и расписался в указанной графе. Предыдущего посетителя звали Артур Мичем. Мистер Мичем приходил сюда 27 декабря 1989 года. Больше трех месяцев назад. Похоже, что это хорошо освещенное и неплохо оборудованное помещение пользовалось не слишком большой популярностью.

– Хорошо здесь, да? – безмятежно спросила Дорин. – А все потому, что федеральные власти выделяют средства на поддержку моргов... или библиотек, если вам так больше

нравится. *Мне, например – да.*

Вдруг в одном из проходов между стеллажами образовалась тень, и сердце Сэма оборвалось. Однако оказалось, что тень принадлежала Дорин Мак-Гил – она чуть наклонилась, дабы удостовериться, что Сэм не поленился проставить дату и время прихода.

«...а ведь ОН не отбрасывает тени. Библиотечный полицейский. И вообще... – Сэм попытался прогнать эти мысли прочь, но увы... – И вообще – я не могу так больше жить. В постоянном страхе. Я просто удавлюсь, если так будет продолжаться. Да, ничего другого мне не остается. И дело не только в страхе перед НИМ – перед этим человеком, или кто он там на самом деле есть. Дело в том, что творится с моим сознанием, когда я вдруг с ужасом понимаю, что оно мне изменяет, а все, во что я верил, бесследно исчезает».

Дорин указала на отдельную полочку с тремя объемистыми папками.

– Это последние выпуски, – сказала она. – Январь, февраль и март девяностого года. В июле библиотека отсылает полугодовой комплект «Газетт» в Гранд-Айленд, Небраска, – на микрофильмирование. В следующий раз мы проделываем ту же операцию в январе. – Она снова вытянула пухлую руку и провела ярко накрашенным ногтем справа налево; похоже, собственный ноготь вызывал у нее нескрываемое восхищение.

– Вот наши микрофильмы – в хронологическом порядке. – Она выговорила сложное слово необычайно тщательно, почти по слогам: «хро-но-ло-ги-чес-ком». – Справа – последние выпуски, слева – древние времена.

И застенчиво улыбнулась, словно давая понять: шутка, мол. Хро-но-ло-ги-чес-ки говоря – если верить улыбке, – все это было просто замечательно. Лучше некуда!

– Спасибо, – поблагодарил Сэм.

– Не за что. Мы ведь здесь именно для того, чтобы помогать вам. – Она снова приложила палец к уголку губ и улыбнулась. – Умеете пользоваться этим прибором, мистер Пиблс?

– Да, спасибо.

– Очень хорошо. Если понадобится – я наверху. Не стесняйтесь, зовите меня.

– Вы... – начал было Сэм, но осекся.

Он собирался спросить: «Вы наконец уйдете или нет?»

Дорин приподняла брови.

– Нет, ничего, – покачал головой Сэм.

Провожая женщину взглядом, он с трудом подавил в себе желание кинуться за ней следом. Ведь как ни крути, но Сэм вновь оказался в библиотеке Джанкшен-Сити.

И называлась она – морг.

2

Сэм медленно побрел вдоль стеллажей, уставленных квадратными коробочками с микрофильмами; он не знал, с чего начать. К его радости, свет был достаточно ярок, чтобы в углах не прятались зловещие тени. Сэм не осмелился спросить Дорин Мак-Гил, значит ли для нее что-нибудь имя Арделии Лорц, или хотя бы – что ей известно о том, когда перестраивали городскую библиотеку. *Вы задавали лишние вопросы, сказал Библиотечный полицейский, впредь воздержитесь от этого. Вы меня поняли?*

Да. Еще как понял! И даже знал, что рискует навлечь на себя гнев Библиотечного полицейского, вороша прошлое... С другой стороны, вопросов ведь он не задавал. Напрямую, во всяком случае. Хотя речь шла вовсе не о пустяке. Речь шла о его жизни или смерти.

Я ведь с-следить буду. И не я один.

Сэм нервно покосился через плечо. Никого. Он не мог принять определенное решение. Он ощущал себя даже не замученным, а раздавленным.

– Ты должен это сделать, – хрипло пробормотал он себе под нос, вытирая губы дрожащими пальцами, – *должен.*

Сэм с усилием выдвинул вперед левую ногу. Немного постоял в этой позе, словно

собираясь форсировать вброд неглубокую речушку. Затем тяжело ступил правой ногой. Мелкими шажками, словно на шарнирах, он продвинулся к ближайшему стеллажу. На карточке в самом конце полки значилось:

1987–1989.

Это, конечно, не годится – перестроить библиотеку могли только до 1984 года, когда Сэм перебрался в Джанкшен-Сити. В противном случае он наверняка обратил бы внимание на строительные работы, услышал какие-то разговоры или вычитал об этом в газетах. Впрочем, судя по потолкам, можно предположить, что ремонт производили лет пятнадцать – двадцать назад. Никаких более точных подсказок у него не было. Господи, хоть бы он соображал получше!

Увы, в голове Сэма царил полный бедлам. От случившегося утром мозги поехали набекрень; так повышенная солнечная активность влияет порой на радио– и телетрансляции. Реальность и иллюзорность переплелись в плотный клубок, а Сэм Пиблс, ничтожное, беспомощное и брэнное создание, к несчастью, оказался в самой его сердцевине. Стиснутый, словно между жерновами.

Сэм сдвинулся на два ряда левее – главным образом из опасения, что, останься он на месте, вообще может окаменеть, – вдоль стеллажа, помеченного

1981–1983.

Взяв наугад первую подвернувшуюся коробку, он устроился перед аппаратом для просмотра микрофильмов. Включил его и попытался сосредоточиться.

Так, сначала нужно вставить катушку на стерженек, затем размотать и закрепить свободный конец на ведущей бобине. Да, все верно. Приборчик был настолько прост в обращении, что с ним без труда справился бы и восьмилетний мальчуган, однако у Сэма вся процедура заняла почти пять минут; у него тряслись руки, да и мысли блуждали. Затем обнаружил, что ухитрился вставить пленку не той стороной. Изображение оказалось перевернутым. Он терпеливо извлек микрофильм, перемотал его и вставил заново. Почему-то это маленькое происшествие не только не вывело его из себя, но даже немного успокоило. На сей раз в первом же кадре появилась первая полоса «Джанкшен-Сити газетт» от 1 апреля 1981 года. Заголовки кричали о внезапной отставке какого-то важного чиновника, о котором Сэм и не слышал, но его внимание привлекло неброское объявление в самом низу полосы.

**РИЧАРД ПРАЙС И ВЕСЬ ПЕРСОНАЛ
ГОРОДСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ДЖАНКШЕН-СИТИ
НАПОМИНАЮТ ВАМ,
ЧТО С 6 ПО 13 АПРЕЛЯ
ПРОВОДИТСЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ НЕДЕЛЯ.
ПРИХОДИТЕ К НАМ!**

Неужели я об этом знал? – подумал Сэм. Иначе чем объяснить, что я сразу выбрал именно эту коробку? Может, я подсознательно помнил, что вторая неделя апреля – Национальная библиотечная неделя?

Пойдем с-со мной, с-сынок, вновь зашептал ему на ухо зловещий голос. *Пойдем с-со*

мной, с-сынок... Я полит-сейский.

По спине Сэма забегали мурашки; позвоночник стиснули ледяные пальцы. Он поспешил заверить голос и самого себя, что ему абсолютно плевать на то, как он выбрал коробку именно с этим номером «Газетт»; главное, что ему повезло.

Возможно.

Он быстро перемотал микрофильм на выпуск от 6 апреля и почти сразу наткнулся на то, что искал. Над логотипом «Газетт» красовалась броская шапка:

НА ВКЛАДКЕ – СПЕЦИАЛЬНЫЙ БИБЛИОТЕЧНЫЙ ВЫПУСК!

Сэм не мешкая отыскал вкладку. На первой полосе были помещены две фотографии. На одной он увидел здание библиотеки, а на второй – узнал Ричарда Прайса, которого прежде и в глаза не видел. Старший библиотекарь стоял за абонементным столом, немного нервно улыбаясь фотографу. Он выглядел точь-в-точь таким, как описала его Наоми Хиггинс – высокий и худой, в очках и с тонкими усиками. Лет сорока. Однако Сэм больше заинтересовал не сам Прайс, а вид читального зала. Он разглядел тот самый потолок, который поверг его в ужас при повторном посещении библиотеки. Значит, ее перестроили еще раньше. До апреля 1981 года.

Большинство материалов в точности соответствовали ожиданиям Сэма – он читал местную «Газетт» уже шесть лет и хорошо знал редакционный стиль. Восторженно-информативный.

Сэм остановился на заметке, которую написал сам Прайс. Она помещалась на последней полосе вкладки. И называлась так:

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЖАНКШЕН-СИТИ Столетняя история

Однако надежды Сэма быстро развеялись. Арделия Лорц в заметке даже не упоминалась. Он уже потянулся было к кнопке «Перемотка», но остановился. Взгляд его наткнулся на упоминание о реконструкции библиотеки. Оказывается, это случилось в 1970 году. И еще...

Сэм погрузился в чтение.

«В конце Великой депрессии городской совет выделил 5 тысяч долларов на устранение последствий затопления библиотеки, случившегося во время весеннего паводка 1932 года. Тогда старшим библиотекарем стала миссис Фелисия Кульпеппер. Она с головой отдалась работе, видя перед собой лишь одну цель: обновленную библиотеку, которая должна служить нашему быстро растущему городу.

В 1951 году миссис Кульпеппер скончалась, а ее пост занял Кристофер Лейвин, первый в Джанкшен-Сити специалист-профессионал с библиотечным дипломом. Мистер Лейвин основал мемориальный фонд имени Кульпеппер, которому уже в течение первого года существования удалось собрать на приобретение книг 15 тысяч долларов. Это послужило мощным толчком к развитию нашей библиотеки.

В 1964 году, вскоре после того, как место старшего библиотекаря досталось мне, я поставил своей главной целью провести реконструкцию здания библиотеки. К концу 1969 года нам удалось собрать необходимые средства и приступить к перестройке, однако считаю своим долгом подчеркнуть, что нашим «книжным червям» и по сей день не посчастливилось бы работать в полностью обновленном здании библиотеки, если бы не самоотверженная помощь горожан, многие из

которых безвозмездно трудились в течение месячника «Отстроим нашу библиотеку заново!» в августе 1970 года.

Кроме того, в 70-х и 80-х годах мы...»

Сэм задумчиво нахмурился. Ему показалось, что в истории городской библиотеки, столь бережно переданной Ричардом Прайсом, чего-то не хватало. Причем похоже, что Прайс намеренно утаил кое-какие сведения. Хро-но-ло-ги-чес-ки говоря, что-то в его повествовании не стыковалось.

В 1951 году место Фелисии Кульпеппер занял некий Кристофер Лейвин. В 1964 году старшим библиотекарем стал Ричард Прайс. Однако заменил ли он на этом посту именно Кристофера Лейвина? Сэм так не считал. Он был почти уверен: после Лейвина старшим библиотекарем стала Арделия Лорц. Именно ее сменил Прайс. А упоминания в заметке она не удостоилась по той причине, что натворила... нечто. Сэм не представлял, что именно, однако понимал: проступок, совершенный ею, был достаточно тяжким.

Убийство, подумал Сэм. Она кого-то убила. Ничего более страшного...

В этот миг на его плечо легла чья-то рука.

3

Заори Сэм во всю глотку, обладатель руки испугался бы ничуть не меньше, чем он сам, однако Сэм молчал; ужас парализовал его горло. Окружающий мир мгновенно сделался мертвенно-серым, а грудь сдавило, словно на нее наступил слон. Ноги обмякли, превратившись в желе. Если он снова не обмочился, то лишь по какой-то случайности.

– Сэм? – услышал он; голос доносился издали: приблизительно из Канзаса. – Это вы?

Он круто развернулся, едва не свалившись со стула, и... увидел перед собой Наоми. Сэм попытался хоть что-то сказать, но из сжатого спазмами горла донеслось лишь глухое бульканье. Пол под его ногами покачнулся. Глаза заволокло серой пеленой.

Словно во сне, он увидел, как Наоми отшатнулась назад. Глаза ее испуганно расширились, ладонь взлетела ко рту. Она задела рукой стеллаж с такой силой, что тот покачнулся. Несколько коробочек слетели на пол.

– Оми, – выдавил наконец Сэм.

Собственный голос показался ему комариным писком. Он вдруг припомнил, как еще в детстве, когда жил в Сент-Луисе, поймал бейсбольной шапочкой мышонка. Тот так же попискивал, бегая под шапкой в поисках спасительного выхода.

– Сэм, что случилось? – в ужасе спросила Наоми; казалось, она едва удерживается, чтобы не закричать. «Вот славная парочка, – подумал Сэм. – Оба перепугались, словно каких-то монстров вдруг увидели».

– Что вы здесь делаете? – спросил он. – Вы меня чертовски напугали!

Ах, дьяволицина! – вихрем пронеслось в его мозгу. Опять я при ней выражаюсь! И снова назвал ее Оми. Черт знает что!

Почувствовав себя чуть увереннее, Сэм хотел было привстать, однако почти сразу же передумал. Не стоит рисковать. Сердце еще трепетало как сумасшедшее.

– Я заходила к вам в офис, – стала объяснять Наоми. – Кэмми Харрингтон сказала, что вы здесь. Я хотела перед вами извиниться. Видите ли, тогда мне показалось, что вы намеренно изводите Дейва. Но он поклялся, что это совсем не так, да и сама я, поразмыслив, пришла к выводу, что это совершенно на вас не похоже. Вы всегда были так добры...

– И на этом спасибо, – вставил Сэм.

– ...да и по телефону казались таким растерянным. Я спросила Дейва, в чем дело, но он мне ничего толком не сказал. Так что, кроме обрывков вашего разговора, я ничего больше не знаю. Если, конечно, не считать того, как Дейв тогда выглядел. Словно вдруг привидение встретил. *Нет,* – подумал Сэм, – *это я встретил привидение. А сегодня утром и нечто еще. Куда страшнее.* – Сэм, я хотела вам кое-что сказать о Дейве. А заодно и о себе. Впрочем,

про Дейва вы уже знаете, а вот я...

– Я догадываюсь, в чем дело, – промолвил Сэм. – Видите ли, Наоми, в записке я извещал Дейва, что никого не видел, но это неправда. Я искал Дейва и случайно... увидел вас. Только поверьте Бога ради – это случайно вышло.

– Я верю вам, – кивнула Наоми. – Но... скажите, Сэм, что с вами стряслось? Ваши волосы...

– Что с ними? – резко спросил он.

Вместо ответа она порылась в сумочке и достала пудреницу.

– Сами взгляните.

Сэм посмотрелся в зеркальце, хотя уже точно знал, что увидит.

С половины девятого утра он стал седым как лунь.

4

– Я вижу, вы нашли своего друга, – обратилась Дорин Мак-Гил к Наоми, когда та вместе с Сэмом поднялась по лестнице; приложив палец к уголку рта, она снова заговорщически улыбнулась.

– Да.

– И вы не забыли расписаться в книге?

– Нет, – ответила Наоми. – Сэм, конечно, забыл, но я расписалась за нас обоих.

– И вернули микрофильмы на место?

На этот раз «да» ответил уже Сэм. Хотя абсолютно не помнил, поставил ли на место коробочку. Он мечтал об одном – как бы побыстрее сбежать отсюда.

Дорин казалась смущенной. Потирая нижнюю губу, она склонила голову набок и промолвила, глядя на Сэма:

– И все-таки на фотографии вы выглядели иначе. Только никак не могу взять в толк, что в вас изменилось.

Уже в дверях Наоми ответила ей:

– Он наконец перестал волосы красить.

На улице Сэма разобрал хохот. Настолько дикий и необузданный, что он согнулся в три погибели. Смех был истерический и визгливый, но Сэма это не заботило. Со смехом пришло облегчение. Очищение от скверны.

Наоми терпеливо стояла рядом, не обращая внимания ни на Сэма, ни на любопытные взгляды прохожих. Она даже поздоровалась с кем-то из знакомых. Сэм беспомощно приседал и хлопал себя по ляжкам, одновременно какой-то здоровой частичкой мозга сознавая: *Она уже видела нечто похожее. Интересно – где?* Впрочем, мысль еще не успела окончательно сформироваться, как его осенило. Когда-то Наоми была алкоголичкой, да и потом часто имела дело с запойными пьяницами. Наверняка она и не такое видывала.

«Сейчас она залепит мне пощечину, – подумал он, покатываясь от смеха при мысли о том, как будет торчать в ванной перед зеркалом, втирая в шевелюру патентованную краску для волос. – Непременно – ведь именно так поступают с истериками».

Однако Наоми, судя по всему, так не считала. Она стояла рядом на солнышке и терпеливо дожидалась, пока Сэм овладеет собой. Наконец приступы безудержного хохота затихли, уступив место тихому поскуливанию. В боках у Сэма кололо, а по щекам катились слезы.

– Теперь вам лучше? – участливо спросила Наоми.

– О, Наоми... – начал было он, но тут же вновь покатылся со смеху. – Да... Гораздо лучше. Небо и земля.

– Как я вас *понимаю*, – кивнула она. – Пойдемте... я отвезу вас.

– А куда... – Он громко икнул. – Куда мы едем?

– На Ангол-стрит, – отчеканила Наоми. – Меня очень тревожит Дейв. *Утром я там побывала, но его не застала. Боюсь, как бы он снова к бутылке не приложился.*

– А разве такое с ним случается редко? – спросил Сэм, ускоряя шаг, чтобы не отстать от нее.

Ветхий «датсун» Наоми был припаркован у тротуара рядом с его собственным автомобилем. Почти впритык.

Наоми оглянулась. Сэм прочитал в ее глазах и негодование, и сочувствие. Словно она хотела сказать: *Вы сами не понимаете, что плетете, но я вас не виню.*

– Дейв воздерживается уже почти целый год, да только здоровье его оставляет желать лучшего. Вы правы – запой у него бывали не раз, но очередного срыва он может не перенести.

– И случится это по моей вине, – серьезно констатировал Сэм.

Наоми взглянула на него, немного удивленная.

– Нет, – сказала она. – Ни по вашей, ни по чьей-либо еще... Однако в любом случае нельзя допустить, чтобы это случилось. Быстрее. Садитесь в машину. В дороге поговорим.

5

– И расскажите мне все-таки, что произошло, – попросила она, когда вывела «датсун» на шоссе. – Все без утайки. Дело ведь не только в вашей седине, Сэм. Вы постарели лет на десять.

– Чушь собачья! – фыркнул Сэм. – Скорее на двадцать. А чувствую я себя вообще на все сто.

– Так что же случилось? В чем дело?

Сэм уже собрался было ответить, но, сообразив, что может о нем подумать Наоми, лишь покачал головой.

– Нет, – сказал он, – пока рано. Сначала вы мне кое-что расскажите. Про Арделию Лорц. Я ведь не шутил вчера. И не валял дурака. Все очень серьезно, Наоми. Поэтому прошу вас, расскажите про нее все, что знаете.

Наоми притормозила, свернула к тротуару напротив старого гранитного здания пожарной охраны и пристально посмотрела на Сэма. Даже под слоем косметики было заметно, как побледнело ее лицо.

– Так это правда, Сэм? Вы и в самом деле серьезно?

– Да.

– Но, Сэм... – Она осеклась, словно не зная, как быть дальше, затем заговорила – почти ласково, словно с набедокурившим по незнанию ребенком. – Дело в том, что Арделии Лорц нет в живых, Сэм. Она умерла тридцать лет назад.

– Я знаю, что она умерла. То есть теперь знаю. Но меня интересует все остальное.

– Сэм, даже если вам показалось, что вы видели...

– *Я точно знаю,* кого я видел!

– Скажите, почему вы считаете...

– Сначала расскажите про нее, – угрюмо настаивал Сэм.

Наоми запустила двигатель, посмотрев в зеркальце заднего вида, она медленно отъехала от тротуара, затем начала:

– Известно мне *не так много*. Я была пятилетним ребенком, когда она умерла. Поэтому знаю про нее лишь понаслышке. Арделия Лорц посещала первую баптистскую церковь в Провербии, однако моя мать отказывается про нее говорить. Как и остальные старые прихожане. Можно подумать, будто этой женщины никогда не было.

Сэм кивнул.

– Именно такое впечатление сложилось и у меня после статьи мистера Прайса об истории нашей библиотеки. Той самой статьи, которую я читал, когда вы положили мне руку на плечо, напугав так, что я мигом постарел еще лет на двадцать. Да, тогда мне понятно, почему ваша мать рассердилась на меня в субботу вечером, стоило мне только упомянуть Арделию Лорц.

– Господи, вот, значит, вы зачем звонили! О, Сэм... теперь мама и слышать больше о вас не желает.

– По-моему, я и раньше не пользовался у нее особым успехом, но надеялся, что миссис Хиггинс хоть в последнее время подобрела.

Сэм горько усмехнулся, но тут же поморщился – мышцы живота болезненно ныли после приступа истерического хохота. Впрочем, еще час назад Сэм ни за какие коврижки не поверил бы, что способен смеяться. Когда бы то ни было.

– Продолжайте, Наоми, прошу вас.

– Почти все, что мне известно о Лорц, я почерпнула на наших «настоящих» встречах в «АА». Мы пьем кофе, а потом болтаем обо всем, что в голову взбредет.

– Давно вы связаны с «АА», Наоми? – Сэм посмотрел на нее с любопытством.

– Девять лет, – спокойно ответила она. – И уже шесть лет и капли в рот не беру. Увы, я всегда была алкоголичкой. Пьяницами ведь не становятся. Ими рождаются.

– Вот как, – смущенно пробормотал Сэм, но тут же спросил: – А она тоже была в «АА»? Арделия Лорц.

– Боже упаси! В Джанкшен-Сити она появилась году в пятьдесят шестом или в пятьдесят седьмом. Устроилась работать в библиотеку к мистеру Лейвину. Год или два спустя он внезапно умер – то ли от сердечного приступа, то ли от инсульта, кажется. После этого Лорц заняла его место. Судя по отзывам, обязанности свои она выполняла добросовестно, но вот что касается всего остального... – Наоми болезненно поморщилась.

– Что, что она сделала?

– Она убила двоих детей, а потом покончила с собой. Летом шестидесятого года. Детишек долго искали. Никому и в голову не пришло проверить библиотеку, ведь все знали, что в день их исчезновения она была закрыта. Их нашли только на следующий день, когда библиотека должна была работать, но так и не открылась. В крыше там прорезаны слуховые окна...

– Я знаю.

– ...но теперь увидеть их можно только снаружи, потому что изнутри все здание перестроили. Потолки опустили, например. То ли чтобы тепло беречь, то ли еще для чего, не знаю. На этих окнах были здоровенные медные защелки; чтобы их открыть, приходилось дотягиваться шестом. Так вот, Лорц привязала к защелке веревку – должно быть, по раздвижной лестнице наверх залезла – и повесилась. Разумеется, уже после того, как умертвила несчастных детишек.

– Понимаю. – Голос Сэма был спокоен, но сердце судорожно колотилось. – А как... каким образом она их убила?

– Не знаю. Никто не рассказывал, а я не спрашивала. Думаю, их смерть была ужасна.

– Да. Наверное.

– Теперь расскажите, что случилось с вами.

– Сначала я хочу узнать, на месте ли Дейв.

– Я сама это проверю. – Наоми сразу нахохлилась. – Вам придется посидеть в машине. Я искренне сочувствую вам, Сэм, и прошу прощения за то, что вчера подумала о вас плохо. Но больше огорчать Дейва я вам не позволю. Даже не рассчитывайте.

– Наоми, но ведь он тоже связан с этим!

– Это невозможно, – отрезала Наоми тоном, не допускающим возражений.

– Черт побери, но ведь в этой проклятой истории все возможно! – взорвался Сэм.

Они уже были недалеко от Ангол-стрит. Впереди громыхал грузовик, направлявшийся, должно быть, в утиль; кузов его был доверху забит ящиками с бутылками и жестянками.

– Мне кажется, вы не поняли, что я вам сказала, – запальчиво произнесла Наоми. – Неудивительно – землянам трудно нас понять. Что ж, Сэм, тогда я скажу это иначе. Все как есть. Так вот: если Дейв еще раз выпьет – он умрет. Теперь ясно?

И метнула на Сэма взгляд, полный ярости, испепеляющий. Настолько красноречивый, что Сэм при всей своей подавленности вдруг осознал нечто, глубоко его поразившее. Прежде

он находил Наоми хорошенькой. Сейчас же впервые понял – перед ним по-настоящему красивая женщина.

– А кто такие «земляне»?

– Люди, которым не грозят пьянство, наркотики или даже «травка» и токсикомания, – процедила Наоми, словно нехотя. – Люди, которые могут позволить себе читать мораль и судить других.

Грузовик уже свернул на ухабистую проселочную дорогу, которая вела к возвышавшемуся неподалеку зданию утиля. Напротив дома, на проезжей части, Сэм заметил нечто странное. Но не машину. И в следующий миг догадался: это тележка Дейва.

– Остановите-ка на минутку, – попросил он.

Наоми послушно притормозила, но даже не повернулась к нему. Девушка смотрела прямо перед собой. Зубы ее сжались. Щеки покрылись румянцем.

– Вы его любите, – произнес Сэм, – и я рад за вас. А меня, Сара, вы могли бы полюбить? Хотя я и землянин.

– Я не давала вам права называть меня Сарой. Меня крестили под именем Наоми Сара Хиггинс. И они *могут* звать меня так – ведь они мне ближе, чем родственники. Узы, которые связывают нас, прочнее, чем узы крови. Вы же, Сэм... у вас такого права нет.

– Кто знает, – промолвил Сэм. – Возможно, я тоже стал одним из вас. У вас пьянство. У меня, землянина, – Библиотечная полиция.

– Сэм, я не понимаю... – Во взгляде Наоми читалось недоумение.

– Я тоже. Одно только точно знаю – мне нужна помощь. Отчаянно нужна. Я взял две книги в несуществующей библиотеке, а теперь и эти книги больше не существуют. Я их потерял. Хотите знать, куда они в конечном итоге попали?

Наоми кивнула. Сэм указал налево, где двое мужчин вышли из кабины грузовика и начали его разгружать.

– Вон туда. На свалку. Их перемололи в макулатуру. Стерли в порошок. А после полуночи, Сара, Библиотечная полиция сотрет в порошок меня.

6

Сэму казалось, что он сидит в стареньком «датсуне» Наоми Сары Хиггинс целую вечность. Дважды уже его рука тянулась к дверце, но он сдерживал себя. Наоми все-таки смягчилась... пусть и немного: если Дейв захочет поговорить, она возражать не станет. В противном случае – ни о какой встрече и речи быть не может.

Наконец дверь открылась. Одной рукой Наоми поддерживала Дейва Данкена за талию, он подволакивал ноги. Сердце Сэма оборвалось. Однако когда они вышли на солнце, Сэм понял – старик вовсе не пьян. На мгновение вдруг совершенно необъяснимо почудилось, будто он снова смотрится в зеркальце пудреницы Наоми. Было видно, что с Дейвом неладно: казалось, его только что постиг тяжкий удар.

Сэм выбрался из «датсуна» и в нерешительности остановился.

– Поднимитесь сюда, – позвала Наоми; в голосе ее сквозили отчуждение и страх. – Я не уверена, что он может спуститься сам.

Сэм поднялся по ступенькам. Дейву Данкеноу было около шестидесяти лет. В субботу он выглядел на семьдесят, семьдесят пять. Должно быть, выпил, решил Сэм. Сейчас же, когда время близилось к полудню, Дейву можно было дать все сто. А то и двести. Сэм понимал – это из-за него. Бедняга Дейв не выдержал внезапного столкновения с давно забытым и похороненным прошлым.

Но ведь я не знал, подумал Сэм, хотя утешением это было слабым.

Лицо Дейва выглядело бы в точности как выцветший от времени пергамент, если бы не лиловые жилки, сеточками разбегавшиеся по носу и щекам. Опухшие глаза слезились. Губы приобрели синеватый оттенок, в уголках губ пузырилась слюна.

– Я пыталась отговорить, – предупредила Наоми. – Хотела отвезти его к доктору

Мейдену, но Дейв сам настоял – он хочет с вами поговорить.

– Мистер Пиблс, – еле слышно пролепетал Дейв. – Вы уж извините, мистер Пиблс. Это все я виноват. Я не...

– Вы ни в чем не виноваты, – отрубил Сэм. – Давайте присядем.

Он помог Наоми подвести немощного Дейва к креслу-качалке и усадить. Сэм и Наоми сели по обеим сторонам от него на ветхих плетеных стульях с провисшими сиденьями. Некоторое время все сидели молча, созерцая железнодорожную насыпь и раскинувшуюся за ней пустошь.

– Значит, теперь она вашей крови хочет? – заговорил наконец Дейв. – Эта мерзавка из самого чрева ада.

– Она напустила на меня кое-кого другого, – ответил Сэм. – С одного из ваших плакатов. Это... Я понимаю, насколько дико звучит, но это – Библиотечный полицейский. Он приходил ко мне утром. Он... – Сэм показал на свои волосы. – Это все из-за него. И это тоже. – Он ткнул в место укола ножом на шее, где багровело пятнышко. – Библиотечный полицейский уверяет также, что у него есть сообщники.

Дейв долго молчал, глядя невидящим взором перед собой, туда, где в отдалении одиноко маячило заброшенное здание бывшего элеватора.

– Человек, которого вы видели, на самом деле не существует, – произнес он наконец. – Вообще никого из них в реальности нет. Кроме... этой стервы-дьяволицы.

– Дейв, вы можете рассказать про нее? – тихо спросила Наоми. – Если нет – скажите, мы пойдем. Но если это принесет вам хоть какое-то облегчение, то расскажите. Хорошо?

– Милая Сара, – с чувством промолвил Дейв; взяв ее за руку, он улыбнулся. – Как я люблю вас... Я вам говорил когда-нибудь?

Наоми покачала головой, улыбнувшись ему в ответ. В глазах ее заблестели слезы, словно крапинки слюды.

– Нет, Дейв, не говорили. Но я... очень вам признательна.

– Я обязан все рассказать вам, – сказал он. – И дело вовсе не в каком-то облегчении. Этому нужно положить конец. Знаете, Сара, чем мне запомнилась наша первая встреча в «АА»? Тем, как они говорили, что в этой программе все построено на искренности и доверии. Что чистосердечно каяться во всем содеянном нужно не только перед Господом, но и перед людьми. И тогда я подумал: «Если все это и правда необходимо, чтобы начать трезвую жизнь, то мне тут ловить нечего. Меня засунут в самую мерзкую ночлежку, где я буду гнить бок о бок с последними отбросами рода человеческого. Ведь я никогда не смогу рассказать всего, что видел и испытал».

– Все мы поначалу так думали, – мягко промолвила Наоми.

– Да, я знаю. Но немногим довелось перенести то, что выпало на мою долю. Впрочем, я старался. Делал все, что было в моих силах. Привел дом в порядок. Но вот об этом я никогда и никому не рассказывал. Даже Господу Богу. Отыскал в самом отдаленном уголке своего сердца каморку и запер ее дверь навсегда.

Сэм увидел, как по морщинкам, избороздившим лицо Дейва, катятся слезинки.

– Да, запер. И ключ выбросил. А потом заколотил дверь досками. А поверх досок приладил стальной щит, который накрепко привернул гайками. И еще забаррикадировал вход тяжеленным шкафом. И даже потом еще разок вернулся, чтобы навалить на шкаф кучу кирпичей. С тех пор вот уже много лет я твержу себе, что с Арделией покончено, что я выбросил эту мерзость из головы. Ее и все то, что она со мной сотворила. Чего я только не принимал, чтобы у меня память отшибло, – все без толку! А с тех пор, как в «АА» вступил, меня постоянно тянуло заглянуть в эту каморку. Словно магнитом. У магнита этого даже имя есть – Арделия Лорц. Потом меня по ночам кошмары стали донимать. Все время плакаты снились, что для нее рисовал, – те самые, которые так детишек страшали... Впрочем, бывали сны и пострашнее. С другими кошмарами их и сравнить было нельзя.

Голос его предательски дрогнул.

– Может, вам лучше передохнуть? – предложил Сэм, вдруг поняв, что, как бы ни хотел

выслушать признание, какая-то часть его естества бурно восставала против этого: боялась до паники.

– Нет, отдыхать мне некогда, – отмахнулся Дейв. – Врачи говорят, что у меня диабет, поджелудочная ни к черту, да и от печени мало что осталось. Скоро я уже на вечный отдых устроюсь. Не знаю только – в раю или в аду. Лишь в одном точно уверен: хмельного зелья там не продают. И слава Богу. Словом, отдыхать некогда. Если я когда и расскажу об этом, так только сейчас. – Он осторожно посмотрел на Сэма. – Вы уже поняли, что попали в беду, да?

Сэм кивнул.

– Но еще не осознаете всей серьезности своего положения. Вот почему я должен обо всем рассказать. Мне кажется, что порой... Арделия на какое-то время затаивается. Вот и на этот раз все повторилось: она долго пряталась, а потом – выбрала вас, мистер Пиблс. Еще и поэтому я должен выложить все начистоту. Не могу, правда, сказать, чтобы это мне улыбалось. Вчера после ухода Наоми я купил в лавке бутылку дрянного вина. Уединился на старом дворе, посреди всякого мусора, где раньше столько раз сидел. Откупорил бутылку, и знаете, чем пахнет эта бурда? Мне всегда казалось, что так воняют обои в дешевой гостинице, где клопы кишат. Или сточная канава. И все-таки запах этот всегда привлекал меня. Как вечный сон...

Так вот, держу я бутылку перед носом, принюхиваюсь и слышу голос этой стервы из запертой каморки. Запертой и наглухо заколоченной. Голос как у заживо похороненной. Он и сейчас как живой у меня в ухе звучит: «Правильно, Дейв, молодец, это единственный выход для тебя и для всех таких, как ты. Выпей – и никаких забот больше знать не будешь. До самого конца».

Я уж хотел было глотнуть, как вдруг в самый последний миг учуял запах... Ее запах. И сразу вспомнил ее мертвое лицо, испещренное тонкими ниточками... перекошенный рот... И отшвырнул бутылку. А потом и вовсе разбил о кусок рельса. Ведь надо же наконец покончить с этой дрянью! Очистить наш город от этой падали!

Надтреснутый голос Дейва патетически возвысился, и он прокричал:

– *Хватит! Пора покончить с этим дерьмом!*

Наоми прикоснулась к его руке. В глазах ее застыл испуг.

– Что у нас происходит, Дейв? В чем дело?

– Сперва я хочу сам убедиться, – сказал Дейв. – Расскажите про вашу беду, мистер Пиблс. Обо всем по порядку. Но только ничего не утаивайте.

– Хорошо, – согласился Сэм. – Но при одном условии. Пообещайте звать меня Сэмом... А я, в свою очередь, никогда больше не назову вас Грязнулей Дейвом.

Рот Дейва растянулся до ушей.

– Хорошо, Сэм. Считайте, что договорились.

– Вот и прекрасно. – Сэм глубоко вдохнул. – А началось все, Дейв, с этого чертова акробата...

7

Рассказ занял больше времени, чем он ожидал; зато потом, выложив все как на духу, Сэм испытал несказанное облегчение. Он рассказал про Невероятного Джо, про просьбу Крейга Джонса и про совет Наоми. Рассказал, как выглядела библиотека и как он познакомился с Арделией Лорц. По мере того как он говорил, глаза Наоми становились шире и шире. Когда Сэм описал плакат с Красной Шапочкой, Дейв кивнул и объяснил:

– Это единственный, который не я нарисовал. Арделия его с собой привезла. Наверняка она *до сих пор* этот плакат при себе держит. Мои работы ей нравились, но этот пользовался особой любовью.

– Почему? – спросил Сэм.

Но Дейв только покачал головой и попросил, чтобы он продолжил. Сэм рассказал им

про формуляр, про взятые книги, а также про неприятный спор из-за плакатов, вспыхнувший у него с Арделией Лорц.

– Вот оно что, – глухо произнес Дейв. – Тогда все ясно. Я ведь эту поганку знаю. Вы вывели ее из себя, Сэм. Это как пить дать. Вы ее разозлили... и теперь она собирается вас проучить.

Сэм сбивчиво и торопливо пересказал все остальное, но когда добрался до визита Библиотечного полицейского в мрачном сером френче, голос его дрогнул. Сэм едва не плакал; руки снова охватила мелкая дрожь.

– Не принесете водички? – спросил он Наоми внезапно охрипшим голосом.

– Да, конечно.

Наоми отошла на пару шагов, но неожиданно вернулась и поцеловала Сэма в щеку. Прежде чем уйти за водой, прошептала ему на ухо три благословенных слова:

– Я верю вам.

8

Сэм поднес стакан ко рту – двумя руками, чтобы не расплескать, – и залпом осушил его наполовину. Затем спросил:

– А вы, Дейв? Вы мне верите?

– Да, – кивнул тот.

Вид у Дейва был рассеянный, словно он думал о чем-то своем. Сэм понял, что старика его рассказ не удивил. Уж он-то знал эту загадочную Арделию Лорц не понаслышке, и выражение лица его, опустошенного, недвусмысленно свидетельствовало: отношения их были не самыми тесными и дружескими.

Дейв некоторое время сидел молча, но щеки его чуть порозовели. Он смотрел прямо перед собой, туда, где за железной дорогой расстилались бескрайние поля. Месяца через полтора там буйно зазеленеет кукуруза, но сейчас поля выглядели безжизненными и голыми. Дейв проводил взглядом тень облака, похожего на гигантскую хищную птицу, которое медленно скользило по пустырю. Наконец собрался с духом и твердо заявил:

– У моего Библиотечного полицейского – того, что я нарисовал по просьбе Лорц, – никакого шрама на лице не было.

Сэм вспомнил узкое бледное лицо незнакомца, так напугавшего его. Да, шрам у него, безусловно, был – длинный и тонкий; по всему лицу тянулся, от щеки через переносицу.

– И что из того? – спросил он. – Что это может означать?

– Лично для меня – ничего, а вот для вас, мистер... Сэм, может, что-то и означает. Бляху его я знаю... с многоконечной звездой, как вы сказали. Я отыскал ее в одной книге по геральдике, у нас в Джанкшен-Сити, в городской библиотеке. Это Мальтийский крест. Христианские рыцари нашивали его на грудь, отправляясь в крестовый поход. Эти кресты наделялись магической силой. Меня так пленила необычная форма, что я изобразил такой крест на плакате. Но... шрам? Нет. У моего Библиотечного полицейского шрама не было. Кто же тогда *ваш* полицейский? Кто к вам приходил, Сэм?

– Я не... Я вас не понимаю, – медленно произнес Сэм, но тут же снова услышал зловещный голос: *Пойдем с-со мной, с-сынок... Я полит-сейский.*

И снова почувствовал знакомый привкус во рту. Сладковато-приторный привкус солодки. К горлу подступила тошнота. Чужь какая-то! Он ведь в жизни эту дурацкую солодку не пробовал. На дух ее не выносил.

Откуда ты это знаешь, если и правда никогда ее не пробовал?

– Нет, я вас не понимаю, – неуверенно повторил он.

– Все-таки с вами явно творится что-то *неладное*, Сэм, – промолвила Наоми. – Вы выглядите так, будто вас ударили под дых.

Сэм метнул на нее раздраженный взгляд. Наоми спокойно посмотрела на него, и Сэм почувствовал, что сердце опять колотится как безумное и грозит выскочить из груди.

– Ладно, оставим пока это, – произнес Дейв. – Хотя откладывать надолго не будем. Вы, Сэм, просто не можете позволить себе такой роскоши. Если хотите выбраться из этой передраги, конечно. Позвольте, теперь я поведаю вам свою историю. Никогда еще об этом не рассказывал, да и не расскажу больше. Но теперь – пора...

Глава 11 Рассказ Дейва

1

– Меня не всегда называли Грязнулей Дейвом, – начал он. – В начале пятидесятых я был просто Дейвом Данкеном, всеобщим любимцем и баловнем судьбы, посещал тот самый «Ротари-клуб», в котором выступали вы, Сэм. А почему бы и нет? У меня было собственное дело, приносившее весьма приличный доход. Я расписывал вывески, и мои услуги были нарасхват. В Джанкшен-Сити и в Провербии, а порой и в Сидар-Рapidс. Как-то раз мне даже пришлось нарисовать огромную рекламу сигарет «Лаки Страйк» на бейсбольном стадионе в Омахе. Да, я был модным мастером по этой части. Меня считали лучшим рисовальщиком рекламы на всем Среднем Западе. И не без оснований.

Но, оставаясь здесь, я не переставал мечтать о серьезном искусстве, которое меня всегда притягивало. Профессионального образования я так и не получил – меня вышибли, – правда, это не обескураживало; я знал немало примеров, когда талантливые самоучки пробивались на самый верх.

Вполне возможно, что и мне это удалось бы. Я даже продал несколько картин – немного, ведь я не был обременен семьей, да и вывески приносили мне кучу денег. К тому же, как и большинство художников, почти все эскизы я сохранял для персональных выставок. Я не раз выставлялся. Здесь, в нашем городке, в Сидар-Рapidс, да и в самом Де-Мойне. Про эту выставку даже поместили отдельную статейку в «Демократе». Расписали меня как второе пришествие Джеймса Уистлера⁸.

Дейв приуменьшал, словно раздумывая, что сказать дальше. Затем приподнял голову и снова уставился на пустынные поля за железной дорогой.

– В «АА» любят рассуждать о людях, которые стоят одной ногой в прошлом, а другой в будущем, начисто забывая о настоящем. Однако порой и правда хочется поразмышлять о том, как сложилась бы твоя жизнь, поступи ты в свое время немного иначе. – Дейв виновато посмотрел на Наоми, которая улыбнулась в ответ и легонько пожала его руку. – Ведь я и в самом деле был тогда на коне и мог достичь любых высот. Однако уже в те годы здорово поддавал. Я не придавал этому никакого значения – ведь я был молод, полон сил, да и уповал на то, что все великие художники черпают вдохновение в вине. Так я считал по крайней мере. И все равно, даже несмотря на это, я мог бы добиться успеха, если бы... не Арделия Лорц, приехавшая тогда в Джанкшен-Сити.

И со мной было покончено.

Я узнал ее по вашему описанию, Сэм, хотя в те годы она выглядела иначе. Вы просто сами ожидали увидеть библиотекаршу такой, а Лорц это вполне устраивало. Когда же она впервые появилась в Джанкшен-Сити – это было в 1957 году, – то была пепельной блондинкой с точеной фигуркой и сногшибательными формами. Я тогда жил в Провербии и посещал баптистскую церковь. Не могу сказать, чтобы отличался особой набожностью, но в церкви всегда можно было встретить красивых женщин. Одной из них была ваша мать, Сара.

Наоми рассмеялась; тем особым смехом, которым женщины умеют демонстрировать свое недоверие.

⁸ Уистлер Джеймс Эббот (1834–1903) – знаменитый американский живописец.

– Арделия сразу стала для всех своей в доску. Сейчас-то, когда прихожане ее вспоминают – если, конечно, такое случается, – они наверняка утверждают что-то вроде: «Я сразу поняла: с этой Лорц что-то *неладное*» или «Я ее мигом раскусила», но тогда все было иначе, вы уж поверьте мне. Все вились вокруг нее – и женщины наравне с мужчинами, – как пчелы вокруг первого весеннего цветка. Не прожив в городе и месяца, она устроилась помогать мистеру Лейвину, но еще за пару недель до этого уже преподавала детишкам из воскресной школы в Провербии.

Не знаю уж, *чему* именно она их учила, но готов биться об заклад на последний доллар – не Евангелию от Матфея. Малыши были от нее без ума...

Так вот, случилось так, что она привлекла мое внимание... да и я ей приглянулся. Сейчас вы, конечно, не поверите, но в те дни я был хорош собой. Крепкий и загорелый от постоянной работы на свежем воздухе, с соломенной шевелюрой и талией, которой, Сара, даже вы позавидовали бы.

Арделия арендовала загородный домик в полутора милях от церкви; небольшой такой курятничек на отшибе. В нем давно никто не жил, и домишко так нуждался в покраске, как одинокий путник среди песков – в стакане воды. Как-то раз – уже сентябрь в разгаре был – я увидел Арделию в церкви и предложил покрасить стены ее обители.

В жизни больше не встречал таких огромных глаз, как у нее. Должно быть, большинству людей они показались бы серыми, но стоило Арделии только посмотреть на вас в упор, и вы бы голову на отсечение дали, что они серебристые. А именно так она на меня в тот день и посмотрела. И запах от нее исходил какой-то удивительный. Неземной. Никогда с тех пор я его больше не улавливал. Нечто вроде лаванды, но не совсем лаванда. Почему-то мне всегда казалось, что именно так благоухают неведомые маленькие белые цветы, распускающиеся только после захода солнца.

Словом, она покорила меня с первого взгляда, сразила наповал.

Мы стояли совсем близко – наши тела почти соприкасались. На Арделии было бесформенное черное платье – в таких часто ходят старухи – и шляпка с вуалью; в руках она сжимала сумочку. Настоящая набожная пуританка. Да вот только в глазах ее ничего пуританского не было. Как раз напротив, сэр.

«Надеюсь, вы не собираетесь расписать стены моего домика рекламой табака?» – спросила она.

«Нет, мэм, – ответил я. – Я хочу только выбелить его как следует. Пару раз. Прежде я таким делом не занимался, но вам, поскольку вы у нас новенькая, готов сделать исключение. По-соседски, так сказать»...

«Это приятно», – сказала Арделия и прикоснулась к моему плечу.

Дейв кинул извиняющийся взгляд на Наоми.

– Может, не стоит вам дальше слушать, Сара? Сейчас самая пакость начнется. Ужасно стыдно, поверьте, но мне надо душу излить. Очиститься от всего, что мы сотворили с этой гадиной.

Наоми погладила его ссохшуюся, морщинистую руку.

– Говорите, Дейв. Не обращайтесь на меня внимания.

Он глубоко вздохнул и продолжил:

– Едва она ко мне притронулась, я понял: или эта женщина станет моей, или я погибну. Представляете – а ведь она только прикоснулась ко мне. Один-единственный раз! И Арделия тоже поняла, что со мной творится. Я прочел это в ее глазах. Ох и хитрющие же были эти глаза! И недобрые. Но возбуждали они меня неимоверно.

«Да, Дейв, – сказала она, – это будет *вполне* по-соседски. Я и сама хочу стать вам *очень* хорошей соседкой».

Я проводил ее до дома. Бросив всех своих приятелей у дверей церкви. Уж как они меня чихвостили! А ведь даже не представляли, насколько им повезло. Всем, кроме меня.

Мой «форд» стоял в мастерской, а у Арделии машины не было, так что нам пришлось идти пешком. Я был не против, да и Арделия не возражала. Мы отправились по Трумэн-роуд,

которая в те дни была обыкновенным проселком, и преодолели почти половину пути, когда Арделия остановилась. Представляете нас вдвоем в разгар теплого дня посреди пустынной проселочной дороги? По одну сторону кукурузное поле Сэма Ордэя площадью в добрый миллион акров, а по другую – бескрайние кукурузные плантации Билла Хампа. Кукуруза выше наших голов и таинственно шелестит, хотя ветра нет. Мой дедушка, бывало, говаривал, что этот шелест – звук растущих побегов. Не знаю, правда это или нет, но впечатление завораживающее, скажу я вам.

«Взгляните! – вдруг говорит Арделия, указывая направо. – Видите это чудо?»

Я посмотрел, но увидел только кукурузу. Так и сказал Арделии.

«Сейчас я вам покажу!» – заявляет она и устремляется в самые заросли. Прямо как была, в черном платье и туфлях на каблуках. Даже шляпку с вуалью не сняла. Я чуть постоял, несколько ошеломленный. Потом услышал ее смех. Она забралась в кукурузу и там смеялась. И я очертя голову кинулся следом за ней. Посмотреть, что она там нашла, но главным образом – из-за ее смеха. Даже не представляете, что я в тот миг ощущал!

Вдруг увидел ее перед собой между двумя рядами кукурузы. Я устремился к Арделии, но она со смехом растворилась и возникла уже в следующем ряду, справа от меня. Я тоже смеялся, гоняясь за ней и бесцеремонно топча посадки Сэма Ордэя. Впрочем, он вряд ли хватился бы такой малости. Так вот, всякий раз как я, весь облепленный свежей зеленью, достигал места, где видел Арделию мгновением раньше, ее уже и след простывал.

Мне стало не до смеха.

Мы играли в прятки около получаса, а мне все не удавалось до нее добраться. Я только распалялся все больше и больше. Вот она впереди, прямо передо мной, а в следующий миг – уже *позади*, за моей спиной. Порой я замечал ее ногу или руку, да и следы в мягкой земле она, конечно, оставляла, но толку от них не было, потому что они виднелись уже повсюду.

Я начал беситься – моя лучшая рубашка взмокла от пота, галстук развязался, а ботинки покрылись грязью, – но тут Арделия снова мелькнула передо мной. Смеющаяся, с развевающейся вуалью.

«Догоните же меня, Дейв!» – звонко выкрикнула она.

Я только успел ее шляпку схватить, как бесовка опять исчезла. Лишь высокие кукурузные побеги колыхались в том месте, где она была секунду назад. Да, и еще обе ее туфельки там остались, прямо на земле. Я ринулся за ней и вдруг остолбенел – с одного из початков прямо перед моим носом свешивался ее шелковый чулок. А серебристый смех все звенел у меня в ушах не смолкая.

Я сорвал галстук и помчался за ней, не чуя под собой ног и высунув язык, как безмозглый пес, который не понимает, что в такой жаркий день лучше спокойно поваляться в теничке. И знаете что – я повсюду оставлял за собой сломанную кукурузу, увечил ее и затапывал. А вот она ни одного даже не повредила. Побег лишь колыхались, как от легкого летнего бриза.

Скоро я нашел ее платье, затем комбинацию и пояс для чулок. Потом – лифчик и трусики. Смех ее затих. Слышался лишь слабый шелест кукурузы. Я беспомощно стоял и дышал как паровоз, прижимая к груди ее одежду. Вся она пропиталась ароматом Арделии, и этот запах кружил мне голову, сводил с ума.

«Где вы?» – заорал я, но мне никто не ответил.

Я уже совсем потерял голову – а она только этого и добивалась.

«Где ты, черт тебя дерит?» – завопил я, вконец обезумев.

И в тот же миг ее белоснежная рука вынырнула из-за зеленого побега и погладила меня по шее. Я так и подскочил.

«Я ждала тебя, – сказала Арделия. – Почему ты так долго не шел? Разве ты не хочешь на меня посмотреть?»

Она схватила меня за руку и увлекла в кукурузу... И я ее увидел. Прекрасную и абсолютно голую, с ногами по щиколотку в грязи и с глазищами... серебристыми, как дождь в туманный день.

Дейв отпил воды, еще и еще, затем продолжил, закрыв глаза:

– Нет, в тот день мы не предались любви посреди кукурузного поля – за все время, что я ее знал, мы вообще ни разу не предавались любви. Но мы *всем этим* занимались. Я познал Арделию всеми мыслимыми способами, какие только существуют в отношениях между мужчиной и женщиной. Более того, я познал ее так, как вам показалось бы невозможным. Много я, конечно, забыл, но прекрасно помню ее белоснежное тело и длинные ноги, помню, как ее пальцы нащупывали и стискивали зеленые побеги у самого основания, как она царапала ногтями мои шею и спину.

Это продолжалось до бесконечности. Не представляю, сколько раз познал ее в тот день, но усталости я не знал. Когда мы начали, я был так возбужден, что мог изнасиловать даже статую Свободы; когда мы закончили, я ощущал то же самое! Я не мог ею насытиться. Ни тогда, ни когда-либо впредь. Арделия это прекрасно понимала.

И все же настала минута, когда мы остановились. Она закинула руки за голову, повела белоснежными плечами – лежа на спине прямо в грязи, – посмотрела на меня своими удивительными глазами и спросила:

«Ну как, Дейв? Гожусь я в соседки?»

Я сказал, что хочу ее снова, но Арделия только рассмеялась и ответила, мол, требую слишком многого. Я все равно попытался на нее взгромоздиться, но Арделия оттолкнула меня с такой легкостью, с какой сука отпихивает щенка, не желая больше кормить его. Однако я не унимался, и тогда Арделия вцепилась мне в физиономию, расцарапав ее. Это привело меня в чувство. Она была ловка, как тигрица, но раза в два сильнее. Убедившись, что я все понял, Арделия оделась и вывела меня на дорогу. Я плелся за ней покорно, как ягненок.

Мы прошли пешком до самого ее дома. По дороге не встретили ни души. И слава Богу, ведь выглядел я хуже пугала – весь в грязи, рубашка торчит наружу, галстук в кармане скомкан, а рожа расцарапана. Арделия же, напротив, чистенькая, свеженькая и искрящаяся, как вода в роднике. Прическа аккуратная, волосок к волоску, туфельки начищены, на платье ни пылинки.

Мы пришли, и я начал осматривать дом, прикидывая, сколько на него уйдет краски, когда Арделия вынесла какое-то питье в высоком стакане. С соломинкой и мятным листочком. Я поначалу подумал, что это охлажденный чай, и попробовал. Оказалось – чистейшее виски.

«*Ах ты черт!*» – выдавил я, чуть не подавившись.

«Не хочешь? – удивленно спросила она, насмешливо улыбаясь. – Могу предложить взамен холодного кофе».

«Нет, хочу», – пробормотал я.

Но я не просто хотел выпить – я ощущал самую настоящую потребность. До тех пор я пытался не пить днем; по-моему, именно это приводит к алкоголизму. Так вот, именно тогда я и сломался. И, сколько мы были с ней знакомы, я пил днем постоянно, каждый день. Последние два с половиной года президентства Айка⁹ я не вылезал из запоя.

Пока красил ее дом – и вообще делал все то, что она мне позволяла, – Арделия устроилась работать в библиотеку. Мистер Лейвин без испытательного срока поручил ей детскую библиотеку. Я проводил там каждую свободную минуту – а их у меня было предостаточно. Видя недоумение мистера Лейвина, я пообещал ему бесплатно выкрасить изнутри все читальные залы, и он больше ко мне не приставал. Это Арделия мне посоветовала – и оказалась права, как всегда.

⁹ Прозвище Дуайта Эйзенхауэра, 34-го президента США (1953–1961).

Я плохо помню то время, так как был целиком во власти чар этой женщины. Вернее – совсем и не женщины. Да, это так – она меня приворожила, заколдовала. Поэтому воспоминания о том времени у меня отрывочные и хаотические.словно узоры в калейдоскопе. Помню, что за месяц до смерти мистера Лейвина она прикрепила к дверям детской читальни плакат с изображением Красной Шапочки, а затем, взяв за руку, подвела к нему какого-то мальчугана.

«Видишь эту маленькую девочку? – спросила у него Арделия. – А знаешь, почему Волк ее съел?»

«Нет», – пролепетал малыш, глаза его были полны слез.

«Потому что она вовремя не сдала библиотечную книжку, – сказала Арделия. – Ты ведь, Уилли, так не поступишь, не правда ли?»

«Нет, никогда», – пообещал мальчик.

«Смотри мне», – сказала она, а затем отвела за руку и усадила за стол.

Малыш – его звали Уилли Клеммарт, и он потом погиб во Вьетнаме – все озирался через плечо, глядя на меня. А я стоял на раздвижной лестнице с кистью в руках и читал по его глазенкам, как по газете. Спасите меня, мистер Данкен! молили они. Заберите меня! Но что я мог сделать? Я и себя-то не мог спасти.

Дейв полез в задний карман, извлек из его глубин смятый, но чистый носовой платок и шумно высморкался.

– Поначалу мистер Лейвин боготворил Арделию, души в ней не чаял, но затем мнение свое начал потихоньку менять. Всего за неделю до его кончины они вдрызг разругались из-за этого самого плаката с Красной Шапочкой. Мистер Лейвин его просто на дух не переносил. Возможно, и не знал всего, что творилось в детской читальне, но и слепцом не был: замечал ведь, как взирали детишки на этот плакат. Кончилось тем, что он приказал Арделии снять плакат. Тогда-то спор и вспыхнул. Я был под самым потолком, где слышимость неважная, но все равно до меня донеслось предостаточно. Мистер Лейвин упрекал Арделию, что она запугивает ребятишек, а она уверяла, что, дескать, только напугав можно обуздать «этих несносных проказников». Чего она только не наговорила! Но мистер Лейвин стоял на своем, и в конце концов ей пришлось уступить.

В тот вечер Арделия металась по дому, как разъяренная тигрица, которую дети целый день тыкали сквозь прутья клетки острыми палками. Она, в чем мать родила, мерила спальню длинными шагами, а я валялся на постели, пьяный в стельку. Помню только, что, когда она посмотрела на меня, глазищи ее были уже не серебристыми, а кроваво-красными, словно в голове вспыхнул пожар, да и рот выглядел как-то странно, будто пытался отделиться от лица. Так, во всяком случае, мне показалось. Меня тогда такой мороз по коже продрал, что я мигом почти протрезвел. Никогда не видел ничего подобного. И не хотел бы увидеть вновь.

«Я ему отплачу, – процедила Арделия. – Он у меня поплатится, Дейви. Жирная скотина. Увидишь, что я с ним сделаю!»

Я уговаривал ее не делать глупостей, уверял, что она сама потом пожалеет, – словом, нес всякую ахинею. Некоторое время Арделия меня слушала, а затем вдруг с быстротой молнии метнулась ко мне и оседлала. С горящими глазищами, перекошенным ртом. Жуткое зрелище. Я испугался, что она с меня живого кожу сдерет. Но этого не случилось. Арделия прижалась ко мне и пристально всмотрелась в глаза. Не знаю, может, прочитала в них, насколько я напуган, но увиденное ей так понравилось, что она запрокинула голову назад – ее волосы стали щекотать мои бедра – и расхохоталась.

«Хватит болтать, дурачок, – сказала она. – Засади-ка лучше мне. Больше ты все равно ни на что не годен».

Я послушался. Ведь, кроме самого бесстыдного блуда да пьянства, я уже и в самом деле *ни на что* больше не годился. В конце 1958-го или в начале 1959 года у меня отобрали лицензию, да и отклики на мою работу все чаще были просто уничтожающие. Но мне было на все наплевать – в моих мыслях безраздельно царила Арделия. По городу ползли слухи,

что Дейв Данкен спился, что ему нельзя больше доверять... но *причиной* моего падения всякий раз называли только мое безудержное пьянство. О наших отношениях с Арделией никто не догадывался. Она была дьявольски хитра. От моей репутации не осталось камня на камне, Арделия же всегда выходила сухой из воды. Чистенькой, как девственница перед алтарем.

Мне казалось, правда, что мистер Лейвин что-то подозревает. Поначалу он, видимо, искренне полагал, что я просто влюбился в Арделию и тайком сохну по ней, но потом явно что-то заподозрил. Вскоре мистер Лейвин умер. Утверждали, что от инфаркта, но я знал истинную причину... Как-то раз мы с Арделией предавались любви прямо в гамаке на задней террасе ее дома, причем на сей раз уже *она* никак не могла насытиться моими ласками. Она терзала меня, пока я не возопил благим матом. Потом свернулась калачиком рядом, довольная, как кошка, слопавшая миску сметаны; в глазищах опять огонь замерцал. Вы, конечно, не поверите, но отблеск этого огня я на своей голой руке увидел. Так оно все и было, *это* не плод моего разыгравшегося воображения. И я ощущал жар того пламени. Словно рядом с только что угасшим камином сидел.

«Я же обещала тебе, Дейви, что он свое получит», – вдруг сказала Арделия.

Сознание мое было помутнено от пьянства, да и от упражнений наших я был еле жив, поэтому тогда я и не уразумел толком, что она имела в виду. Мне вообще казалось, будто я засыпаю в яме с зыбучим песком.

«Что ты с ним сделала?» – пробормотал я сквозь сон.

«Обняла его. Особым образом, как только я умею. Ты этого не знаешь, Дейви, и, если тебе повезет, никогда не узнаешь. Так вот, я заманила его в книгохранилище, заключила в объятия и показала, какова я на самом деле. И он расплакался. Так перетрусил, что душа в пятки ушла. Расплакался навзрыд, а я обнимала его и слизывала слезинки. Особенные слезинки. – Она так и сказала – «особенные». – Когда слизала последнюю, у него сердце остановилось».

И тут вдруг ее лицо... *изменилось*. Искaziлось и поплыло, точно под водой оказалось. И я увидел нечто...

Дейв замолчал, глядя перед собой невидящим взором. Его руки стиснули деревянные перила. Пальцы нервно сжимались и разжимались.

– Не помню, – сказал он. – Или *не хочу* вспоминать. Кроме двух деталей. Глаза у нее красные были и без ресниц, а вокруг рта пузырились толстые складки... но только не кожи, а плоти. Жуткое зрелище. Потом эта плоть стала растягиваться. Кажется, я завопил от ужаса. И тут же мерзкое видение исчезло. Рядом со мной лежала прежняя Арделия, голая и прекрасная – такая мурлыкающая кошечка.

«Не бойся, Дейви, – сказала она. – Тебе ничто не грозит. Пока ты будешь меня слушаться, разумеется. Пока останешься пай-мальчиком. Сегодня я счастлива, ведь избавилась наконец от этого старого болвана. Теперь меня назначат на его место, и я уж организую работу библиотеки, как сочту нужным».

«*Господи, помоги нам*», – подумал тогда я, но промолчал. Вы на моем месте тоже предпочли бы держать язык за зубами. Ведь еще минуту назад рядом с вами лежало чудовище с полыхающими глазами, без век; причем так далеко от города, что даже ори вы во все горло, вас бы никто не услышал.

Потом она пошла в дом и вскоре вернулась с двумя стаканами виски. Я напроочь отрубился и больше ничего о том дне не помню.

Библиотеку она не открывала целую неделю... «дань памяти мистера Лейвина», по ее словам, а потом, когда открытие наконец состоялось, на дверях детской читальни вновь красовался плакат с Красной Шапочкой. Еще неделю спустя она попросила меня нарисовать серию новых плакатов.

Дейв помолчал, затем продолжил, почти шепотом:

– Даже сейчас все во мне восстает против этого рассказа. Против всей правды. Я предпочел бы сказать, как сопротивлялся Арделии, боролся с ней, настаивал, что не хочу

запугивать бедных детишек... но это было бы враньем. Нет, я все делал, как она мне говорила. Перед Богом грешил. В какой-то степени – из страха перед ней, но главным образом – из раболепного поклонения. Ведь я все еще был на ней помешан. Какая-то низменная часть моей натуры – это, должно быть, свойственно многим из нас – преклонялась перед Арделией. Ее замысел мне нравился. Да-да, нравился.

Вас, конечно, интересует, что именно я делал по ее наущению, но вот всего этого поведать я и не могу. По той простой причине, что не помню. Все в моей памяти перемешалось, как сломанные игрушки в мешках Армии спасения.

Нет, я никого не убивал. Уж в этом-то я твердо уверен. Она пыталась меня заставить... и я почти уступил... но в конце концов все-таки сумел устоять. Только благодаря этому я и выжил, оставаясь наедине со своей совестью. Арделия отобрала у меня душу – лучшую и большую ее часть, – но все-таки не всю.

Дейв задумчиво посмотрел на Наоми, затем перевел взгляд на Сэма. И показалось, что Дейв уже заметно успокоился; возможно, несчастному даже полегчало.

– Помню, как-то осенью 1959 года – да, кажется, это было именно тогда, – она потребовала, чтобы я нарисовал новый плакат для детской читальни. Объяснила свою задумку, и я согласился. Никакого тайного умысла не увидел. Мне даже показалось, что будет забавно. А хотела она, чтобы я изобразил мальчишку, расплющенного паровым катком прямо на улице. И подпись придумала: ПОСПЕШНОСТЬ ДО ДОБРА НЕ ДОВОДИТ! ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ СДАТЬ КНИГИ В БИБЛИОТЕКУ, У ВАС ПРЕДОСТАТОЧНО.

Сам не знаю, что я нашел в этом смешного. Но охотно согласился. Арделия радовалась как ребенок. Тут же, прямо у нее в кабинете, я и нарисовал плакат. Буквально за несколько минут, ведь я считал, что это просто карикатура... И был уверен, что Арделии мое творение понравится, но не тут-то было. Она насупилась и поджала губы, так что рот почти исчез. Я изобразил карикатурного мальчишку со щелочками вместо глаз, а еще шутки ради пририсовал к губам водителя катка воздушный шар, на котором было написано: «Если у вас есть почтовая марка, можете отправить *его* вместо открытки».

«Нет, Дейви. – Арделия даже не улыбнулась. – Ты не понял. *Этим* детей вовремя возвращать книжки не заставишь. *Этим* ты их просто рассмешишь».

«Что ж, – ответил я, – значит, я просто тебя не понял».

Мы стояли за абонементным столом, и нас могли видеть только выше пояса. Арделия опустила руку, схватила меня за причинное место и, уставившись на меня в упор своими серебристыми глазами, промолвила:

«Я хочу, чтобы ты нарисовал все, *как в жизни*».

Я даже не сразу понял, что она имела в виду. Потом, когда до меня дошло, не поверил своим ушам.

«Арделия, ты не понимаешь, что говоришь. Если мальчик и в самом деле попадет под каток...»

Тогда она пребольно стиснула мои причиндалы, словно напоминая, кто в доме хозяин, и сказала:

«*Это ты* не понимаешь *меня*. Я вовсе не хочу их *смешить*, Дейви; я хочу, чтобы они *рыдали* от страха. Возвращайся на место и сделай все как надо».

Голова у меня кругом шла. На столе в кабинете лежал чистый лист ватмана, а рядом стоял стакан виски с соломинкой и листочком мяты; на ватмане я увидел записку от Арделии:

«Д.! На этот раз не жалея *красной* краски».

Дейв посмотрел на Наоми и Сэма.

– Самым страшным было то, что в кабинет она даже не заходила. Она ни на минуту не оставляла своего места!

Наоми принесла Дейву еще стакан воды. Сэм не преминул заметить, что лицо ее побледнело, а уголки глаз казались красноватыми. Сев рядом, она знаком попросила Дейва продолжать. Старик кивнул и заговорил:

– Я поступил так, как и любой другой алкоголик, окажись он на моем месте. Выпил виски и сделал так, как она хотела. Работал не покладая рук, словно одержимый. Залепал красками весь ее стол. Мне было на все наплевать. В итоге у меня вышло нечто такое, о чем и вспоминать не хочется... но я *помню*. От мальчика там мало что осталось. Ботинки валялись неподалеку, а голова была размазана по проезжей части, как блинное тесто по сковороде. А водитель катка – я лишь темный силуэт изобразил – оглядывался через плечо и ухмылялся. Потом я его и на всех прочих плакатах рисовал. Это он, Сэм, сидел за рулем машины, в которой кричал и жался к стеклу похищенный мальчик.

Мой отец бросил нашу семью примерно через год после моего рождения. Мама воспитывала меня в одиночестве. Теперь мне кажется, что на плакатах я рисовал именно отца. В детстве я называл его «темным человеком» и теперь почти уверен: на всех этих плакатах – мой отец. Каким-то таинственным способом Арделия сумела внушить мне его образ...

Так вот, от второго моего плаката Арделия пришла в полный восторг. Развеселилась как дитя.

«Молодчина, Дейви! – вскричала она. – *Просто изумительно!* Это научит маленьких негодяев уму-разуму. Я повешу его сейчас же!»

И прикрепила прямо над столом в детской библиотеке. И вот тогда меня вдруг как током ударило. Я каким-то образом *догадался*, что мальчик, которого я изобразил, не кто иной, как Уилли Клеммарт. Сам того не подозревая, я нарисовал его, причем выражение на... на том, что оставалось от лица, было такое же, как в тот день, когда Арделия, взяв Уилли за руку, сама провела его в детский зал.

Я был там во время детского часа и видел, как подействовал мой плакат на пришедших детишек. Они перепугались насмерть. Одна девочка даже расплакалась. А мне было почему-то приятно. Я даже подумал, что, мол, поделом этим проказникам. Пусть знают, что с ними случится, если им вздумается ослушаться Арделию.

Но тут же проснулись совсем другие мысли. *Ты начинаешь думать точь-в-точь, как она, Дейв,* – сказал я себе. – *А скоро и сам таким, как она, станешь. И вот тогда тебе крышка, парень!*

Тем не менее все продолжалось, как и прежде. Словно я взял билет в один конец и был полон решимости преодолеть этот путь во что бы то ни стало. Ребятишки приходили в библиотеку и пугались до чертиков, а Арделия упивалась страхом детей. Она ведь этим и жила – кормилась их страхом. А я продолжал малевать плакаты. Все я их и не вспомню, но вот Библиотечного полицейского отлично помню. Его я частенько рисовал. На одном плакате, который назывался «И БИБЛИОТЕЧНАЯ ПОЛИЦИЯ ПОРОЙ ОТДЫХАЕТ», я изобразил его на рыбалке с удочкой. Только наживкой на его крючке служил мальчонка – Растяпа Саймон...

Мы превратили детскую читальню в настоящую темницу ужасов. – Голос Дейва предательски дрогнул. – В пыточную камеру для детей. Мы вдвоем – Арделия и я. Но вот что удивительно – дети всякий раз возвращались. За новой порцией страха. И никогда... никогда не рассказывали родителям. Арделия за этим *следила*.

– Но сами родители! – вдруг вскричала Наоми так, что Сэм от неожиданности подскочил. – Ведь они-то наверняка видели...

– Нет! – прервал ее Дейв. – Родители не замечали ровным счетом ничего. Единственной страшилкой была для них Красная Шапочка. Этот плакат висел у нас постоянно, а вот остальные Арделия вывешивала *только* перед детским часом, ну и еще в субботу утром. Она ведь, Сара, не людского роду-племени была. Это вы должны себе четко уяснить. *Это дьявольское отродье* всегда наперед знало, когда зайдут взрослые, и успевало подменить мои творения на невинные плакаты с призывами вроде «ЧИТАЙ И РАДУЙСЯ!».

В те дни я дневал и ночевал в библиотеке. Заказов у меня уже давно не было, и жил я только на старые сбережения. Довольно скоро я начал потихоньку расставаться с вещами: продал телевизор, гитару, машину, а в конце концов – и собственный дом. Но мне это все было до лампочки. Главное, что я был рядом с ней. Ну а будучи все время рядом, я не мог не замечать, что творится в библиотеке. Во время детского часа дети обычно рассаживались вокруг Арделии на стульчиках. А я, небритый, в замызганном комбинезоне, вечно подшофе, устраивался в дальнем углу. Арделия читала вслух – свои излюбленные кошмарные рассказы, – а посередине вдруг умолкала и, наклонив голову, прислушивалась. Детишки начинали тревожно ерзать, но смотрели почему-то в другую сторону, словно просыпались после глубокого сна.

«Сейчас придут взрослые, – говорила она, улыбаясь. – Мы ведь должны как следует подготовиться к их приходу, не правда ли? Есть среди вас хорошие детки, которые мне помогут?»

И *все* дети как один тут же тянули руки, ибо хотели быть хорошими. Ведь мои плакаты очень недвусмысленно давали знать, какая участь может постигнуть плохих детей. Даже я, пьяный в стельку, послушно тянул руку наравне с ними. Потом одни из них снимали со стен мои плакаты, а другие вынимали из ящичков типографские и развешивали по стенам. Затем Арделия откладывала прочь рассказы-страшилки и начинала читать вслух нечто вроде «Принцессы на горошине». Почти сразу же дверь приоткрывалась и какая-нибудь мамаша интересовалась, как у нас идут дела. Увидев, что детишки слушают Арделию с открытыми ртами, она улыбалась, кивала своему чаду и исчезала.

– А что за рассказы-страшилки вы имели в виду? – поинтересовался Сэм.

Голос его звучал хрипло, а во рту пересохло. По мере того как он слушал, его все больше охватывали страх и гадливость.

– Самые обычные сказки, – ответил Дейв. – Только Арделия переделывала их на свой лад. Для этого ей порой и менять почти ничего не приходилось.

– Я это прекрасно понимаю, – кивнула Наоми. – Читала такие сказочки.

– Не сомневаюсь, – согласился Дейв, – но вы и представить себе не можете, как Арделия ухитрялась извращать их смысл. Причем детишкам все это *нравилось*; одним – сказки, а другим – сама Арделия. Она ведь притягивала их и очаровывала, как и меня. *Не совсем* так, конечно, ведь ничего сексуального в их отношениях не было... на мой взгляд. Нет, просто она умела воздействовать на темную сторону натуры, которая дремлет в глубине каждого из нас. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Сэм, припомнив, как и сам в свое время был заворочен, читая «Синюю Бороду», решил, что понимает. Дети ненавидят и страшатся мрака... но ведь он их чем-то притягивает, верно? Приманивает...

(Пойдем с-со мной, с-сынок)

Не так ли? Как сладкоголосые сирены

(Я полит-сейский)

спутников Одиссея.

Правильно?

Правильно?

– Я понимаю вас, Дейв, – произнес он.

Дейв кивнул и спросил:

– Вы еще не решили, Сэм? Не определили, кто был ваш Библиотечный полицейский?

– В этом я еще не до конца разобрался, – признался Сэм.

Хотя в глубине души считал, что уже близок к разгадке. Как будто мозги его превратились в океанскую пучину, на дне которой покоился, погрузившись в ил, затонувший корабль. Но не простой корабль. Скорее пиратская шхуна, забитая сокровищами и мертвыми телами. И вот сейчас шхуна начала двигаться в придонном иле и – Сэм этого всерьез опасался – готова была вот-вот всплыть на поверхность. Серая, мрачная, облепленная илом и водорослями. С ухмыляющимся скелетом, навеки прикованным цепями к штурвалу.

– Да, мне тоже кажется, что вы начинаете понимать, – заметил Дейв. – Все это должно проясниться, Сэм. Поверьте мне.

– А я все-таки не поняла, какие именно сказки она извращала, – сказала Наоми.

Дейв кивнул и попытался объяснить:

– Одной из ее самых любимых была «Златовласка». Вы, конечно, ее прекрасно помните, но вот многие жители нашего города – банкиры и адвокаты, инженеры и зажиточные фермеры – знают эту сказку в совершенно ином виде. Они хранят в памяти ту версию, что поведала им Арделия Лорц. Вполне возможно, что кто-то из них уже изложил ее своим детям, даже не подозревая, что в подлинной истории все совсем по-другому. Мне не хотелось бы, чтобы это оказалось правдой, но в глубине души я уверен, что дело обстоит именно так.

В изложении Арделии Златовласка была скверной и испорченной девчонкой. Попав в дом к трем медведям, она принялась ломать и портить все подряд. Перепачкала в грязи отложенное для глажки белье Мамы-медведицы, разорвала в клочья газеты и деловые бумаги Папы-медведя, а сиденье его любимого кресла кухонным ножом превратила в решето. В довершение она изодрала все их книжки. Эту часть Арделия особенно смаковала. А вот Мишуткину кашу Златовласка есть не стала – она отыскала на полке стрихнин и посыпала им кашу вместо сахара. Она даже не подозревала, в чей дом попала, но все равно решила отравить хозяев. Такая вот была маленькая дрянь.

– *Боже, какой кошмар!* – воскликнула Наоми. Впервые на глазах у Сэма она потеряла самообладание. Руки ее тряслись, а глаза едва не вылезали из орбит.

– Да, – кивнул Дейв. – Но это еще не все. Устав от собственных козней, Златовласка поднялась наверх в спальню, устроила погром и там, а затем уснула в кровати Мишутки. Три медведя вернулись домой, дружно навалились на Златовласку – именно так выражалась Арделия – и сожрали ее живьем вместе с потрохами. Начали пожирать с ног, а дрянная девчонка визжала от боли, тщетно пытаясь вырваться. В конце концов одна голова осталась. Ее медведи приберегли, потому что уже знали, что случилось с кашей. Они учуяли яд. «Медведи на то и *медведи* », – назидательно говорила Арделия детишкам, а те только послушно кивали. Ну вот, а потом медведи отнесли голову Златовласки на кухню, сварили в котле и слопали ее мозги на завтрак. Мозги оказались очень вкусными, а медведи с тех пор зажили счастливо.

4

На крыльце воцарилось мертвенное, почти осязаемое молчание. Потянувшись за водой, Дейв едва не опрокинул стакан и лишь в последний миг сумел его подхватить. Держа спасенный стакан обеими руками, он принялся жадно пить. Затем обратился к Сэму:

– Вас мой рассказ не удивляет?

Сэм молча помотал головой. Он был в шоке. Дейв перевел взгляд на Наоми.

– Теперь вы понимаете, почему я никогда об этом не рассказывал? Почему предпочел запретить свою тайну в каморку?

– Да, – еле слышно прошелестела Наоми. – И еще, мне кажется, я понимаю, почему дети никогда об этом не рассказывали. Есть вещи, которые *слишком...* чудовищны. Невообразимы.

– Для нас, возможно, Сара, – промолвил Дейв. – А вот для детей... В этом я не уверен. Дети ведь не сразу понимают, *что* такое настоящее зло. Родители должны втолковать, как его распознать. Вдобавок Арделия не просто запугивала их. Помните, я говорил, что, услышав о приходе родителей, дети вели себя так, словно просыпались после глубокого сна? Так вот, они и в *самом деле* спали. Только как-то необычно. Это был не гипноз, нет... но нечто подобное. Возвращаясь домой, они напрочь забывали про эти ужасные сказки и плакаты. А вот в подсознании, и в этом я свято убежден, они все прекрасно помнили... Так же как и Сэму в глубине подсознания известно, кто *его* Библиотечный полицейский.

И сегодня бывшие хорошие детишки – банкиры, адвокаты и зажиточные фермеры – тоже наверняка все это помнят. Я как тогда вижу их – в детских фартучках и коротких штанишках, – как они сидят на стульчиках вокруг Арделии, таращась на нее выпученными от любопытства и страха глазенками. И сейчас, должно быть, когда по ночам их донимают кошмары, они снова становятся прежними детишками. Словно воочию наблюдают, как ее три медведя пожирают Златовласку, как вычерпывают мозги столовыми ложками и как Мишутка носит на голове скальп плохой девочки, словно золотой парик. Они, наверное, и теперь просыпаются в холодном поту, разбитые и полумертвые. Вот какое наследие оставила Арделия нашему городу...

Но и это не все. Худшее еще впереди.

Сказки и плакаты – но главным образом все-таки сказки – порой доводили бедных детей чуть ли не до истерики. А то и до обморока. В таких случаях Арделия говорила остальным: «Опустите головки и подождите, пока я отведу Билли... или Сандру... или Томми... в ванную и приведу в чувство».

И все детишки как по команде опускали головки. И сидели не двигаясь, словно мертвые. Когда на моих глазах это случилось впервые и Арделия увела в ванную какую-то маленькую девчушку, я прождал пару минут, а потом подошел к детям. Сначала – к Уилли Клеммарту.

«Уилли, – прошептал я и потряс его за плечо. – Как дела, Уилли?»

Он даже ухом не повел. Тогда я снова потряс его, уже чуть сильнее. Он не шелохнулся. Только шумно дышал, словно у него насморк. Веки чуть-чуть приоткрыты, видны лишь белки глаз. Я испугался и обошел других ребятшек, но ни один из них на меня не взглянул, ни слова не произнес.

– Вы хотите сказать, что они были заколдованы? – спросил Сэм. – Подобно Белоснежке, надкусившей отравленное яблочко?

– Да, – кивнул Дейв. – Дети и правда походили на заколдованных. Как, впрочем, и я, хотя и по-другому. Я уже собрался было схватить бедного Уилли за шкуру и встряхнуть как следует, но услышал шаги Арделии и опрометью помчался на место. И сидел не смеядохнуть – так боялся, что она и со мной что-то сотворит.

Арделия вернулась и привела с собой девочку. Теперь на щеках у ребенка играл румянец, а глаза весело блестели. Арделия шлепнула ее по попке, и девочка побежала на свое место. Потом Арделия хлопнула в ладоши и сказала:

«А теперь, все хорошие дети, поднимите головки! Сонечке уже гораздо лучше, и она хочет, чтобы мы дослушали сказку. Верно, Сонечка?»

«Да, мэм», – радостно прочирикала Сонечка.

И тут же дети как по команде вздернули головы. Невозможно было поверить, что еще пару секунд назад все они сидели неподвижно, как истуканы.

Когда эта история повторилась в третий или в четвертый раз, я потихонечку проследовал за Арделией. Я знал, что она нарочно запугивает детей, и понимал, что тому должна быть причина. Сам запуганный до полусмерти, я хотел все-таки выяснить, в чем тут дело.

На сей раз Арделия отвела в ванную Уилли Клеммарта. Она рассказывала детям «Гензеля и Гретель», когда с мальчиком случилась настоящая истерика. Подкравшись к ванной, дверь которой была распахнута настежь, я разглядел Арделию на коленях перед Уилли. Рядом с умывальником. Мальчик уже не плакал, но толком разглядеть его я не мог. Арделия стояла спиной ко мне и почти полностью его загораживала. Я только видел, что руками он опирается на ее плечи, и все. Затем я услышал какой-то странный звук: посасывание такое, наподобие свиста, который издает соломинка, когда бокал уже пустеет. Мне вдруг почудилось, что Арделия... ну, словом, насилует мальчика. Так оно и оказалось на самом деле, но только... иначе.

Я приподнялся на цыпочки, пытаюсь разглядеть, что там у них происходит. Больше всего на свете я боялся, что Арделия меня услышит – у нее ведь уши локаторам не

уступали, – обернется и пронзит насквозь своими полыхающими глазищами. Но остановиться я уже не мог. Я должен был выяснить, что она делает. И начал потихонечку, дюйм за дюймом, сдвигаться вперед и вправо.

Постепенно из-за ее плеча передо мной предстало лицо Уилли – словно луна, выползающая из-за туч. Если сначала я мог видеть лишь волосы Арделии – золотые локоны и кудряшки, каскадом ниспадающие на плечи, то вскоре моему взору открылось и ее лицо. И вот тогда я разглядел, что она делает.

Кровь в моих жилах заледенела, а ноги подкосились. Увидеть меня они не смогли бы, разве что вздумай я вскарабкаться по водопроводной трубе и барабанить по ней. Глаза Арделии и мальчика были закрыты, но дело вовсе не в этом. Арделия была настолько поглощена своим занятием, что при всем желании не смогла бы сразу оторваться.

Лицо ее полностью утратило человеческий облик. Оно растеклось, словно патока, и приняло форму трубки с расплюснутым носом и вытянутыми глазами-щелочками. Мне это напомнило какое-то насекомое... муху, может быть, или осу. И рот ее снова исчез. Он превратился в эту мерзость, которую я уже наблюдал однажды, когда мы с Арделией лежали в гамаке после смерти мистера Лейвина. Вокруг выпяченного рыла снова пузырились толстые складки плоти, испещренные какими-то красными полосками. Поначалу я подумал, что это кровь или даже набухшие под кожей вены, но потом сообразил – это же помада. Губ у нее больше не было, а помада так расползлась на их прежнем месте.

Кончиком рыла Арделия присосалась к глазам Уилли.

Сэм ошарашенно посмотрел на Дейва и даже спросил себя, уж не рехнулся ли рассказчик, чего доброго. Одно дело – призраки, но такое... И тем не менее лицо Дейва светилось столь одухотворенно, что Сэм подумал: *Если он и врет, то сам того не сознает.*

– Дейв, не хотите ли вы сказать, что Арделия Лорц пила его слезы? – чуть поколебавшись, спросила Наоми.

– Да... и – нет. Она пила *особенные слезы*. Те самые, помните? Но ее лицо... Оно походило на размалеванную маску, которую напяливают на себя ряженые в праздник Хэллоуин.

Из уголков глаз Уилли выделялась какая-то розоватая слизь, этакая мутная и жиденькая каша. Вот ее-то и высасывала Арделия, громко хлюпая. Но это были не слезы, нет. Она пила *страх*. Каким-то непостижимым образом сумев сделать его реальным, истекающим наружу в виде этих кошмарных слезинок.

– Вы хотите сказать, что Арделия Лорц была вампиром? – спросил Сэм.

Дейв вздохнул с облегчением.

– Да. Совершенно верно. Уже потом, осмелившись об этом подумать, я догадался, что это именно так. Все эти рассказы о вампирах, которые прогрызают жертвам шею и пьют кровь, – досужие бредни. Да, они пьют, но вовсе не из шеи и не кровь. Возможно, потом, когда их жертвы вырастают, это и краснеет и становится похожим на кровь. Может быть, именно так и обстояло дело с мистером Лейвином. Наверное. Но это не кровь.

Это страх.

5

Не знаю, сколько я простоял, не в силах оторвать от них глаз, но вряд ли очень долго – Арделия никогда не уводила ребенка в ванную больше чем на пять минут. Выделения из уголков глаз Уилли начали бледнеть и стали более скудными. Но вот эта штуковина на конце ее рыла... не знаю, как ее назвать...

– Хоботок, – спокойно подсказала Наоми. – Думаю, это было нечто вроде хоботка.

– Что ж, возможно. Так вот, этот... хоботок на моих глазах начал удлиняться, не желая, видимо, упустить ни одной капли живительной влаги. Я догадался, что процесс подходит к концу. Я также прекрасно понимал, что Арделия убьет меня, если узнает, что я за ней подглядывал.

Я начал медленно пятиться, шаг за шагом. В глубине души я был почти уверен, что спастись мне не удастся, но наконец уперся спиной в косяк распахнутой двери. От ужаса я чуть не заорал, решив, что Арделия каким-то образом оказалась у меня в тылу. Я искренне в это верил, хотя она по-прежнему стояла на коленях прямо у меня на глазах.

Зажав рукой рот, чтобы не взвыть, я ударился в бегство. Мной овладело единственное желание: удрать отсюда, а потом бежать и бежать, не останавливаясь. Пока не упаду замертво.

Я выбрался в то самое фойе с мраморным полом, которое вы видели, Сэм. Где установлен щит с призывом «ТИШИНА!». Там я на мгновение остановился и призадумался. Сейчас Арделия приведет Уилли в детский зал и заметит, что меня и след простыл. Она сразу догадается, что случилось, и устремится за мной в погоню. В том, что она меня поймает, сомнений не было. Я не забыл, как она носилась в зарослях кукурузы.

Словом, я заставил себя возвратиться в детскую читальню. Пожалуй, это был труднейший поступок в моей жизни, но я совладал с собой. Не прошло и двух секунд, как я сел на место, и Арделия вернулась, держа Уилли за руку. Мальчуган, как я и ожидал, сиял и весело смеялся.

«А ну-ка, хорошие дети, поднимем головки! – выкрикнула она, хлопнула в ладоши, и дети дружно уставились на Арделию. – Уилли уже выздоровел и хочет дослушать сказку до конца. Верно, Уилли?»

«Да, мэм», – послушно ответил Уилли.

Она чмокнула его в щеку и подтолкнула к стульчику. Затем продолжила рассказ. Я сидел и слушал ни жив ни мертв. И вот когда этот детский час закончился, я запил уже по-настоящему. По-черному. Не зная удержу.

6

– И чем закончилась эта история? – спросил Сэм. – Что вам об этом известно?

– Не так много, как могло бы, не пей я как свинья, но куда больше, чем хотелось бы. Даже не знаю, сколько еще тянулось это дело. Месяца четыре, должно быть, или шесть, а то и все восемь. Я уже совсем потерял счет времени. Не знал даже – лето или зима стоит. Когда пьяница идет вразнос, Сэм, он уже не видит перед собой ничего, кроме доньшка бутылки. Одно только помню – кто-то, похоже, сел Арделии на хвост, и пришло ее время уснуть и сменить облик.

Помню, как однажды ночью в ее доме – *ко мне* – она никогда не приходила – Арделия сказала:

«Я ползаю, как сонная муха, Дейв. Никак не могу избавиться от сонливости. Скоро я уже буду отдыхать. Долго-предолго. Когда настанет время, я хочу, чтобы ты уснул со мной. Я ведь так к тебе привязалась».

Я был, как всегда, пьян в стельку, но от этих слов просто похолодел. Мне казалось, я понял, что она имела в виду, и спросил ее об этом прямо в лоб, но Арделия только рассмеялась.

«Нет, глупыш, совсем не это, – снисходительно сказала она. – Я о настоящем сне говорю, а вовсе не о смерти. Только для этого теперь ты будешь питаться вместе со мной».

От этих слов я мигом протрезвел. Арделия даже не подозревала, что я уже проник в ее тайну и знаю, что она замыслила. Затем стала расспрашивать меня про детей. Какие мне не нравились, какие казались самыми вредными, шумными и непослушными. И говорила:

«Они плохие. Таких давить надо. Они чиркают книги карандашами и странички рвут. Как по-твоему, Дейви, кто из них заслуживает смерти?»

Тогда я понял, что должен непременно вырваться из ее лап, пусть даже ради этого мне придется расстаться с жизнью. Арделия начала меняться. Волосы ее потускнели, да и кожа стала портиться. Дряблой какой-то сделалась, морщинистой. А вокруг рта какие-то красноватые жилки появились. Целая сеточка.

Однажды ночью, в постели, Арделия перехватила мой взгляд.

«Ты заметил, что я меняюсь, Дейви? – И потрепала по щеке. – Так надо, не волнуйся. Все идет как надо. Просто я готовлюсь ко сну. Так всегда бывает, когда я собираюсь погрузиться в очередной сон. Скоро. А ты, если хочешь остаться со мной, должен прихватить одного ребенка. Или двоих. А то и троих. Чем больше, тем веселее! – Она расхохоталась, и в глазах снова заплясали язычки пламени. – Впрочем, я тебя в любом случае бросать здесь не собираюсь. Для меня это небезопасно. Ты понимаешь, что я хочу сказать?»

Я сказал, что понимаю.

«Тогда готовься, Дейв, если тебе жизнь дорога. Уже недолго осталось. Совсем недолго. Если ты не готов, то лучше признайся сразу. Мы покончим нашу связь прямо сейчас – быстро и безболезненно. Тебе только приятно будет».

Она наклонилась ко мне, и я вдруг почувствовал, что изо рта Арделии идет трупный запах. Да-да, от нее несло падалью. Мне даже не верилось, что когда-то я мог целоваться с ней... пусть даже пьяный... Однако тогда я согласился на ее предложение. Видимо, в глубине души я все-таки хотел жить и сказал Арделии, что уйду с ней, но только мне нужно немного времени, чтобы подготовиться. Настроиться, иначе говоря.

«Ты просто хочешь упиться впрок, Дейви, – презрительно фыркнула Арделия. – А должен бы на коленях меня благодарить, Дейв Данкен. Без меня ты через год в какой-нибудь вонючей канаве сдохнешь. Со мной же ты обретишь бессмертие».

И тут ее рот вытянулся в трубочку и коснулся моей щеки. Я с трудом сдержался, чтобы не заорать.

Дейви приподнял голову и обвел Сэма и Наоми затравленным взглядом. Затем выдавил вымученную улыбку. Сэм Пиблс навсегда запомнил эту жуткую улыбку, которая до конца дней преследовала его во сне.

– Да, тогда я не заорал, – закончил Дейв. – Но где-то в глубине души крик этот с тех пор звучит не переставая.

7

– Я рад бы сказать, что в конце концов сумел избавиться от ее власти, но это неправда. Скорее мне просто повезло. Я уже окончательно сделался парией в городе. А ведь помните, Сэм, что некогда и я был членом «Ротари-клуба?» Так вот, к февралю шестидесятого года никто из наших славных ротарианцев не доверил бы мне и уборные мыть. В глазах жителей Джанкшен-Сити я превратился в обычного бродягу. Бывшие друзья, завидев меня, спешили перейти на другую сторону улицы. В те дни я был тощ как спичка, пьянство вытягивало из меня последние соки. Пьянство и Арделия Лорц.

Не раз я думал, что она вот-вот начнет пить и из меня, но почему-то так не случилось. Возможно, толку от меня было мало... Или же дело было в другом. Не думаю, чтобы она меня любила – такая вообще не способна на любовь, – но наверняка страдала от одиночества. Думаю, что жизнь ее – если можно назвать это жизнью – тянулась почти бесконечно, и у нее были...

Скрюченные пальцы Дейва вцепились в коленки, а невидящий взор опять вперился в бескрайнюю пустошь за железнодорожным полотном.

– Да, у нее были спутники – пожалуй, это самое точное слово. Не спрашивайте, почему у меня возникло такое ощущение, ответить я все равно не смогу. Просто не помню. Ни этого, ни многого другого. Но я уверен, что прав. Просто случилось так, что на сей раз Арделия выбрала меня. И я наверняка отправился бы с ней в неведомые дали, если бы ее не разоблачили.

– Кто же ее разоблачил, Дейв? – возбужденно спросила Наоми. – Кто?

– Помощник шерифа. Джон Пауэр. Шерифом округа Хоумстед был в те годы Норман Бимен. Ходячее свидетельство в пользу того, что шерифов следует назначать, а не избирать.

В 1945 году, когда он вернулся с войны и чемодан его был битком набит медалями, народ проголосовал за него. Бимен служил под началом Паттона и добрался до самой Германии. Драчун был отменный и стрелял метко, но вот только как шериф гроша ломаного не стоил. Зато ослеплял всех белозубой улыбкой и совершенно виртуозно ругался. Вдобавок он еще был республиканцем, а в округе Хоумстед это самое главное. Уверен, что, не скончавшись Норм летом 1963 года от инфаркта прямо в парикмахерской Хьюи, его переизбрали бы и на следующий срок. Этот период я помню совершенно отчетливо; Арделии к тому времени уже не было, а я немного пришел в себя.

Однако секрет успеха Норма заключался отнюдь не в улыбке и умении браниться. Он был по-настоящему честен. И абсолютно неподкупен. Вдобавок он всегда держал при себе хотя бы одного помощника, который, во-первых, быстро соображал, а во-вторых – не метил на его место. И платил таким помощникам добром. Всякий раз продвигал их по службе, когда сам получал повышение. Да, никто так не заботился о своих парнях, как Норм. Думаю, вы и сейчас найдете на Среднем Западе с десятков шефов полиции и шерифов, которые начинали здесь, в Джанкшен-Сити, на побегушках у Норма Бимена.

А вот Джона Пауэра вы уже не увидите. Он мертв. В некрологе сказано, что умер он от сердечного приступа, хотя ему тогда и тридцати лет от роду не было, да и привычек вредных за ним никогда не водилось. Но я-то знаю правду – Джон скончался от того же приступа, что и мистер Лейвин. Это *она* его прикончила.

– Почему вы так думаете, Дейв? – спросил Сэм.

– Знаю. В тот день мы с ней должны были умертвить в библиотеке не двоих, а *троих* детей.

Голос Дейва казался спокойным, но Сэм слышал ужас, затаившийся в его жилах с тех давних пор, словно низковольтный ток в электрических проводах. Даже если половина рассказанного Дейвом была правдой, Сэм и представить себе не мог, в каком животном страхе жил – существовал – этот человек в течение последних тридцати лет. Немудрено, что он искал спасения в бутылке.

– Двое детишек заплатились жизнью – Пэтси Харриген и Том Гибсон. Третий ребенок был для меня платой за вход туда, где правила бал Арделия Лорц. Эта смерть была для Арделии самой желанной, потому что она – эта девочка – первой вывела ее на чистую воду. Причем именно в то время, когда огласка была нужна Арделии менее всего. Звали малютку Тэнси Пауэр – дочь Джона Пауэра.

– Вы, случайно, не о Тэнси *Райан* говорите? – дрожащим голосом спросила Наоми.

– Именно. Тэнси Райан, которая на почте служит и сейчас посещает наши встречи, Сара. Прежде она была Тэнси Пауэр. Многие из бывших детишек, которые слушали сказки Арделии, сейчас ходят на встречи «АА» вместе с нами, Сэм. Выводы сами делайте... Словом, я тогда едва не убил Тэнси Пауэр... Но и это еще не самое страшное. К сожалению.

8

Наоми извинилась и вышла. По прошествии нескольких минут Сэм хотел уже отправиться на ее поиски.

– Посидите, Сэм, – предложил Дейв. – Пусть Сара побудет одна. Она замечательная женщина, но ей нужно время, чтобы прийти в себя после такого удара. Представляете, каково это, когда узнаешь, что один из твоих товарищей по несчастью чуть не убил твою лучшую подругу? Она вернется, вот увидите – ведь нашу Сару так просто не согнуть.

Наоми и в самом деле скоро возвратилась. Со свежеевымытым лицом – на висках еще блестели капельки воды – она несла поднос с тремя стаканами холодного чая.

– Что, милая, мы наконец переходим на крепкие напитки? – шутливо спросил Дейв.

Наоми вымученно улыбнулась в ответ:

– А что делать? Я уже не могла больше держаться.

Сэм мысленно вознес ей хвалу за мужество. В стаканах, тихонько позвякивая, плавали

кусочки льда. Сэм снова привстал и взял стакан из дрожащих рук Наоми.

– А теперь заканчивайте свою историю, Дейв, – твердо сказала она, присаживаясь. – Выкладывайте все до конца.

9

– Осталось рассказать только то, о чем она со мной говорила, – сказал Дейв, – потому как я уже тогда с трудом замечал, что творится вокруг. Так вот, примерно в конце года Арделия сказала, чтобы я больше не появлялся в библиотеке. Заявила, что в противном случае выставит меня вон или даже натравит полицию, если я только посмею слоняться поблизости. Говорила, что уж больно убого я стал выглядеть, а она не хочет, чтобы по городу ползли ненужные слухи.

«Какие еще слухи? – изумился я. – Про нас с тобой, что ли? Кто же такому поверит?»

«Никто, – ответила она. – Но меня вовсе не такие слухи волнуют, дубина ты этакая!»

«А какие?»

«Про тебя и детей», – сказала она.

Вот тогда я, наверное, впервые понял, как низко пал...

Отныне нам оставалось встречаться лишь в ее доме, да и то приходить мне было дозволено лишь с наступлением темноты. Причем я имел право идти по дороге лишь до владений Ордэя. После этого я был вынужден пробираться через поле. Арделия сказала, что мигом выяснит, если попробую ее надуть, и я поверил. Ведь как только серебристые глаза наливались кровью, она видела *все*! Я приходил к ней между одиннадцатью и часом ночи – в зависимости от количества поглощенного спиртного, – промерзший до мозга костей. А зимы тогда стояли в Айове чертовски холодные. Трезвый человек наверняка не раз и не два замерз бы насмерть прямо посреди кукурузного поля.

Впрочем, в ту ночь, о которой пойдет речь, подобных сложностей не было – в том июле жарница стояла адская. Помню, луна показалась мне какой-то раздутой и почти красной. Все собаки в округе Хоумстед буквально изошлись от лая на нее.

Мне было проще заставить себя шагнуть в жерло вулкана, чем войти в дом Арделии. Всю неделю, да и весь месяц до этого, она еле ползала, едва не засыпая на ходу, но в ту ночь просто рвала и метала. Такой я прежде ее лишь раз видел – в тот вечер, когда мистер Лейвин велел ей убрать плакат с Красной Шапочкой, чтобы детишек не страшать. Поначалу Арделия даже не заметила меня. Без конца бегала взад-вперед по комнате в чем мать родила – если у нее, конечно, была мать, в чем я очень сомневаюсь. Злобная, как тигрица, которой перца под хвост насыпали. Обычно дома она укладывала волосы в пучок на затылке, но сейчас они были распущены и развевались сзади – с такой скоростью она носилась. Даже потрескивали, словно статическим электричеством заряженные. Глазищи полыхали огнем и сверкали, как сигнальные огни на железной дороге, и едва из орбит не вылезали. Все тело лоснилось от пота, и рзило от нее – это даже при моем-то притупившемся обонянии! – как из выгребной ямы. С грудей и живота на пол шлепались маслянистые капельки – это я как сейчас помню. Ляжки поблескивали.

Стояла такая удушливая ночь, что воздух, казалось, давит на тебя, как свинцовый. Остается мечтать лишь о грозе или хотя бы о ветерке, но не тут-то было. Только слышно, как кукуруза растет... причем скрипит, словно суставы старика с подагрой, который пытается сам встать ночью, не потревожив жену.

И вдруг я вижу – черт возьми! – а ведь Арделия до смерти напугана! Словно кто-то наконец сумел подселить ей в душу страх Божий. И еще – вся она вдруг сделалась меньше, как-то скукожилась, что ли. Даже волосы стали тоньше, как у ребенка. И поредели – весь череп просвечивал. Поверх старой кожи повсюду нарастала новая – на щеках, вокруг крыльев носа, в уголках глаз и даже между пальцами перепонки образовались. Где только можно, висели и болтались складки. На ходу они даже негромко хлюпали. И вдруг меня осенило. Арделия вела себя как гусеница перед спячкой: она оплетала себя коконом.

Я молча стоял в дверях, наблюдая, как эта бестия носится туда-сюда. Арделия долго меня не замечала, слишком была взбешена. Дважды лупила кулаком стену с такой силой, что пробивала ее насквозь – обои, штукатурку и все остальное. Звук был такой, словно кости трещали, но Арделия и виду не показывала, что ей больно. Да и крови не было. Всякий раз, дубася стену, оно громко вскрикивала, но не от боли. Скорее так вопит разъяренная кошка... но, как я говорил, за ее злостью скрывался страх. И еще: вопила она не просто так, а выкрикивала имя помощника шерифа.

«Джон Пауэр!» – и тут же – бум! И кулак стенку прошибает. «Будь ты проклят, Джон Пауэр! Я покажу тебе, как соваться не в свое дело! Хочешь на меня посмотреть? Прекрасно! Но я тебя проучу, Джон Пауэр! Ты у меня попляшешь!» Она без устали носилась по комнате, а потом снова подпрыгнула к стене, поджала губы и – трах кулаком! Только штукатурка и посыпалась. «Нет, Джон Пауэр, ты не сможешь! – вскричала она. – Ты никогда и пальцем меня не осмелишься тронуть!»

Впрочем, одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы понять: еще как осмелится. Тем более любой, кто знал Пауэра, мог утверждать: у Арделии есть основания беспокоиться. Помощник шерифа отличался редкой сообразительностью и ничего не боялся. Он был из тех, кому не стоило переходить дорогу.

Пробежав по комнате еще пару раз, Арделия приостановилась на пороге кухни и тут наконец заметила меня. Испепелила взором, свирепо ощерилась, и вдруг губы ее снова стали вытягиваться в длинное рыло – только на сей раз оно было покрыто чем-то вроде паутины, – и я испугался, что пришел мой смертный час: не в силах наложить лапы на Джона Пауэра, она решила расправиться со мной. Я медленно сполз на пол, прямо в какую-то лужицу. Арделия тут же остановилась. Пламя в глазах погасло, и вся она мгновенно переменялась. На губах заиграла улыбка. Можно было подумать, что я пришел на званый вечер, а сама она не бегала только что голышом, круша все на своем пути и ломая стены.

«Дейви! – воскликнула она. – Как я рада, что ты пришел! Выпей. Для тебя мне ничего не жалко!»

Арделия жаждала убить меня – я прочел это в ее глазах. Но я был ей нужен; не как спутник жизни, нет: она хотела, чтобы я покончил с Тэнси Пауэр. Полицейского Арделия брала на себя, но хотела, чтобы он перед смертью знал: дочери больше нет в живых. Вот для чего я ей понадобился.

«Времени у нас в обрез, – сказала она. – Ты знаешь Пауэра? Помощника шерифа».

Я ответил, что знаю. Добрый десяток раз он арестовывал меня за появление в пьяном виде.

«И как он тебе?» – спросила Арделия.

«Крепкий мужик», – осторожно ответил я.

«К свиньям вас обоих, чертовы ублюдки!» – неожиданно взорвалась она.

Я промолчал. Мне показалось, что так будет разумнее. Арделия сменила гнев на милость и продолжила уже вполне миролюбиво:

«Этот мерзавец сегодня днем пришел в библиотеку и начал копаться в моем прошлом. Буквально бомбардировал вопросами. Хотел выяснить, где я жила перед переездом в Джанкшен-Сити, какую школу посещала... Видел бы ты, Дейви, каким волком он на меня смотрел! Ничего, я его проучу! Будет знать, как вести себя с настоящей дамой!»

«Тебе его не запугать. Пауэр ничего не боится».

«Боится, – ухмыльнулась Арделия. – Меня по крайней мере. Правда, пока полицейский об этом и не подозревает».

Она ухмылялась, но в глазах ее вновь промелькнул страх. Для нападок Пауэр выбрал самое неудачное для «библиотекариши» время – Арделия готовилась к спячке, и сил у нее оставалось меньше обычного.

– Арделия не сказала вам, что побудило Пауэра обратить на нее внимание? – спросила Наоми.

– Это и так ясно, – ответил Сэм. – Дочь ему рассказала.

– Нет, – покачал головой Дейв. – Я ее не спрашивал – боялся даже обратиться к этой фурии, – но почему-то мне не кажется, что Тэнси проговорила. Ведь, покидая библиотеку, дети обо всем начисто забывали... И о сказках, и о том, что вытворяла Арделия в ванной. Впрочем, они не просто забывали... похоже, Арделия обладала способностью внушать им какие-то другие мысли. Во всяком случае, уходили детишки всегда веселыми. И вообще большинство родителей просто боготворили Арделию, готовы были ее на руках носить.

Думаю, Пауэр сам заподозрил *неладное*, заметив, что Тэнси каким-то образом изменилась. Ведь Арделия, как и любой другой вампир, высасывала из своих жертв нечто вполне осязаемое. Должно быть, Пауэр заметил или как-то почувствовал это.

– Но что заставило его заподозрить именно Арделию? – с недоумением спросил Сэм.

– Я же говорил, Пауэр отличался редкой сообразительностью. Чутье у него было развито, как у настоящей ищейки. Возможно, расспрашивал Тэнси и какие-то ответы дочки ему не понравились. Ведь по приходе в библиотеку он ничего не знал... но явно подозревал что-то. Причем вполне достаточно, коль скоро Арделия на стенку полезла. Помню, больше всего ее вывело из себя – и одновременно испугало – то, как он смотрел на нее. «Я тебя научу, как надо на меня смотреть», – все время повторяла эта бестия. Должно быть, Арделия слишком уверовала в то, что ей ничего не грозит, коль скоро первый же подобный случай выбил ее из колеи. Заставил впервые усомниться в собственной безнаказанности.

– Но ведь он мог поговорить и с другими детьми, – нерешительно предположила Наоми. – А затем сравнил услышанное и подметил какие-то очевидные несовпадения. Наверное, и сами дети смотрели на нее по-разному. Как, например, вы с Сэмом.

– Все может быть, – пожал плечами Дейв. – Как бы то ни было, страх заставил ее поспешить.

«Весь завтрашний день я проведу в библиотеке, – сказала она мне. – Хочу на людях помелькать. Тебе же, Дейви, я поручаю Тэнси Пауэр. Будешь ждать перед домом, пока не убедишься, что девчонка осталась одна. Потом затащишь ее в лес. Можешь делать с ней все что заблагорассудится, но напоследок ты должен перерезать ей горло. И оставь труп там, где его наверняка найдут. Я хочу, чтобы этот ублюдок узнал обо всем до того, как я им займусь».

Я ничего не ответил. Даже рад был, что у меня тогда язык отнялся, ведь я мог такого наговорить, что Арделия вмиг бы мне голову оторвала. Я же сидел за кухонным столом, тупо пялясь на стакан виски, и Арделия, видимо, приняла мое молчание за согласие.

Потом мы перешли в спальню. И легли в постель – последний раз. Помню, я был уверен, что у меня ничего не выйдет; ведь известно, что напуганный мужчина теряет свою силу. Тем не менее все у нас получилось, причем не один раз. Вот как на меня действовала Арделия. Я предавался этим безумным скачкам, пока не лишился чувств. Когда очнулся, Арделия выпихивала меня босыми пятками из постели, и я свалился прямо на залитый солнечным светом пол. Было уже четверть седьмого, рот заливала мерзкая изжога, а голова просто раскалывалась.

«Пора делом заняться, – приказала Арделия. – Только смотри, Дейви, по пути в город никому на глаза не попадайся. Понял? И не забудь: займись девчонкой прямо с утра. Затащи в лес и прикончи. А сам затаись до темноты. Если тебя схватят раньше, я ничем помочь не смогу. Здесь же ты будешь в безопасности. Я устрою так, чтобы завтра утром двое детей оказались в библиотеке, хотя она и закрыта. Я уже выбрала эти отродья – двоих самых мерзких гаденышей во всем городе. Мы отправимся в библиотеку вместе... а потом – нас там найдут. И увидят, что все мы мертвы. Но только мы с тобой, Дейви, вовсе не погибнем; мы освободимся. Славный розыгрыш, верно?»

И она расхохоталась. Сидела на кровати голая и хохотала как безумная, в то время как я извивался у ее ног, словно крыса, проглотившая отравленную приманку. Вскоре ее лицо снова начало превращаться в вытянутое рыло с хоботком, который торчал, как рог на шлеме викинга, а глаза вытянулись в узкие щелочки. Чувствуя, что меня вот-вот вывернет наизнанку, я пулей вылетел из дома, и меня вырвало прямо в палисаднике. А за моей спиной раздавался сатанинский смех Арделии.

Я начал одеваться возле дома, когда вдруг услышал голос Арделии; она обращалась ко мне из окна. Видеть я ее не мог, но каждое слово доносилось отчетливо.

«Не подведи меня, Дейви. Только попробуй меня предать, и тебе конец. И легким он не будет, это я обещаю».

«Я не подведу, Арделия», – пообещал я, не оборачиваясь, чтобы не смотреть на нее.

Знал, что не смогу на нее взглянуть, даже один-единственный раз. Я совсем дошел до ручки. Но все же... какая-то часть моего естества *хотела* остаться с ней, пойти *до конца*, даже если это и означало верное помешательство. И я был почти уверен, что пойду с ней. Если, конечно, она с самого начала не замыслила меня подставить. Это было бы вполне в ее духе. Арделия способна на все.

Я пробирался через кукурузное поле в Джанкшен-Сити. Обычно прогулка эта меня отрезвляла и худшие последствия похмелья по дороге исчезали. В то утро все было иначе. Дважды я останавливался поблевать. Во второй раз меня вырвало так жестоко, что я думал, этому конца не будет. Все вокруг было забрызгано моей кровавой рвотой. Когда я снова пустился в дорогу, голова моя болела еще сильнее, а перед глазами плыли круги. Я был уверен, что умираю, но мозг мой так и долбили слова: «Можешь делать с ней все что заблагорассудится, но *напоследок* ты должен перерезать ей горло».

Я не хотел убивать Тэнси Пауэр, но другого выхода не видел. Противиться Арделии я не мог, ну а потом... всю оставшуюся жизнь готов был нести на себе проклятие. А вдруг Арделия говорила правду и я обрел бы бессмертие? Тогда я обрекал себя на вечные муки.

В те дни железнодорожную станцию окружало множество привокзальных строений: депо, склады, камера хранения. Я забился в старый, почти заброшенный пакгауз на северной стороне и уснул на пару часов. И, очнувшись, почувствовал себя лучше. Я понимал, что остановить Арделию или хотя бы помешать ей невозможно, поэтому устремился к дому Джона Пауэра – за девочкой. Ни на кого не глядя, я прошел через центр города, без конца повторяя про себя: «Я покончу одним махом, чтобы Тэнси не мучилась. Сверну шею, и она даже испугаться не успеет».

Дейв снова вынул носовой платок и дрожащей рукой вытер вспотевший лоб.

– Я дошел уже до грошовой лавчонки, где все продавалось по пять – десять центов; сейчас ее уже нет. Идти мне оставалось всего ничего, и я был уверен, что увижу Тэнси во дворе. Одну... А до леса оттуда рукой подать.

На мгновение я приостановился перед витриной грошовой лавки, и волосы у меня встали дыбом. Там горой громоздились дети! Мертвые дети с выпученными глазами и перепутавшимися и переломанными конечностями. Я невольно вскрикнул и зажал рот ладонью. В ужасе зажмурился. Затем, открыв глаза, понял, что вижу всего лишь груды старых кукол, которые миссис Сигер собиралась рассадить. Узнав меня, старая ведьма замахнулась одной из кукол – убирайся, мол, пьяный дурень! Но я не уходил: не мог оторвать взгляда от кукол. Пытался втолковать себе: это ведь самые обычные игрушки, и больше ничего; любому ясно. Но когда я, снова зажмурившись, открыл глаза, передо мной вновь громоздились мертвые дети. Миссис Сигер, сама того не подозревая, рассаживала за стеклом маленькие трупы. И тут до меня дошло: кто-то пытается передать мне послание; возможно, оно еще не опоздало. Меня вдруг как током ударило: а что, если я еще смогу помешать Арделии? Или по крайней мере сам смогу спастись, пока не поздно.

И вот тогда, Сара, я впервые за всю свою жизнь взмолился Богу. Я молил его дать мне силу. Да, разумеется, Тэнси Пауэр убивать я не хотел. Я мечтал о другом – как бы спасти всех детей.

Я повернул обратно и добрался до ближайшей бензозаправочной станции – сейчас на ее месте универмаг «Три поросенка». По дороге набрал мелких камешков и сунул их в карман. На углу заправки был телефон-автомат... по-моему, он и сейчас там стоит. Я подошел к нему и вдруг сообразил: у меня ведь ни цента при себе нет. Скорее от отчаяния сунул палец в окошечко возврата и – о чудо! – обнаружил там десятицентовик. Теперь всякий раз, когда я слышу, что кто-то не верит в Бога, я вспоминаю то утро и ту

десятицентовую монетку.

Сначала я подумал, что надо позвонить миссис Пауэр, но затем сообразил, что лучше связаться с конторой шерифа. Джону Пауэру передадут мои слова, и он обязательно примет какие-то меры; если, конечно, и впрямь подозревает Арделию в... Я плотно прикрыл дверь будки и быстро отыскал нужный номер в справочнике; тогда во многих будках еще лежали телефонные книги. Прежде чем звонить, я набил рот камешками, которые подобрал по дороге.

Трубку снял сам Джон Пауэр... Теперь мне кажется, что именно поэтому погибли Пэтси Харриген с Томом Гибсоном. Да и сам Джон Пауэр – тоже. Я был уверен, что к телефону подойдет диспетчер – тогда это была Ханна Веррил, – и я объясню ей, в чем дело. Услышав же резкий и уверенный голос помощника шерифа, я растерялся и чуть не проглотил камешки. С минуту, должно быть, не мог и слова выдать.

«Чертовы ребятишки», – проворчал Пауэр, собираясь повесить трубку.

«Постойте! – выкрикнул я. Камешки исказили мой голос до неузнаваемости, словно рот у меня был ватой набит. – Не вешайте трубку!»

«Кто это?» – спросил он.

«Не важно, – ответил я. – Если вам дорога ваша дочь, срочно увезите ее из города и *ни в коем случае* не подпускайте близко к библиотеке. Я не шучу. Ей грозит серьезная опасность».

На этом все и кончилось. Подойди к телефону Ханна, я сказал бы ей куда больше. Назвал бы имена – Тэнси, Тома, Пэтси... да и про *Арделию* рассказал бы. Но Пауэр напугал меня; мне почему-то казалось, что, не повесив я трубку, он каким-то образом увидит, что я стою у телефона и тряусь как осиновый лист.

Я выплюнул камешки на ладонь и выбежал из будки. Позвонив, я сбросил с себя заклятие Арделии – так, во всяком случае, казалось, но меня охватила самая настоящая паника. Видели когда-нибудь птичку, которая, влетев в дом, начинает судорожно метаться и колотиться в окна? Нечто подобное творилось и со мной. Я даже позабыл о детях, которым грозила смертельная опасность. Мне вдруг показалось, что Арделия меня видит, что она все время с меня глаз не спускала и теперь хочет со мной разделаться.

Меня обуревало лишь одно желание – спрятаться подальше, с глаз долой. Я быстро пошел по Мейн-стрит. Ближе к ее концу я уже сбился на бег. К тому времени все в моем мозгу смешалось – и Арделия, и Библиотечный полицейский, и темный человек – тот самый, что управлял паровым катком и сидел за рулем автомобиля, увозившего Растяпу Саймона. Я был почему-то уверен, что сейчас все трое преследуют меня в стареньком «бьюике». Добравшись до вокзала, я снова спрятался в уже знакомом пакгаузе. Забился под нижнюю полку стеллажа, весь дрожа в ожидании, что с минуты на минуту нагрянет Арделия. Я был уверен, что стоит мне только поднять глаза, и я увижу ее мерзкое рыло с хоботком.

Тогда я ползком выбрался из пакгауза и вдруг прямо посреди кучи прелой листвы у платформы увидел полбутылки вина. Когда-то я сам ее там оставил, а потом начисто позабыл. В три глотка я осушил бутылку, а потом залез под платформу и отрубился. Очнувшись, я решил было, что проспал каких-то несколько минут – освещение и тени ничуть не изменились. Лишь головная боль прошла и желудок от голода подводило.

– Неужели вы проспали целые сутки? – спросила Наоми.

– Нет – почти *две* суток! В контору шерифа я звонил около десяти утра в понедельник, а очнулся под платформой, все еще сжимая пустую бутылку, уже в среду, в восемь утра. Да и сон этот был не простой. Не забудьте – я ведь *два года* почти не просыхал от беспробудного пьянства. Добавьте сюда Арделию, детишек и этот кошмар во время детского часа. Два года я вертелся в настоящем аду. Должно быть, нашлась все-таки здравая частичка моего мозга и сумела неким образом отключить меня на какое-то время... Я был словно в коме.

Так вот, когда я проснулся, все было уже кончено. Мертвых детей еще не нашли, но все уже было позади. Я понял это, как только пришел в себя. Внутри образовалась какая-то

странная пустота; такое ощущение возникает, когда проводишь языком по десне, где только что был зуб. Но только пустота эта возникла не где-нибудь, а прямо в *моем* мозгу. И я понял, в чем дело: Арделии не стало. Дьявольское отродье сгинуло.

Выпрямившись в полный рост, я едва не лишился чувств. От голода, должно быть. И тут увидел Брайана Келли, который служил тогда на станции кладовщиком. Он обходил стоявшие рядом контейнеры и что-то помечал в блокноте. Я с трудом проковылял к нему. Когда Келли заметил меня, лицо его исказила гримаса отвращения. А ведь было время, когда мы с ним распивали на пару в таверне «Домино», которая сгорела дотла за несколько лет до вашего приезда, Сэм. Я не корил Келли – перед ним предстал грязный, вонючий, насквозь пропахший мочой и перегаром оборванец, из волос которого торчали прелые листья.

«Вали отсюда, старикан, не то я легавых позову», – пригрозил он.

Тот день я на всю жизнь запомнил. У пьяницы ведь многое случается впервые. Вот тогда я первый раз в жизни попросил милостыню. Умолял его подать мне четвертак на чашку чая с бутербродом. Келли пошарил в карманах и достал какую-то мелочь. Он даже не отдал мне монеты, а брезгливо швырнул в мою сторону. Мне пришлось ползать и собирать их посреди золы и грязи. Вряд ли он хотел тем самым унижить меня. Скорее просто не желал ко мне прикасаться. И я его не виню.

Увидев, что я собрал деньги, Келли сказал:

«А теперь, старик, проваливай! И помни: я в самом деле позову копов, если ты еще сюда заявишься».

«Не заявлюсь», – пообещал я и поспешил прочь.

Келли так и не узнал меня. К счастью.

По дороге в забегаловку я проходил мимо газетного киоска и, приостановившись, увидел свежий выпуск «Газетт». Вот когда я понял, что проспал двое суток. Число для меня ровным счетом ничего не значило – я уже давно привык без календаря обходиться, – а вот день недели поразил. Я ведь точно знал, что Арделия выпихнула меня ногой из постели в понедельник. А газета вышла в среду. В следующее мгновение я разглядел кричащие заголовки. Оказалось, что я проспал самый громкий день за всю историю Джанкшен-Сити. «ПОИСКИ ПРОПАВШИХ ДЕТЕЙ ПРОДОЛЖАЮТСЯ», гласил один заголовок. Рядом были помещены фотографии Тома Гибсона и Пэтси Харриген. Другой заголовок извещал: «ВСКРЫТИЕ ПОКАЗАЛО, ЧТО ПОМОЩНИК ШЕРИФА УМЕР ОТ СЕРДЕЧНОГО ПРИСТУПА». Внизу – фотография Джона Пауэра.

Я взял одну газету, оставил пятицентовик и, усевшись прямо на тротуар, жадно прочитал обе заметки. Первая, про детишек, была короче. Особой тревоги их исчезновение не вызвало. Шериф считал, что они просто сбежали из дома.

Да, Арделия знала, кого выбрать; эти двое и впрямь считались отъявленными сорвиголовами, которые друг друга стоили. Их постоянно видели вместе, они жили по соседству. К тому же, утверждал автор заметки, обоим родители задали нахлобучку после того, как мать Пэтси увидела, что ее дочь и Том раскуривают сигареты. В Небраске у Тома жил непутевый дядюшка-фермер, и шериф, Норм Бимен, был уверен – там-то и следует искать беглецов. Впрочем, что он еще мог подумать? Эти дети были не из тех, кто проваливается в колодец или тонет в речке. А вот я точно знал, где их следует искать. Вместе с Арделией, которой удалось-таки обвести всех вокруг пальца. Там их и нашли, ближе к вечеру. Меня мало утешало то, что я спас Тэнси Пауэр и себя.

Заметка про помощника шерифа была побольше. Его тело нашли в понедельник вечером. Вчера «Газетт» сообщила об этом, но причина смерти к тому времени была еще неизвестна. Обнаружили Пауэра за рулем собственного автомобиля примерно в миле к западу от фермы Ордэя. В том самом месте, где я обычно сходил с дороги и пересекал кукурузное поле, пробираясь к дому Арделии.

Я сразу догадался, что произошло. Джон Пауэр был не из тех, кто сидит сложа руки, и, должно быть, выехал к Арделии сразу после моего звонка. Возможно, сначала позвонил жене и велел, чтобы она пока не выпускала Тэнси из дома. В газете об этом, правда, не было ни

слова, но я не сомневался, что Пауэр поступил именно так.

Увидев его, Арделия, должно быть, смекнула, что я на нее донес, что теперь ее песенка спета. И убила Пауэра. Высосала его, наверное, тем же самым способом, что и мистера Лейвина.

Хоть помощник шерифа и крепкий был мужик, но устоять перед Арделией было не под силу даже ему. Возьмите, к примеру, клен – древесина прочная, но начнешь сок цедить, и могучее дерево до смерти истечет.

Умертвив Пауэра, Арделия сама отвезла его в полицейском автомобиле на место, где и нашли тело. Пусть даже тогда по той дороге – Гарсон-роуд – редко кто ездил, все равно этот поступок требовал незаурядного мужества. Впрочем, что ей еще оставалось делать? Позвонить в контору шерифа и известить, что, мол, беседуя с ней, Джон Пауэр только что скончался от сердечного приступа? Звонок вызвал бы массу ненужных слухов и кривотолков, а ей это было совсем ни к чему. Даже Норм Бимен и тот полюбопытствовал бы, зачем вдруг его помощнику понадобилось бросать все дела и сломя голову мчаться домой к хранильнице городской библиотеки.

Итак, Арделия подвезла тело к ферме Ордэя и, съехав в кювет, бросила там полицейскую машину. Затем возвратилась домой тем же путем, каким обычно добирался я. Через кукурузное поле.

Дейв обвел взглядом Сэма с Наоми, потом снова посмотрел на Сэма.

– Держу пари, что сразу после этого принялась разыскивать меня. Не в том смысле, что прыгнула в машину и объезжала Джанкшен-Сити, заглядывая в мои излюбленные места. Нет, это ей было ни к чему. Арделия давно приучила меня к тому, что она всегда знает, где я нахожусь. Когда я был ей нужен, то независимо от того, сидел ли я на ящике позади парикмахерской, рыбачил на ручье или валялся в стельку пьяный под деревом, она подсылала ко мне мальчугана с запиской, призывающей меня срочно явиться. Она всегда знала, где меня искать. Такой уж у нее был дар.

Но именно в этот, последний раз, когда я был нужен Арделии больше, чем когда бы то ни было, этот дар ее подвел. Я ведь, позвонив Пауэру, не просто уснул. Я отключился полностью. Впал в кому, если хотите. И тот особый внутренний взор, которым, несомненно, обладала Арделия, оказался бессилён. Не знаю, сколько раз она шарилась своим взглядом-лучом по тому месту, где я валялся, да и знать не хочу. Одно скажу наверняка: найди эта гадина меня тогда, от меня и мокрого места не осталось бы.

Впрочем, будь у нее чуть побольше времени, она бы в конце концов все равно добила своего. Меня спасло одно – время было на исходе. Арделия уже готовилась к спячке, и каждая минута была у нее на учете. К тому же она была уверена, что когда-нибудь ее время еще придет и она успеет мне отплатить. И вот сейчас, похоже, этот час пробил.

– Не понимаю, что вы хотите этим сказать, – нахмурился Сэм.

– Понимаете, – грустно произнес Дейв. – Кто взял у вас книги, из-за которых весь сыр-бор разгорелся? Кто их в утиль отправил? Я! Или вы считаете, что Арделия этого не знает?

– Думаете, она до сих пор хочет с вами по квитаться? – спросила Наоми.

– Да, но не так, как в прошлый раз. Теперь ей достаточно убить только *меня*. – Дейв с нескрываемым сочувствием посмотрел на Сэма. – Но главная ее цель – *вы*.

Сэм нервно рассмеялся.

– Не сомневаюсь, что тридцать лет назад она была настоящей секс-бомбой, – произнес он. – Теперь же Арделия вряд ли в моем вкусе.

– Вы и вправду ничего не поняли, Сэм, – с грустью промолвил Дейв. – Ее не ваши любовные утехи интересуют. Она хочет *стать* вами.

– Пойдите-ка, Дейв. Что-то я не понимаю...

– Вы просто не хотите понять, – сказал Дейв. – Или боитесь – что вполне объяснимо. Что ж, тогда я расскажу вам кое-что еще.

Расправившись с Джоном Пауэром, Арделия отвезла его подальше от своего дома, чтобы не сразу навлечь на себя подозрение. Затем в тот же день поехала в город и открыла библиотеку. В обычное время. Частично потому, что преступник всегда пытается скрыться подальше от места преступления, частично потому, что старалась держаться как всегда. Но подлинная причина состояла в том, что Арделия уже начинала меняться *и для этого должна была умертвить этих ребяташек*. Не спрашивайте почему, так как мне это неизвестно. Возможно, она, подобно медведю, набивала утробу перед спячкой. Одно знаю точно: ей было крайне необходимо, чтобы детский час состоялся *именно* в тот понедельник... И она своего добилась.

Во время этого часа, погрузив детей в транс, она сказала Тому и Пэтси, чтобы во вторник утром они пришли к ней, даже несмотря на то, что летом по вторникам и четвергам библиотека не работала. Дети пришли, и Арделия убила их, а сама погрузилась в сон... слишком похожий на смерть. Теперь же, тридцать лет спустя, появились вы, Сэм. Между прочим, вы знакомы со мной, а у Арделии со мной свои счеты... И вдобавок вам известно про Библиотечную полицию.

– Но я не знаю, откуда...

– Вы не ведаете, откуда вам это известно, что делает вас еще более привлекательной и уязвимой жертвой. К тому же вы молоды, одиноки и не имеете близких друзей. Верно?

– Да, было бы верно вплоть до сегодняшнего дня, – сказал Сэм, чуть подумав. – Мои лучшие друзья разъехались по разным городам. Но теперь, Дейв, я считаю вас и Наоми своими друзьями. Настоящими друзьями. И, безусловно, самыми близкими.

Наоми взяла Сэма за руку и пожала ее.

– Я это очень ценю, поверьте, – сказал Дейв, – но большой разницы для вас от этого нет. Ведь и со мной, и с Сарой она тоже собирается разделаться. «Чем больше, тем веселее». Людские жизни требуются ей перед каждой переменой... Думаю, что выход из спячки для Арделии такая же перемена, как и погружение в нее.

– Вы хотите сказать, что она намерена каким-то образом вселиться в Сэма? – спросила Наоми.

– Боюсь, что на самом деле это обстоит несколько иначе. Думаю, что Арделия собирается уничтожить внутренний мир Сэма – то, что и делает его Сэмом. Она намеревается вычистить его изнутри подобно тому, как дети вычищают тыкву, чтобы сделать из нее праздничный фонарик на Хэллоуин. И потом Арделия натянет эту оболочку на себя; для нее это столь же просто, как для вас – облачиться в новый костюм. Потом, когда это случится, рядом с нами окажется мужчина с внешностью Сэма Пиблса, который на самом деле будет мужчиной в той же степени, в какой Арделия Лорц была женщиной. Ведь я всегда знал, что под ее оболочкой на самом деле скрывается *нечто* – вовсе не рода человеческого.

Откуда взялась Арделия Лорц? Где она жила, прежде чем переехать в Джанкшен-Сити? Уверен, что все документы и справки, которые она предъявила мистеру Лейвину, на проверку оказались бы подделкой. Думаю, излишнее любопытство, которое проявил по отношению к ней Джон Пауэр, и предопределило его участь. С другой стороны, я так же уверен, что *где-то* существовала и настоящая Арделия Лорц – в Миссисипи, Пенсильвании или в Мэне – и это *нечто* приняло ее обличье. Теперь оно собирается это сделать снова. Если мы допустим, чтобы это случилось, то очень скоро в каком-нибудь провинциальном городке Калифорнии, Монтаны или Род-Айленда объявится мужчина по имени Сэм Пиблс.

Большинству людей этот мистер понравится. Особенно – детям... Правда, в глубине души они будут его побаиваться, но ни с кем своими страхами не поделятся. Ну и, само собой разумеется, он будет работать в библиотеке.

Глава 12

В Де-Мойн на самолете

1

Посмотрев на часы, Сэм с удивлением убедился, что уже три часа дня. До полуночи оставалось всего девять часов, а потом... в его дом вернется высоченный мужчина с серебристыми глазами. Или Арделия Лорц. А то и оба вместе.

– Как мне быть, Дейв? Может, прогуляться на кладбище, откопать Арделию и засадить ей в сердце осиноый кол?

– Славный был бы подвиг, – горько усмехнулся Дейв. – Учитывая, что ее кремировали.

– Ах вот как... – Сэм, тяжело вздохнув, откинулся на спинку стула.

– Как бы то ни было, действовать мы теперь будем сообща, – взяв его за руку, твердо сказала Наоми. – По словам Дейва, она собирается разделаться не только с вами, но и с нами, однако не это важно. Главное, что в беде друзья должны держаться вместе. Иначе какие же это друзья?

Сэм поднес ее руку к губам и поцеловал.

– Спасибо, конечно, но я просто не представляю, чем вы можете мне помочь. Или я – вам. Похоже, все мы бессильны. Если только... – Он с нескрываемой надеждой взглянул на Дейва. – А что, если я сбегу?

Дейв отрицательно покачал головой.

– Она... или оно все видит. Я же говорил вам. Пусть даже вы сейчас вскочите в машину и погоните как сумасшедший. Даже если вас не остановят полицейские и к полуночи вы доберетесь до Денвера, Арделия Лорц уже будет ждать вас там. Или же на каком-нибудь пустынном участке вы вдруг обнаружите, что рядом с вами в машине сидит Библиотечный полицейский.

При одной мысли об этом бледном лице и серебристых глазах, тускло освещаемых лишь мерцающими лампочками на приборном щитке, Сэма бросило в дрожь.

– Так как же быть? – судорожно сглотнув, выдавил он.

– Мне кажется, вы оба знаете, что нужно делать в первую очередь, – ответил Дейв и, допив чай, поставил стакан на ступеньку крыльца. – Только пораскиньте чуть-чуть мозгами и сами поймете.

Все усталились на заброшенный элеватор. Мысли Сэма лихорадочно разбегались; всплывали лишь какие-то бессвязные обрывки из рассказа Дейва и звучал зловеще шипящий голос Библиотечного полицейского: *Я и с-слышать не хочу ваши жалкие оправдания... Даю вам с-срок до полуночи. Потом... я приду снова.*

Вдруг лицо Наоми прояснилось.

– Ну конечно же! – воскликнула она. – И как же я сразу не додумалась! Но... – И задала Дейву вопрос.

– Есть в Де-Мойне одно местечко, – ответил старик. – «Пелл» называется. Если где и могут помочь, так это там. Звоните им, Сара.

2

Проводив ее взглядом, Сэм сказал:

– Даже если «Пелл» и в состоянии выручить нас, вряд ли мы успеем туда добраться. То есть попытка, конечно, не пытка...

– Я вовсе не говорил, что вы с Сарой отправитесь туда на машине. Вы полетите на самолете. Из Провербии.

– Я даже не подозревал, что в Провербии есть аэропорт, – признался изумленный Сэм.

– В строгом смысле слова это, конечно, не аэропорт. – Дейв даже улыбнулся. – Скорее

полоса утоптанной грязи длиной около полумили, которую Стэн Соумс горделиво величает взлетно-посадочной. А офис «Воздушных линий Западной Айовы» Стэн разместил в собственной гостиной. Поговорите с ним. У Стэна есть собственный самолетик «навахо». Он доставит вас в Де-Мойн и обратно. Часов в восемь-девять уже вернетесь.

– А вдруг его там не окажется?

– Тогда придумаем что-нибудь другое. Но я уверен, что вы его застанете. Если Стэн и любит что-то больше неба, так это землю. А весной фермера от своей земли палкой не отгонишь. Впрочем, он, разумеется, попытается вам отказать – занят, мол, огород не могу бросить и тому подобное... Но вы скажите, что вас прислал Дейв Данкен, который просил передать: «Пришло время расплатиться за бейсбольные мячи». Запомните?

– Да, но что это значит?

– Не важно, – ответил Дейв. – Главное, это на него подействует. А потом, когда прилетите с ним в Джанкшен-Сити, сюда уже не возвращайтесь. Езжайте напрямик в город.

Сердце Сэма учащенно забилося.

– В библиотеку?

– Именно.

– Послушайте, Дейв, я согласен со словами Наоми про друзей, но действовать я должен в одиночку. Ни вы, ни она тут ни при чем. Арделию вызвал к жизни я, мне и расплачиваться...

Дейв схватил Сэма за запястье и стиснул с неожиданной силой.

– Если вы и вправду так думаете, значит, так ничего и не поняли. Не вы вызвали к жизни Арделию. И даже не я. На моей совести загубленные души Джона Пауэра и двух детей – не говоря уж о страхе, который мои плакаты нагоняли на столько ребятшек, – но помешать ей было не в моих силах. Тем не менее Арделия вернется, чтобы отомстить мне. Если окажется, что мы с вами порознь, она сначала придет ко мне. А уже потом – к другим. Сара права, Сэм. Мы с ней не вас должны защищать, нет; мы все трое должны держаться рядом, чтобы защитить друг друга. Сара ведь теперь *тоже* знает про Арделию. Если Арделии еще это не известно, то она мигом смекнет, как только появится здесь сегодня ночью. Из Джанкшен-Сити она собирается выбраться уже под *вашей* личиной, Сэм. Неужели вы считаете, что Лорц оставит свидетелей?

– Но...

– Никаких «но», – отрезал Дейв. – Выбор у нас только один, и это понятно даже такому горькому пьянице, как я, – либо мы выступаем вместе, либо все падет от ее руки. – Он наклонился поближе к Сэму. – Если хотите спасти Сару, то забудьте о геройстве, Сэм, а попробуйте лучше вспомнить, кто был ваш Библиотечный полицейский. У вас нет иного выхода. Ведь Арделия на первого встречного не бросается. У вас был *свой* Библиотечный полицейский, Сэм. Иначе быть не может. Вы должны вспомнить.

– Я пытался, – пробормотал Сэм, в глубине души понимая, что говорит неправду.

Ведь всякий раз, как он пытался вспомнить этот голос, звук словно растворялся.

(«Пойдем с-со мной, с-сынок... я полит-сейский»)

Во рту оставался лишь приторный вкус солодки, которую Сэм никогда не пробовал, но тем не менее люто ненавидел... И все.

– Вы должны вспомнить, Сэм, – настойчиво повторил Дейв. – Иначе мы пропали.

Сэм глубоко вздохнул. Старик легонько прикоснулся указательным пальцем к его затылку и сказал:

– Это ключ к разгадке всей тайны. А возможно, и к тому, что мучило вас всю вашу жизнь, Сэм. К вашему одиночеству и печалям.

Сэм посмотрел на него с испугом. Дейв грустно улыбнулся.

– Да, – промолвил он, – вы ведь и правда одиноки и несчастны, Сэм. Внешне-то молодцом держитесь, но я вас давно раскусил. Хотя до сегодняшнего дня я был для вас только Грязнулей Дейвом, который раз в месяц заявлялся за старыми газетами, но, поверьте, глаза-то у меня на месте. Да и в людях я разбираюсь.

– Ключ ко всему, – тихонько пробормотал Сэм и невольно подумал, возможно ли, чтобы такая удобная штука существовала и в самом деле, а не только в книжках и фильмах про умных психиатров и несчастных больных.

– Именно, – твердо сказал Дейв. – Это, конечно, страшно, Сэм. И, поверьте, я ничуть не виню вас за нежелание как следует порыться в памяти. Но тем не менее это в вашей власти и, уверен, вполне вам по силам. Словом, у вас есть выбор.

– Скажите, Дейв, этому тоже учат в вашей организации?

– У нас многому учат, – улыбнулся он. – Но то, что вы имеете в виду, я уже давно знаю. В дверях появилась Наоми. Она улыбалась, глаза ее сияли.

– Прелесть, правда? – тихо произнес Дейв.

– Да, – кивнул Сэм, не в силах оторвать взгляд от прекрасного лица молодой женщины.

Он уже понял, что влюбился в Наоми по уши. И был твердо уверен, что Дейв Данкен знает это.

3

– Он так долго проверял, что я уже забеспокоилась, – сказала Наоми. – Но в итоге нам повезло.

– Замечательно, – сказал Дейв. – Тогда отправляйтесь к Соумсу. Скажите, Сара, библиотека по-прежнему закрывается в восемь вечера?

– Да, в этом я уверена.

– Что ж, тогда часам к пяти я туда подойду. А с вами встретимся за библиотекой у погрузочной платформы. Между восемь и девять вечера. Но лучше – ближе к восьми. Да и безопаснее. Только, Бога ради, не опаздывайте.

– А как мы войдем? – осведомился Сэм.

– Это уж моя забота, – сказал Дейв. – Поезжайте быстрее.

– Может, позвонить отсюда этому Соумсу? – предложил Сэм. – Узнать хоть, на месте ли он.

– Это без толку. Жена его года четыре назад бросила – к другому ушла. Говорила, что Стэн всегда думал только о своей работе, а ее не замечал – обычное оправдание для женщины, которая уже лыжи наострила. Детей нет. Он сейчас наверняка в огороде трудится. Отправляйтесь, не мешкайте.

Наоми поцеловала Дейва в щеку.

– Спасибо за то, что все рассказали.

– Я и сам рад. Теперь мне гораздо легче, словно гора с плеч свалилась.

Сэм уже собрался было пожать Дейву руку, но в последний миг передумал и тепло обнял старика за плечи.

4

Стэн Соумс оказался высоким и костлявым, с колючим взглядом, который странно контрастировал с добродушным лицом; поражал его загар – весна еще толком не началась, а лицо Стэна Соумса было уже почти коричневым. Сэм дал бы ему на вид лет шестьдесят.

Они отыскиали Соумса в огороде за домом, как и предрекал Дейв. К северу, ярдах в семидесяти от забрызганного грязью грузовичка, Сэм разглядел нечто, напоминавшее грунтовую дорогу... однако в самом ее конце торчал крохотный самолетик, накрытый брезентом, а на одиноком шесте развевался флюгер в виде ветрового конуса. Это и был местный аэродром.

– Не могу, – покачал головой Стэн Соумс. – Дел у меня невпроворот, а помочь некому. Вы бы хоть заранее позвонили.

– У нас несчастье, – сказала Наоми. – Дело не терпит отлагательства.

Стэн Соумс вздохнул и развел руками, словно показывая им необъятные масштабы

своих невосделанных угодий.

– Знаете, что такое настоящее несчастье? – спросил он. – Это отношение нашего правительства к фермерам вроде меня. Вот что такое несчастье. Слушайте, в Сидар-Рэпидс есть один малый, который может...

– Мы не успеем добраться в Сидар-Рэпидс, – начал было Сэм. – Дейв предупредил, что вы не...

– Дейв? – наострил уши Стэн Соумс. – Какой Дейв?

– Дейв Данкен. Он велел передать вам, что пришла пора расплатиться за бейсбольные мячи.

Брови Соумса взметнулись на лоб, пальцы сжались в кулаки, и на мгновение Сэму даже показалось, что фермер собирается его ударить. Однако в следующий миг он затряс головой и громко, от души расхохотался.

– Господи, и ста лет не прошло, как старина Дейв вспомнил про старый должок! Ну и дела, черт побери!

И Стэн двинулся к работавшей неподалеку поливочной машине. Затем остановился и прокричал, перекрывая голосом ее гул:

– Идите к самолету, а я пока выключу эту хреновину! Только в болото не провалитесь, не то без обуви останетесь!

Соумс завозился с машиной. Несмотря на шум, Сэму показалось, что он снова слышит, как фермер хохочет.

– А в чем дело? – любопытствовала Наоми.

– Сам не знаю – Дейв не объяснил. – Сэм предложил ей руку. – Мадам, позвольте вас препроводить.

Наоми с улыбкой взяла его под руку.

– Благодарю вас, сэр.

Они старательно обогнули болотце, на которое указал Соумс, но на самом его краю Наоми все-таки поскользнулась и по колено провалилась в мутноватую жижу. Как и предсказывал Соумс, ботиночек тут же засосало, и Сэму пришлось выуживать его. Достав облепленный грязью предмет, он тут же подхватил Наоми на руки.

– Ой, Сэм, не надо! – запищала она, громко смеясь. – Надорветесь ведь!

– Ничего подобного, – возразил Сэм. – Вы легкая как перышко.

Тяжести он и впрямь не ощущал, однако голова вскоре закружилась, и уже возле самолета Сэм опустил Наоми. Она приподняла голову и посмотрела ему в глаза. Взгляд был удивительно чист и спокоен. Не думая, Сэм поцеловал ее в губы. В следующее мгновение Наоми обвила руками его шею и поцеловала в ответ.

Когда они оторвались друг от друга, Сэм уже тяжело дышал. А Наоми улыбалась.

– Можете теперь звать меня Сара, – сказала она. – В любое время.

Сэм рассмеялся и снова прильнул к ее устам.

5

Лететь в «навахо» за спиной у Стэна Соумса было все равно что трястись по круче верхом на норовистом муле. Самолетик так болтало в воздухе, что Сэму даже подумалось, как они могут провести Арделию: пока та расставляет сети на свою добычу, останки ее жертв могут разлететься по всей Айове.

А вот Стэн Соумс, похоже, ничего не замечал. Не обращая внимания на отчаянную болтанку, грозившую вот-вот развалить его ветхий самолетик, пилот-фермер беззаботно распевал во весь голос. Наоми же, судорожно обхватив лицо руками, разглядывала проплывавшие внизу дороги, поля и домики.

Сэм ласково похлопал ее по плечу.

– Вы ведете себя так, словно никогда не летали на самолете! – крикнул он, силясь перекричать комариное жужжание двигателей.

Наоми вдруг улыбнулась, точь-в-точь как восторженная школьница.

– А я и не летала! – задорно выкрикнула она и снова устремила взгляд вниз.

– Ну надо же, – покачал головой Сэм.

В следующую секунду самолет резко дернулся, и Сэм поспешил затянуть пристежной ремень потуже.

6

В двадцать минут пятого «навахо» уже катил по взлетно-посадочной полосе окружного аэропорта Де-Мойна. Подъехав к гражданскому терминалу, Соумс заглушил двигатели и открыл дверцу. Увидев, как пожилой летчик обхватил Наоми за талию, помогая ей спуститься, Сэм с изумлением для себя ощутил жгучий укол ревности.

– Спасибо! – поблагодарила Наоми, запыхавшись; щеки ее покраснелись, глаза сияли. – Это было просто *необыкновенно!*

Соумс радостно расплылся и вмиг помолодел лет на двадцать.

– Да, я и сам удовольствие получил, – признался он. – Куда лучше, чем на тракторе целый день трястись. – Он перевел взгляд на Сэма. – Слушайте, а что у вас случилось-то? Может, помочь чем могу... как-никак я задолжал старине Дейву нечто большее, нежели разок смотаться в Де-Мойн и обратно.

– Нам нужно побывать в городе, – пояснил Сэм. – В книжном магазине «Пелл». Там для нас пару книжек отложили.

У Стэна Соумса отвалилась челюсть.

– Повторите-ка, – прохрипел он.

– В магазине «Пелл»...

– Я прекрасно знаю, что такое «Пелл», – перебил Соумс. – Впереди новые книги, сзади – всякое старье. Лучшее собрание на всем Среднем Западе, если верить рекламе. Слушайте, не хотите же вы сказать, что оторвали меня от срочных дел и прогоняли сюда из-за пары *каких-то* книжек?

– Для нас это крайне важно, мистер Соумс, – ответила Наоми. – Для меня сейчас это самое важное в жизни. Да и для Сэма...

– И для Дейва, – вставил Сэм.

– Интересно, смогу ли я понять это, если вы мне расскажете? – с недоумением спросил Соумс.

– Нет, – покачал головой Сэм.

– Вряд ли, – улыбнулась Наоми.

Соумс глубоко вздохнул, выпустив воздух через широкие ноздри, и упрятал руки в карманы.

– Что ж, будь по-вашему. Я ведь уже сто лет как Дейву задолжал, а долг платежом красен. К тому же именно со мной эта прелестная девушка совершила свой первый полет. По-моему, первый полет для такой красавицы может сравниться разве что с первой брач...

Он осекся и принялся, понурившись, тыкать носком ботинка в черное покрытие полосы. Наоми, с трудом сдерживая смех, отвернулась. Подмога пришла неожиданно; увидев проезжавший мимо заправщик, Соумс что-то выкрикнул водителю и поспешил к нему.

– Похоже, вы произвели неизгладимое впечатление на нашего доблестного пилота, – заметил Сэм.

– Ну и что? – с некоторым вызовом спросила Наоми. – Мне сейчас так хорошо. Глупо, да?

Сэм поправил прядь волос, выбившуюся у нее из-за уха.

– День какой-то безумный. За всю жизнь со мной столько не случилось.

И тут же его внутренний голос вновь напомнил о себе – выплыл из самых отдаленных глубин его сознания и поправил, что это не совсем так. Был уже день и более безумный, чем этот. День «Черной стрелы» и тошнотворного привкуса солодки во рту.

Близкий к панике, Сэм попытался заглушить этот голос.
Если хотите спасти Сару, Сэм, то забудьте о героизме, а попробуйте лучше вспомнить, кто был ваш Библиотечный полицейский.
Нет! Я не могу! Я... не хочу! Мне нельзя!
У вас нет иного выхода. Вы должны вспомнить.
Нет, мне нельзя! Мне запретили!
Вы должны вспомнить, Сэм. Иначе мы пропали.
– Я хочу домой, – пробормотал Сэм себе под нос.
– Вы что-то сказали, Сэм? – спросила Наоми.
– Нет. Просто вырвалось...
– Вы очень побледили.
К ним подошел Стэн Соумс и, показывая пальцем на водителя заправщика, сказал:
– Доусон разрешил взять его машину. Я отвезу вас в город.
– Мы можем поехать на такси... – начал было Сэм, но Наоми быстро перебила его:
– Время поджигает. Спасибо вам огромное, мистер Соумс.
– Да ладно вам, – отмахнулся тот и вдруг смущенно улыбнулся. – Можете звать меня Стэн. Поехали. Доусон говорит, что из Колорадо циклон идет. Нужно вернуться в Джанкшен-Сити, прежде чем вся эта кутерьма начнется.

7

Здание, в котором разместился «Пелл», напоминало скорее казарму, нежели современный книжный магазин. Наоми спросила, где можно найти Майка. Ее препроводили к столу обслуживания покупателей, который разместился как раз между секциями, где торговали новыми и поддержанными книгами; последняя была заметно больше.

– Меня зовут Наоми Хиггинс. Это я вам сегодня звонила.

– Да, да, конечно, – кивнул Майк.

Порывшись на одной из полок, доверху заставленной книгами, он достал два томика и протянул ей – сборник «Помощник оратора» под редакцией Кента Эдельмена и «Любимые стихи американцев». Никогда прежде Сэм Пиблс так не радовался при виде книг. Он с трудом подавил в себе желание выхватить их у Майка и прижать к груди.

– С «Любимыми стихами» все было просто, – сказал Майк, – а вот «Помощник оратора» уже давно не переиздается. Должно быть, «Пелл» – единственный магазин на всем Среднем Западе, где сохранилась эта книжка. Да еще в таком приличном состоянии... Не считая библиотек, разумеется.

– По-моему, они вообще выглядят как новенькие, – расчувствовался Сэм.

– Это подарок?

– В некотором роде.

– Давайте я их заверну понаряднее; это не займет и минуты.

– Нет, спасибо, – отказалась Наоми.

Обе книги обошлись им в двадцать два доллара пятьдесят семь центов.

– Поверить не могу, – промолвил Сэм, когда они вышли из магазина и направились к машине. – Как все, оказывается, просто...

– Не волнуйтесь, – промолвила Наоми. – *Дальше* просто не будет.

8

По дороге в аэропорт Сэм спросил пилота, не расскажет ли он им про Дейва и бейсбольные мячи.

– Если это не тайна, конечно. А то любопытство, знаете, разбирает.

Соумс покосился на пакет с книгами, который Сэм держал на коленях.

– Меня вообще-то тоже от любопытства распирает, – признался он. – Давайте

договоримся так. История с бейсбольными мячами случилась десять лет назад. Я расскажу ее, если вы обещаете, что через десять лет расскажете мне историю с книгами.

– Договорились, – поспешила согласиться Наоми, сидевшая сзади. И тут же добавила то, что вертелось на языке у Сэма: – Если, конечно, живы будем.

Соумс расхохотался.

– Точно... Как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. Верно?

– Мало ли кому кирпич на голову свалится, – вырвалось у Сэма.

– Вот именно, – сказал Соумс. – На моего единственного сынка в восьмидесятом году как раз такой кирпич и свалился. Под названием лейкоз. Или лейкемия, как врачи говорили. Только, на мой взгляд, это и был пресловутый кирпич.

– Господи, какая жалость! – всплеснула руками Наоми. – Как я вам сочувствую!

– Спасибо. Я все себя уговариваю, что уже пережил это, но время от времени тот кошмар возвращается, и мне остается только выть от боли. Наверное, у каждого в жизни есть такое, что остается с ним навсегда.

Такое, что навсегда остается с ним.

Пойдем с-со мной, с-сыночек... я полит-сейский.

Я могу теперь домой пойти, сэр... штраф ведь уплачен, да?

Сэм прикоснулся к дрожащим губам дрожащими пальцами.

– Так вот, с Дейвом мы уже сто лет знакомы, – продолжил Соумс. – Мы выросли бок о бок, в школу вдвоем ходили, да и вообще пуд соли вместе съели. Да и выпивали на пару крепко. Но вот только я потом завязал, а Дейв не сумел... – Соумс сокрушенно покачал головой. – Пьяный или трезвый, Дейв был, пожалуй, лучшим из всех, кто встречался на моем пути. Правда, со временем трезв он бывал все реже и реже, и мы постепенно отдалились друг от друга. Самые тяжкие дни наступили для него в конце пятидесятых. Тогда он вообще не просыхал. Затем стал посещать «АА», и ему чуть полегчало...

Я женился в шестьдесят восьмом. Меня так и подмывало позвать Дейва дружкой на свадьбу, но я не решился. Кстати, появился он к нам в итоге трезвый как стеклышко, но это было исключение.

– Понимаю, – кивнула Наоми, но Стэн Соумс расхохотался ей в лицо.

– Сомневаюсь, чтобы такая чистая душа, как вы, могла понять проблемы горьких пьяниц, но и на том спасибо. Впрочем, даже пригласи я его дружкой, Лаура – это моя бывшая – костями бы легла и воспрепятствовала этому. Как бы то ни было, Дейв пришел, а потом, уже когда мой сыночек Джой на свет появился, мы стали встречаться почаще. Дейв вообще всегда относился к детишкам с каким-то удивительным теплом.

Случилось так, что сынишка мой просто бредил бейсболом. Альбомы с наклейками собирал, вкладыши от жвачек... даже просил спутниковую антенну. Чтобы все матчи «Ройалз» смотреть. Он по-настоящему болел за «Ройалз». Уже в восемь лет не только всех игроков наперечет знал, но и их личные достижения, как, впрочем, и игровые показатели едва ли не любого питчера в Американской лиге. Мы с Дейвом несколько раз водили его на игру. Для моего ребятенка это было все равно что по райским кушам прогуляться. Еще пару раз Дейв его сам захватывал – пока я вкалывал. Помню, однажды Лаура мне всю плешь проела, что Дейв напьется как свинья, а ребенка бросит. Но ничего подобного ни разу не случилось. Насколько мне известно, находясь с мальчиком, Дейв за все время ни разу капли в рот не взял.

Мой Джой заболел, но самым страшным для него было то, что он до самого лета на бейсбол ходить не будет, а то и вообще никогда. Это угнетало ребенка куда больше, чем сама болезнь. Когда Дейв пришел его навестить, Джой с плачем в этом признался. Дейв его обнял, как сейчас помню, прижал к груди и сказал: «Ничего страшного, Джой. Раз ты не можешь пойти на матчи, я тебе сам сюда «Ройалз» доставлю».

Джой страшно удивился и спросил: «Как, дядя Дейв, – прямо живьем?» Он всегда называл его «дядя Дейв».

«Живьем, наверное, не смогу, – ответил Дейв. – Но особой разницы ты не

почувствуешь».

Подкатив к воротам гражданского терминала, Соумс требовательно погудел, и ворота распахнулись. Он проехал прямо к «навах» и, заглушив двигатель, некоторое время молча сидел, потупившись.

– Я всегда знал, что Дейв необыкновенная личность, – промолвил он наконец. – Но до сих пор не могу понять, как ему удалось сотворить такое и так быстро. Знаю только наверняка, что он несколько ночей не спал, ведь за каких-то десять дней управился...

Дейв знал, что мешкать нельзя. Врачи уже сказали: Джою считанные дни жить осталось. У моего малыша шансов не было изначально. Слишком уж поздно поняли, что с ним что-то не то. А эта зараза, она ведь как пожар... Словом, через десять дней Дейв пришел к Джою в больницу с двумя бумажными пакетами.

«Ой, дядя Дейв, что там у вас?» – спросил мой малыш.

Настроение у него было плохое: уже вылезали волосы, а в те дни дети все поголовно носили длинные прически, иначе сверстники их за людей не считали. Так вот, только он увидел дядю Дейва, как щеки сразу зарумянились и глазенки разгорелись.

«Как что? «Ройалз», разумеется, – невозмутимо ответил Дейв. – Разве я тебе не обещал?» – И высыпал содержимое обоих пакетов прямо на постель.

Господи, я за всю жизнь не видел у своего малыша такой счастливой мордашки! Она засияла, как рождественская елка... и... ох, дьявольщина...

Голос Стэна Соумса с каждой секундой становился все более хриплым. Подавшись вперед, фермер-пилот навалился на рулевое колесо «бьюика» с такой силой, что взревел сигнал. Соумс вынул из заднего брючного кармана клетчатый носовой платок, вытер глаза, а затем с шумом высморкался.

Наоми перегнулась через верх спинки сиденья и прикоснулась к его щеке.

– Мистер Соумс, если вам так тяжело...

– Нет. – Сэм заметил, как по его обветренной щеке скатилась крохотная слезинка; словно капелька росы на утреннем солнце. – Просто воспоминания нахлынули. Какой он был, мой мальчуган! Это больно, мисс, но вместе с тем и радостно. Ведь счастье и боль всегда рядышком.

– Я вас понимаю, – тихонько шепнула Наоми.

– Так вот, когда Дейв перевернул свои пакеты, из них выкатились бейсбольные мячи – их было штук тридцать. Не обычные мячи – на каждом из них было нарисовано лицо игрока бейсбольной команды «Канзас-Сити ройалз» из состава тысяча девятьсот восьмидесятого года. И не просто нарисовано. Это были самые настоящие портреты. Мне не раз приходилось видеть работы Дейва – до того, как он начал пить, – но ни одна не могла сравниться с этими. Все они были как живые – Вилли Айкенс и Фрэнк Уайт, Ю. Л. Вашингтон и Джордж Бретт... Вилли Уилсон и Эймос Отис... Дэн Квезенберри со свирепым взглядом, как наемный убийца из старого вестерна... Пол Сплиторф и Кен Бретт... Всех я сейчас и не вспомню, но Дейв изобразил всю команду, включая тренера, Джима Фрея.

Не знаю, как Дейву это удалось, но он ухитрился смотаться в Канзас-Сити и заполучить у всех игроков автографы – каждый расписался на своем мяче. Кроме Даррела Портера, кэтчера. Он слег с гриппом, но поклялся, что подпишет свой мяч, как только очухается. И подписал.

– Ну и дела, – только и выдавил Сэм.

– Да, и это чудо сотворил Дейв, над которым наши жители посмеивались и которого звали Грязнуля Дейв. Знаете, порой, когда я это слышу, у меня поневоле кулаки сжимаются. Я за Дейва готов кому угодно глотку перегрызть! Как только вспомню, что он сделал для моего сынишки...

Сэм со стыдом подумал, что еще вчера называл Дейва не иначе, как Грязнулей. И посмеивался с Крейгом Джонсом и Фрэнком Стивенсом, глядя, как старик толкает перед собой тележку со старыми газетами. Сэм почувствовал, что щеки его заливают краской.

– Да, это был необычайный поступок. – Наоми снова погладила Стэна Соумса по щеке,

и Сэм заметил, что она плачет.

– Видели бы вы лицо моего сынишки! – мечтательно произнес Соумс. – Как он сидел в кровати и разглядывал своих любимцев в бейсбольных шапочках. Описать я это не смогу, но и не забуду до своего последнего вздоха. Да, видели бы вы его мордашку...

Вскоре Джою стало совсем плохо, но он все равно смотрел по телевизору все игры «Ройалз». И с мячиками своими не расставался ни на минуту. Его кровать стояла у окна, и на подоконнике он устроил нечто вроде музея. Выстраивал в ряд девять мячиков с изображениями игроков, которые участвовали в матче. Стоило Фрею произвести замену питчера, Джой тут же убирал один мячик и ставил на его место другой. И всегда сжимал в кулачке мяч с портретом игрока, который стоял с битой, готовый отбить подачу. Так что...

Стэн Соумс осекся и снова спрятал лицо в носовой платок. Сэм видел, как судорожно вздымаются его плечи. Наконец Соумс успокоился.

– Теперь вы знаете, почему я согласился доставить вас в Де-Мойн. Как согласился бы забросить в Нью-Йорк или хоть на край света, если бы только Дейв заикнулся об этом. Таких людей, как Дейв, в нашем мире больше днем с огнем не сыскать. Старина Дейв ведь слеплен из особого теста...

– И вы тоже, – произнес Сэм.

Соумс улыбнулся – невесело, криво, – открыл дверцу «бьюика» и сказал:

– Спасибо вам. Только теперь надо поспешить, чтобы с циклоном не столкнуться. Не забудьте свои книжки, мисс Хиггинс.

– Не забуду, – пообещала Наоми, бережно прижимая к груди пакет. – Ни за что.

Глава 13 Библиотечный полицейский (II)

1

Через двадцать минут после взлета Наоми оторвалась от иллюминатора – она не переставала удивляться крохотным машинкам, которые медленно ползли по тонюсенькой ленточке автострады, – и посмотрела на Сэма. Увиденное испугало ее не на шутку.

Сэм уснул, привалившись щекой к панели, но умиротворения в его лице не было; скорее он походил на человека, страдающего от мучительной боли. Из-под плотно смеженных век медленно просачивались слезинки. Наоми хотела растолкать его, как вдруг услышала дрожащий детский голос. Она ушам своим не поверила – так Сэм разговаривал во сне.

– *Я в беде, сэр?* – пропищал он.

Тем временем «навах» очутился среди грозowych туч, и поднялась болтанка. Однако Наоми ничего не замечала. Она уже прикоснулась было к плечу Сэма, но в самый последний миг отдернула руку.

Кто был ВАШ Библиотечный полицейский, Сэм?

Это чудовище опять его мучает, подумала Наоми. Вы уж извините, Сэм, но я не могу вас разбудить. Не сейчас. Мне кажется, вам уж лучше это перетерпеть. Простите меня, но досмотрите этот сон до конца. Только постарайтесь вспомнить его, когда проснетесь.

Вспомните.

2

На глазах у Сэма Пиблса Красная Шапочка вышла из пряничной избушки и заторопилась к своей бабушке; но вместо бабушки ее поджидал там злой Серый Волк. Содрав с девочки скальп, он собирался полакомиться ее мозгами, которые выскребал из черепа длинной деревянной ложкой.

Да только что-то во сне не стыковалось; Красная Шапочка вдруг превратилась в мальчика, а пряничная избушка стала двухэтажным домом, в котором маленький Сэм жил с матерью после смерти отца. И еще – вместо пирожков в корзинке лежала «Черная стрела» Роберта Льюиса Стивенсона. Сэм прекрасно помнил, что прочитал ее, и очень внимательно. Вдруг он осознал: вовсе не к бабушке торопится, а в Сент-Луисскую библиотеку, причем спешка вызвана тем, что срок сдачи книги истек четыре дня назад.

Сэм как бы наблюдал за всем происходящим со стороны.

Вот Сэм – Красная Шапочка остановился на перекрестке, дожидаясь зеленого света. Вот он идет по Джонстаун-авеню с книгой под мышкой (уже без корзинки). Вот заходит в бакалейную лавчонку и покупает ириски «Солодка». Расплачивается долларовой бумажкой, а продавец отсчитывает девяносто пять центов сдачи. Этого более чем достаточно, чтобы заплатить штраф. И вот он снова идет, жует ириску и приближается к библиотеке.

Сэм попытался криком предупредить мальчика.

Осторожнее, мальчуган! Там волк! Не ходи туда! Тебя ждет волк!

Но мальчик продолжает идти, пожевывая свою конфетку. Вот он вышагивает по Бриггс-авеню, а библиотека – мрачная коробка из красного кирпича – высится уже совсем близко.

И тут Сэм – Красная Шапочка попытался вырваться из цепких объятий Морфея. Словно почувствовал близость Наоми и реального мира. Он даже слышал мерный рокот двигателей «навахо», который тут же смешивался с гулом машин на Бриггс-авеню, звяканьем велосипедных звончков и чириканьем пташек в пышных кронах зеленых вязов. Крепко зажмурившись, Сэм пытался оттолкнуть от себя эти видения и вернуться в реальность; он знал, что способен пробиться сквозь скорлупу иллюзий и вырваться на волю. И вдруг...

Нет, – сказал Дейв. – Не делайте этого, Сэм. Стисните зубы и потерпите. Если хотите спасти Сару от Арделии, досмотрите сон до конца. Вы должны вспомнить своего Библиотечного полицейского. Узнать, кто это был.

Но я не хочу! Хватит с меня. Я не могу это вспоминать! Я и так уже настрадался.

Все ваши прошлые страдания, Сэм, – ничто по сравнению с тем, что ждет вас впереди. Поверьте мне.

Сэм открыл глаза, но продолжал смотреть на происходящее во сне не обычным, а внутренним взором.

Вот Сэм – Красная Шапочка уже приближается к ступенькам лестницы, ведущей в восточное крыло библиотеки; в то крыло, где размещалась детская библиотека. Движения его какие-то плавные, почти замедленные; каждый шаг напоминает покачивание маятника в стеклянной коробке старинных дедушкиных часов. Он видит крохотные искорки – вкрапления слюды в бетонных ступеньках, густые заросли кустов, которыми засажена дорожка, увитые плющом кирпичные стены; непонятный, чем-то пугающий латинский девиз *Fuimus, non sumus*¹⁰, высеченный полукругом над застекленными дверями с решеткой.

А вот и Библиотечный полицейский. Стоит прямо на лестнице и загораживает путь.

Только он совсем не бледный, а, наоборот, покрасневшийся. И не высокий, а среднего роста, но зато с широченными плечами. И одет не в полушинель, а в самое обычное пальто. Правда, это очень странно, ведь в Сент-Луисе лето стоит, да и день знойный выдался. А вот глаз его не видно, потому что на носу у Библиотечного полицейского темные очки с круглыми стеклами – такие носят слепые.

Это не Библиотечный полицейский! Это волк! Берегись его! Это волк! Библиотечный ВОЛК!

Но Сэм – Красная Шапочка не слышит. Он ничего не боится. Ведь день в самом разгаре, а вокруг столько людей – странных и порой даже загадочных. К тому же Сэм всю жизнь

¹⁰ Мы были – нас нет (лат.) – обычная надмогильная надпись на римских кладбищах.

прожил в Сент-Луисе – чего ему бояться?

Он приближается к незнакомцу в темных очках и вдруг замечает на его лице шрам: тоненькую белесую ниточку, протянувшуюся через всю левую щеку и исчезающую за переносицей.

Здравствуй, с-сынок, говорит незнакомец.

Здравствуйте, отвечает Сэм – Красная Шапочка.

Рас-скажи мне немного про эту книжку, прежде чем внутрь зайдес-шь, просит таинственный незнакомец, как-то необычно шепелявя, словно змея шипит. *Я ведь здес-сь работаю.*

Это «Черная стрела», вежливо отвечает Сэм – Красная Шапочка, а написал ее мистер Роберт Льюис Стивенсон. Он уже умер. От тубер-клу-роза. Книжка мне очень понравилась. В ней такие драки!

Мальчик ждет, чтобы мужчина в темных очках отошел в сторону и дал ему пройти, но тот стоит на месте. Только наклоняется, чтобы рассмотреть Сэма – Красную Шапочку получше.

Ой, дедушка, какие у тебя маленькие черные глаза!

Ес-тче один вопрос, шипит незнакомец. *Твоя книга не прос-срот-чена?*

Сердце Сэма – Красной Шапочки холодеет от страха.

Да... но только совсем чуть-чуть. Всего на четыре дня. Книжка такая большая, а мне на продленке оставаться приходилось...

Пойдем с-со мной, с-сынок... я полит-сейский.

Человек в пальто и в темных очках протягивает руку. Сэма так и подмывает удариться в бегство. Но ведь он еще ребенок, а перед ним взрослый. К тому же – сотрудник библиотеки. Незнакомый и в пугающих темных очках, олицетворяющий власть. А от власти не убегают; она всемогуща.

Сэм робко приближается к Библиотечному полицейскому. Протягивает руку – ту самую, в которой держит уже почти пустой пакетик солодковых ирисок, – а затем, в самый последний миг, пытается ее отдернуть. Но – поздно. Библиотечный полицейский хватает ее, а пакетик с ирисками падает на ступеньки.

С той поры Сэм – Красная Шапочка и не выносит вкуса солодки.

Человек в темных очках резко притягивает Сэма к себе, сжимая его руку. Хватка у него стальная, словно тиски. Сэму больно. Он начинает плакать. Весело светит солнышко, зеленеет травка, но мир вдруг становится чужим и отдаленным, словно коварный мираж, только что казавшийся явью.

Я в беде, сэр? – с замиранием сердца спрашивает Сэм.

Да, отвечает Библиотечный полицейский. *Еще в какой. С-слушай меня, с-сынок, ес-сли хочешь цел ос-статья. Понял?*

Сэм молчит. Язык отнялся. Никогда в жизни он не был так напуган; в немом ужасе таращится на мужчину в темных очках и потихоньку плачет. А тот встряхивает мальчика за плечи.

Так понял ты или нет?

Д-да! – лепечет Сэм, и его вдруг пронзает острое желание опорожнить мочевой пузырь.

Я с-скажу тебе, кто я такой , продолжает мужчина. *Я полит-сейский из библиотеки на Бриггс-авеню, и я вс-егда наказываю мальчишек и девчонок, которые забывают вернуть вовремя книжки.*

Маленький Сэм – Красная Шапочка уже плачет навзрыд.

У меня деньги есть, вспоминает он. Я вам все отдам. Девяносто пять центов.

И лезет за мелочью в карман. В эту минуту Библиотечный полицейский оглядывается, и его широкое лицо вдруг заостряется, словно у волка или лисы, забравшейся в курятник, но внезапно учуявшей опасность.

Пойдем, зовет он и тащит маленького Сэма – Красную Шапочку в густые кусты. *Ты*

должен с-слушаться полит-сейского!

В кустах сумрачно и страшно. В воздухе пряно пахнет можжевельновыми ягодами. Сэм громко рыдает, захлебываясь от слез.

Замолчи! – рычит Библиотечный полицейский и резко встряхивает мальчика за шиворот.

Сэм вскрикивает от боли. Его голова беспомощно болтается на тоненькой шее. Они выходят на какую-то прогалину, где можжевельниковые кусты вытоптаны, а папоротники вырваны с корнем. Сэм понимает: Библиотечному полицейскому не просто знакомо это место; он его сам обустроил.

Замолчи – иначе одним штрафом не обойдешься-ся! Я позвоню твоей маме и с-скажу, какой ты гадкий мальчишка! Ты этого хочешь?

Нет! – вопит Сэм. *Я уплачу штраф! Я заплачу, мистер! Только не бейте меня!*

Библиотечный полицейский разворачивает Сэма – Красную Шапочку спиной к себе.

Руки на с-стену! Нагнись-сь! Рас-стопырь ноги! Пошевеливайс-ся! Быс-стро!

Не переставая всхлипывать и боясь, что мать узнает о его плохом поведении, Сэм – Красная Шапочка покорно выполняет приказания Библиотечного полицейского. Красные кирпичи такие холодные на ощупь: тенистые заросли можжевельника никогда не позволяют солнечным лучам согреть их. Перед его глазами открылось маленькое оконце на уровне ног. Сэм видит, что внизу находится котельная. Над гигантским бойлером висят лампочки с жестяными абажурчиками, напоминающими по форме шапочки китайских кули; тени от труб складываются в причудливые осьминожки щупальца. У дальней стены котельной, спиной к оконцу, техник-смотритель разглядывает приборную панель и делает пометки в журнале.

Библиотечный полицейский рывком стягивает с Сэма штаны. Вместе с ними соскальзывают и трусы. Мальчик вздрагивает – воздух непривычно холодит оголившуюся попку.

С-спокойно, шипит Библиотечный полицейский. *Не двигайс-ся. Заплатишь штраф, с-сынок, и я тебя отпущу... никто даже не узнает.*

Что-то горячее и твердое толкает Сэма – Красную Шапочку в попку. Мальчик снова вздрагивает.

С-спокойно, повторяет Библиотечный полицейский. Дышит он уже тяжело, со свистом.

Сэм же стоит, не смеядохнуть, он вне себя от ужаса и стыда. Его затащили в кусты, подвергают какому-то нелепому и непонятному наказанию; и все из-за того, что он вовремя не вернул «Черную стрелу»?! Господи, да знай он наперед, *что* за штраф здесь взимают...

Твердая штукавина раздвигает его ягодички, и вдруг нутро Сэма – Красной Шапочки пронзает жгучая, невыносимая боль. Никогда в жизни он не испытывал ничего подобного. Сэм роняет «Черную стрелу» и закусывает зубами собственное запястье, чтобы не кричать от боли.

С-спокойно, снова шипит Библиотечный волк. Он уже держит Сэма за плечи и раскачивается взад-вперед, внутрь и наружу, взад-вперед, внутрь и наружу. *С-спокойно... С-спокой-ноoooo! О-оо...*

Судорожно дыша и рыча, Библиотечный полицейский загоняет в попку Сэма здоровенный железный штырь; Сэм смотрит безумными глазами в котельную – она находится совсем в *другом* мире, в другой Вселенной, где не случается такое. Он видит, как техник заканчивает вносить записи и направляется к двери. Достаточно ему только повернуть голову, и он увидит в оконце смертельно бледное и измученное лицо страдающего мальчугана с красными от недожеванных ирисок губами. Сэм мечтает о том, чтобы техник увидел его и поспешил на выручку, подобно тому как охотник спас Красную Шапочку, но в глубине души понимает – не бывать этому. Ведь, увидев очередного плохого мальчишку, которого наказывают за несданную в срок книгу, техник-смотритель просто отвернется с возмущением.

С-спокой-нооооо! – полушипит-полувизжит Библиотечный волк, а зритель выходит, так и не обернувшись. Волк загоняет железную палку еще глубже, и на мгновение боль становится такой... что Сэму – Красной Шапочке кажется: все, сейчас его животик разорвется, а железная штуковина проткнет его насквозь и вылезет из пупка.

Библиотечный полицейский наваливается на него, тяжело дыша, у Сэма под его тяжестью подгибаются ноги, и он оседает на колени. При этом железный штырь – нет, он уже не железный – выскальзывает из него, но Сэм чувствует: вся попка промокла. Он боится пощупать ее руками. Боится, что стал уже Сэмом – Кровавой Шапочкой.

Библиотечный полицейский внезапно хватает Сэма за руку и рывком поворачивает лицом к себе. Его физиономия побагровела, на щеках и на лбу выступили пятна.

Ты только пос-смотри на с-себя! – шипит он, перекосившись от презрения и гадливости. *Тебе не с-стыдно с-стоять передо мной со с-спущенными портками? Или тебе понравилось-сь? Признавайс-ся – понравилось-сь, да? Понравилось-сь!*

Сэм молчит. Он только плакать может. Подтягивает кверху трусы вместе со штанами. Попавшая в них трава колет попку. Он пятится от Библиотечного полицейского, пока не упирается спиной в кирпичную стену Библиотеки. Плющ впивается ему в спину, словно костлявые старушечьи пальцы. Но он и этого не замечает. Им владеют лишь стыд, ужас да еще новое, неведомое прежде ощущение своей полной никчемности. Но главное – стыд. Сэм просто не знает, куда от него деваться.

Ис-спорченный мальчишка! – презрительно фыркает Библиотечный полицейский. *Гадкий, дрянной, паршивый мальчишка!*

Я могу теперь домой пойти, сэр... – Голос Сэма срывается из-за сдерживаемых рыданий. *Штраф ведь уплачен, да?*

Нет, отвечает Библиотечный полицейский. Но я тебя отпус-скаю, так и быть. Ес-сли же ты хоть кому-нибудь об этом проболтаеешь-ся – хоть одной живой душе, – я приду к тебе с-снова. И вызычу штраф с-сполна. Ты понял, с-сынок? И не вздумай больше здес-сь околачиваться-ся! Ес-сли хоть раз попадешь-ся мне на глаза – тебе конец! Ты понял, с-сынок?

Да, отвечает Сэм.

Он прекрасно понимает: стоит ему рассказать о случившемся, и Библиотечный полицейский тут же вернется и снова накажет. По ночам он будет прятаться рядом в стенном шкафу или под кроватью; затаится высоко в ветвях, как гигантская черная ворона. Взглянув на небо, Сэм непременно различит зловещие очертания Библиотечного полицейского, его ухмыляющуюся физиономию со шрамом среди туч. Он будет где угодно; он будет *езде*.

От этой мысли Сэму делается совсем плохо, и он зажмуривается. Библиотечный полицейский снова хватается за шиворот и резко встряхивает.

Что – да? – шипит он. *Что – да?*

Да, я все понял, отвечает Сэм, не открывая глаз.

Библиотечный полицейский отпускает его.

Вот и хорошо. Надеюс-сь, ты не забудешь. Когда плохие дети забывают, я их убиваю.

Сэм – Красная Шапочка еще долго сидит с закрытыми глазами, привалившись к кирпичной стене. Ему хочется плакать, но слезы иссякли. На долгие годы, если не навсегда. Наконец он открывает глаза и видит, что рядом никого нет; Библиотечный полицейский его оставил. Возле ног Сэма валяется только раскрывшаяся при падении «Черная стрела».

Сэм ползет на корточках через кусты к свету. Листья щекоют его вспотевшую, замурзанную мордашку, ветви царапают спину и больно хлещут истерзанную попку. Он прихватил «Черную стрелу», но в библиотеку ее не понесет. Он вообще никогда больше не переступит порог библиотеки. Любой – такой уж Сэм дал себе зарок. Он поклялся себе кое в чем еще: никогда никому не скажет про этого ужасного человека и постарается навсегда забыть о случившемся кошмаре.

Сэму кажется, что ему по силам сдержать клятву. Нужно только очень постараться. И он постарается.

Достигнув просвета в кустах, Сэм оглядывается по сторонам, словно затравленный звереныш. Смотрит, как на лужайке играют дети. Весело и беззаботно. Библиотечного полицейского поблизости не видно, но это не имеет значения: Библиотечный полицейский все равно следит за ним, незримо и неслышно. *Отныне и впредь Библиотечный полицейский всегда будет рядом с ним.*

Наконец дети разошлись. Маленький истерзанный мальчик выползает из кустов; рубашка выбилась наружу, в волосах застряли листья, на лице запеклись грязные разводы. Глаза широко раскрыты, в них навсегда застыл страх. Мальчуган карабкается по ступенькам лестницы, бросает испуганный взгляд на непонятные латинские слова, осторожно кладет книгу перед дверью библиотеки и – бросается наутек.

Он мчится не чуя под собой ног и не разбирая дороги, но это бесполезно – как бы быстро мальчик ни мчался, ему никогда не убежать от сладковато-приторного вкуса солодки на губах. Никогда не удрать от Библиотечного волка, который всегда бежит рядом с ним, невидимый, и нашептывает: *Пойдем с-со мной, с-сынок... я полит-сейский.* Этот зловещий шипящий голос теперь навсегда останется с Сэмом и будет шипеть в темноте и по ночам, а Сэму отныне навсегда суждено в панике бежать от него, крича: «Но ведь я уплатил штраф! Я же расплатился!» И слышать в ответ неумолимое: *Ты никогда не рас-сплатишься, с-сынок! Никогда!*

Никогда!

Нико...

Глава 14 Библиотека (III)

1

Последние минуты перед посадкой на утопанной полосе грязи, которую Стэн окрестил аэропортом Провербии, были весьма непростые. «Навахо» попал в зону вихревых потоков и жестко приземлился, прыгая, как кузнечик. От удара Сэм подскочил и испустил истошный вопль. Глаза его раскрылись.

Наоми уже давно терпеливо дожидалась, когда он проснется. Не обращая внимания на пристегнутый ремень, врезавшийся в талию, она перегнулась и обняла Сэма. А тот, еще не пришедший в себя, отшатнулся в испуге, но уже в следующую секунду узнал Наоми.

– Все в порядке, Сэм, это я. Вы уже вернулись, вы здесь со мной.

Сэм недоуменно заморгал и с тяжелым вздохом откинулся на спинку кресла.

– Господи, Наоми, – прохрипел он, – если бы вы знали, *какой* это был кошмар!

Стэн связался с кем-то по радио, и на посадочной полосе их уже встречали. Еще минута, и «навахо» плавно покатился на буксире. Все-таки им не удалось удрать от надвигавшегося циклона, и дождь уже барабанил по корпусу самолета. А в пилотской кабине Стэн Соумс громовым голосом распевал разудалую ковбойскую песню.

– Это был *настоящий* кошмар? – спросила Наоми, отодвигаясь от Сэма и разглядывая его налившиеся кровью глаза.

– Да. Но случился со мной наяву. В далеком детстве.

– Это был Библиотечный полицейский, Сэм? *Ваш* Библиотечный полицейский?

– Да, – прошептал он и зарылся лицом в ее волосы.

– Вы его узнали, Сэм? Теперь вы поняли, кто он?

После долгого, бесконечно долгого молчания Сэм наконец ответил:

– Да.

Стэн Соумс встретил их уже внизу. Увидев измученного Сэма, тут же напустил на себя покаянный вид.

– Вы уж извините, что нам так тяжело пришлось. Я был почти уверен, что мы обгоним этот дождь. Если бы не встречный ветер...

– Ничего, все обойдется, – заверил его Сэм; он и вправду казался уже поборнее.

– Да, – кивнула Наоми, – все будет в порядке. Спасибо вам, Стэн. Огромное спасибо. Дейв тоже будет страшно благодарен вам.

– Ну, коль скоро вы получили то, что хотели, это для меня главное.

– О да, – кивнул Сэм. – Не знаю просто, что бы мы без вас делали.

– Только давайте я провожу вас, – сказал Стэн. – Придется обойти вокруг, иначе трясина засосет вас с головой. Не то что сегодня днем. А еще лучше – давайте ко мне заскочим. Кофейку попьем. Да и кусок яблочного пирога еще, по-моему, остался.

Сэм посмотрел на часы. Четверть восьмого.

– Нет, Стэн. Как-нибудь в другой раз. Мы с Наоми должны срочно доставить эти книги в город.

– Но хоть одежду подсушить зайдите. Пока до машины доберетесь, до нитки вымокнете.

Наоми покачала головой:

– Спасибо, Стэн, но мы и правда очень спешим. Для нас это необычайно важно.

– Похоже на то, судя по вашему виду, – согласился Стэн. – Только не забудьте: вы обещали мне все рассказать.

– Непременно расскажем, – кивнул Сэм и, взглянув на Наоми, увидел в ее глазах отражение собственных мыслей: *Если останемся в живых, конечно.*

3

Сэм гнал автомобиль по мокрой дороге, с трудом подавляя в себе желание выжать педаль акселератора до отказа. Он тревожился за Дейва. Но прекрасно понимал, что, загнав машину в кювет, помочь Дейву уже не сумеет. Дождь, в который они прилетели, превратился в настоящий ливень, с небес низвергались потоки воды. «Дворники» не справлялись, да и видимость не превышала двадцати футов. Сэм нервно посмотрел на часы, затем перевел взгляд на Наоми, державшую на коленях пакет с книгами.

– Надеюсь, что к восьми доберемся, – промолвил он. – Хотя обещать не могу.

– Постарайтесь, Сэм.

Впереди замаячили огни фар, тусклые и размытые, словно подводные фонарики. Сэм сбавил скорость и дождался, пока мимо не прогремел тяжеленный грузовик – махина, едва различимая за толщей дождя.

– Вы не хотите рассказать мне про свой сон, Сэм? Если можете, конечно.

– Могу, но не хочу, – ответил Сэм. – Не сейчас по крайней мере. Еще не время.

– Хорошо.

– Одно могу сказать – Дейв был прав, говоря, что Арделия черпала свои силы из чужого страха. Питалась им. И самый питательный для нее страх – детский.

Они уже проезжали окраину Джанкшен-Сити. Еще один квартал, и позади остался первый перекресток со светофором. Через заливаемое дождем ветровое стекло зеленый сигнал казался блеклым и размытым пятном, матово отражавшимся в лужах.

– Мне только нужно будет разок остановиться, – предупредил Сэм. – «Три поросенка» нам, кажется, по дороге?

– Да, но если мы собираемся успеть на встречу с Дейвом до восьми, времени остается в обрез. В такую погоду не разгонишься.

– Верно, конечно, но я буквально на минутку заскочу.

– А что вам там нужно?

– Точно еще не уверен, но я это узнаю, когда осмотрюсь там.

Наоми внимательно взглянула на него, и Сэм снова поймал себя на том, что любит ее хрупкой и чистой красотой; он недоумевал, почему не разглядел этого прежде.

Но ведь ты волочился за ней, не так ли? Значит, ЧТО-ТО разглядел!

В действительности же все обстояло совсем не так. Да, Сэм пытался приударить за Наоми, но лишь потому, что она была миленькая, аккуратная, одинокая и примерно одного с ним возраста. И потом, холостякам из разросшихся провинциальных городков было положено ухаживать за женщинами... если, конечно, холостяки эти хотели занять подобающее положение в местном деловом мире. Тех же, кто с женщинами не встречался, некоторые люди... могли счесть...

(полит-сейским)

...немного странным.

Я и был немного странным, подумал Сэм. Даже не немного. Впрочем, с тех пор я изменился. Теперь по крайней мере. И я разглядел ее. Да, да, я понял, что она для меня значит.

Наоми не могла оторвать взгляда от его мертвенно-бледного лица, от невиданной прежде решимости во взоре и жесткой линии губ. Сэм изменился, но... напуганным больше не казался. Наоми даже подумала: «Он похож на человека, которому разрешили проникнуть в собственный кошмарный сон с мощным оружием в руках». И еще Наоми показалось, что в такого человека можно влюбиться. От этой мысли ей даже стало не по себе.

Пять минут спустя Сэм притормозил у стоянки автомобилей перед детским универсамом «Три поросенка». И не мешкая выскочил под дождь. За несколько ярдов от дверей он остановился. На углу между бензозаправкой и стоянкой автомобилей стоял телефон-автомат – несомненно, тот самый, из которого Дейв много лет назад позвонил в контору шерифа Джанкшен-Сити. Звонок из этого автомата не уничтожил Арделию, но, конечно же, способствовал тому, что она не появлялась здесь столь длительное время.

Сэм забежал в будку. Тут же вспыхнул свет. Внутри ничего примечательного не было, если не считать исписанных телефонными номерами и изрисованных стен. Телефонного справочника не было, и Сэм вспомнил слова Дейва про то, что «в те времена во многих будках еще лежали телефонные книги».

Затем посмотрел на пол и увидел именно то, что хотел найти. Фантик от конфетки. Подобрал его и прочитал: «Ириски «Солодка». Наоми, уже теряя терпение, нажала на клаксон. Сэм выскочил из будки, помахал Наоми фантиком и помчался в магазин.

4

Заспанный, совсем еще юный продавец уставился на Сэма с нескрываемым недоумением – время было довольно позднее, дождь лил как из ведра, и, кроме Сэма, в универсаме не было ни единого покупателя. Недоумение продавца переросло в изумление, когда на его глазах Сэм разом сгреб с полки все упаковки ирисок «Солодка» – их было около двадцати.

– Вы уверены, что вам этого хватит, папаша? – насмешливо осведомился он, когда Сэм со своей добычей приблизился к прилавку. – У нас на складе еще пара коробок этого добра припасена. Жевать так жевать.

– Нет, мне достаточно и этих, – ответил Сэм. – Пробейте, пожалуйста. Я спешу.

– Все нынче спешат, – философски изрек продавец. – И зачем, главное? Все ведь там будем... – И принялся нажимать кнопки кассового аппарата с мечтательной неспешностью постоянно одурманенного наркомана.

Заметив на прилавке круглую резинку, Сэм задумчиво взял ее, повертел и спросил:

– Можно взять?

– Пожалуйста, папаша, – осклабился продавец. – Считайте ее подарком от меня, Повелителя «Трех поросят», вам, Владыке солодковых ирисок. Подарком в дождливый понедельник.

Сэм натянул резинку на запястье, она повисла, как свободный браслет, и в эту минуту ветер снаружи рванул с такой силой, что стекла универмага жалобно задребезжали, а лампы замигали.

– Вот это да! – воскликнул Повелитель «Трех поросят». – А ведь урагана нам не обещали. Только легкий дождик. Пятнадцать долларов сорок один цент.

Сэм вручил ему двадцатку и криво улыбнулся:

– В моем детстве эти конфетки были куда дешевле.

– Инфляция, папаша, – развел руками продавец. – Ничего не попишешь. Вы ведь тащитесь от этих ирисок, да? А я вот батончики «Марс» предпочитаю.

– Тащусь, говорите? – горько усмехнулся Сэм, пряча в карман сдачу. – Да я эту дрянь на дух не переношу. – И снова усмехнулся. – Нет, это... тоже подарок. Кое-кому.

Что-то в лице Сэма испугало молоденького продавца. Он попятился и едва не опрокинул стойку с сигаретами и жвачкой.

Сэм бросил на него удивленный взгляд и решил, что просить пакет не станет, распахнул ириски по карманам старенькой спортивной куртки и поспешил к выходу. При каждом его шаге целлофановые обертки ирисок громко шуршали.

5

Наоми уже пересела за руль. Едва отъехали от стоянки, Сэм вынул обе книги из пакета с эмблемой «Пелл» и с грустью уставился на них. «Боже мой, сколько из-за них неприятностей, – подумал он. – Из-за устаревших стишков и пособия для безмозглых лекторов». Хотя на самом деле виной всему были, конечно, не книги. И Сэм это отлично понимал.

Сняв с запястья резинку, он стянул ею оба томика. Затем извлек бумажник, отделил пятидолларовую бумажку от изрядно похудевшей стопки и засунул ее под резинку.

– Это еще зачем? – спросила Наоми.

– Штраф. За эти книжки и еще одну – «Черную стрелу» Стивенсона. Мой старый должок. Чтобы покончить с этим раз и навсегда.

Он положил книги между двумя сиденьями и вынул из кармана пакетик солодковых ирисок. Разорвал обертку, и тошнотворно-приторный, давно забытый запахшибанул ему в нос гигантским кулаком. Запах этот мигом достиг мозга, а оттуда пробрался и в живот, который тут же схватила жесточайшая колика. В первый миг Сэм даже испугался, что сейчас его вывернет наизнанку. Похоже, он так и не сумел преодолеть в себе детский страх.

Тем не менее он продолжал один за другим вскрывать пакетики с ирисками, раскладывая на коленях красноватые воскообразные столбики. У перекрестка Наоми остановила «датсун» на красный свет, хотя ни справа, ни слева машин не было. Непрекращавшийся ливень и порывистый ветер яростно терзали крохотный автомобильчик. До библиотеки оставалось всего четыре квартала.

– Сэм, что вы делаете? – удивленно спросила Наоми.

Поскольку он и сам толком этого не знал, то ответил так:

– Если Арделия и вправду кормится человеческим страхом, то нужно попытаться подобрать... его противоположность. Для нее это скорее всего окажется ядом. Как по-вашему, что бы могло быть такой противоположностью?

– Не знаю, – пожала плечами Наоми. – Но сомневаюсь, чтобы конфетки с солодкой.

– Откуда у вас такая уверенность? Ведь всем известно, что вампиры-кровососы панически боятся крестов. А что такое крест? Всего лишь пара скрещенных дощечек или железок. Кто знает, может, не менее действенным оказался бы кочан капусты?

Зажегся зеленый свет.

– Соответствующей формы, – задумчиво промолвила Наоми, трогая «датсун» с места.

– Вот именно! – Сэм указал на продолговатые красные конфетины. – Просто ничего другого у меня нет. Возможно, это и нелепо, но мне наплевать. Для меня эти ириски –

символ *всего* того, чего лишил меня Библиотечный полицейский: любви, дружбы, чувства сопричастности. *Всю свою жизнь*, Наоми, я ощущал себя чужаком, так и не осознав причины этого. Теперь я знаю почему. Ведь он отобрал у меня и эти ириски тоже. В детстве я обожал их. А потом меня от одного их запаха наизнанку выворачивало. До сих пор. Но ничего, я справлюсь. Мне важно только понять, *что* с ними делать.

Сэм принялся разминать липкие столбики и скатывать их в один комок. Наибольшие опасения у него вызывал тошнотворный сладковатый запах, но вскоре Сэм убедился: самым неприятным оказалось ощущение их липкости... и еще зловещий кровавый цвет, в который окрашивала ладони и пальцы сходящая с конфеток краска. Тем не менее Сэм не бросал задуманного, каждые полминуты прибавляя к комку очередной липкий столбик.

– Возможно, я и пытаюсь прыгнуть выше головы, – промолвил он. – Кто знает – вдруг противовесом страха окажется для нее обыкновенное мужество. Или, если хотите, удаль. Неужели дело может быть только в этом? Как вы считаете? Может ли Наоми отличаться от Сары лишь наличием мужества?

Наоми казалась испуганной.

– Вы хотите спросить, только ли одно мужество заставило меня бросить пить?

– Я и сам не знаю, что хочу спросить, – признался Сэм, – но, похоже, нечто в этом роде. Ведь про страх мне спрашивать не нужно – я и сам отлично *знаю*, что это такое.

И Сэм вспомнил ту полнейшую апатию, которая охватила его в далеком детстве после того изнасилования в кустах возле библиотеки. Мужчина, назвавшийся полицейским. Незнакомец с больной психикой. А ведь для *него* случившееся наверняка было лишь мелким, не слишком запоминающимся эпизодом в биографии. Так, очередной безмозглый ребенок, которому удалось с такой легкостью запудрить мозги.

«Впрочем, – подумал Сэм, – я еще легко отделался. Окажись на месте насильника *настоящий* Библиотечный полицейский, все могло кончиться гораздо хуже». Впереди тускло замаячили две белые сферы – начало подъездной аллеи Публичной библиотеки Джанкшен-Сити. Наоми нерешительно произнесла:

– На мой взгляд, полная противоположность страху – честность. Честность и вера. Как вам кажется?

– Честность и вера, – задумчиво повторил Сэм, словно пробуя ее слова на вкус, при этом не переставая разминать липкий красный комок. – Что ж, вполне возможно. В любом случае выбирать нам уже некогда. Мы приехали.

6

Мерцающие зеленоватые цифры электронных часов на приборном щитке показывали 7.57. Все-таки они успели до восьми вечера.

– Может быть, подождем немного и убедимся, что все уже ушли, а потом пойдем к Дейву, – предложила Наоми.

– Да, пожалуй, так будет правильнее, – согласился Сэм.

Наоми въехала на стоянку, которая располагалась на противоположной стороне улицы. Белые сферы матово мерцали под дождем. Деревья гнулись и жалобно скрипели под напором усиливающегося ветра. Могучие дубы кряхтели и постанывали, словно их мучили кошмарные видения.

В две минуты девятого к библиотеке подкатил фургончик с укрепленной на заднем стекле табличкой «МАМОЧКИНО ТАКСИ». Послышались нетерпеливые гудки, а в следующий миг дверь библиотеки распахнулась (даже сейчас, под проливным дождем, она выглядела куда менее зловещей, чем при первом посещении Сэма, когда показалась ему вертикально прорезанным ртом на сером гранитном лице), и из нее гурьбой высыпали ребяташки. Ученики младших классов. Они на бегу прикрывали головы и со смехом забирались в фургончик. Сэм с завистью наблюдал за ними. Какое счастье, должно быть, покидать библиотеку смеясь! Из-за незнакомца в круглых темных очках Сэм так и не узнал

этого ощущения.

Честность, вспомнил он. Честность и вера. И подумал: А ведь штраф уже уплачен. Я уплатил его, черт бы их всех побрал!

Разорвав обертки двух последних ирисок, он добавил обе конфетины к липкому, отвратительно пахнущему комку и принялся остервенело мять его. Из выхлопной трубы отъезжающего «МАМОЧКИНОГО ТАКСИ» валил густой белый пар. И до Сэма вдруг дошло, что именно подсказало ему измученное его подсознание.

– Я уже заканчивал школу, – произнес он, – когда ребята как-то решили отомстить парню, которого недолюбливали. Сам-то я, правда, в их затее не участвовал. Только наблюдал. Так вот, мальчишки стащили кусок пластилина из учебной студии и залепили им отверстие выхлопной трубы «понтака», на котором разъезжал этот малый. Хотите знать, чем это кончилось?

– Чем? – неохотно спросила Наоми.

– Глушитель взорвался, – ответил Сэм. – Сразу в двух местах. Осколки разлетелись, словно шрапнель. Глушитель оказался слабым местом в его автомобиле. В противном случае, думаю, взрывом разворотило бы цилиндры.

– Сэм, зачем вы об этом рассказываете?

– Я говорю о надежде, – пояснил он. – Главное, на мой взгляд, – надежда. А честность и вера могут и подождать чуть-чуть.

«МАМОЧКИНО ТАКСИ» скрылось за плотной пеленой дождя. На часах было 8.06, когда двери библиотеки снова распахнулись. На этот раз вышли мужчина и женщина. В мужчине, который зажимал под мышкой зонтик, на ходу застегивая плащ, Сэм сразу узнал Ричарда Прайса, хотя и видел его лишь раз: на фотографии в старой газете. Сопровождала же его Синтия Берриган, юная помощница библиотекаря, с которой Сэм познакомился в субботу вечером. Прайс что-то сказал девушке. Сэму показалось, она рассмеялась.

Внезапно он осознал, что сидит, выпрямившись, на переднем сиденье «датсуна» в страшном напряжении; попытался расслабиться, но ничего не вышло. Впрочем, Сэма это не слишком удивило.

Прайс раскрыл зонтик и, приподняв над головой, любезно пригласил девушку под его прикрытие. Они поспешили к автомобильной стоянке, где Прайс забрался в допотопную «импалу» размером с фургон, а Синтия села в крохотный «юго». Когда Прайс круто развернул свой автомобиль, осветив фарами старенький «датсун», Наоми испуганно пригнулась, и Прайс, прогудев на прощание Синтии, прокатил мимо. Синтия, отсалютовав ему, тоже умчалась, но в противоположную сторону.

Теперь из всех действующих лиц перед опустевшей библиотекой остались лишь Сэм и Наоми. И, возможно, Арделия, затаившаяся где-то в глубине здания.

Вместе с закадычным другом Сэма – Библиотечным полицейским.

7

Наоми завела двигатель и, медленно обогнув квартал, выехала на Вегман-стрит. Слева, возле поворота, на изгороди висел указатель:

ТОЛЬКО ДЛЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ТРАНСПОРТА.

Бешеный порыв ветра тряхнул «датсун», капли дождя забарабанили по стеклу, словно камешки. Где-то поблизости послышался оглушительный треск – то ли крупная ветка обломилась, то ли небольшое деревце не выдержало напора разгулявшейся стихии и рухнуло на землю.

– Ну и дела! – упавшим голосом пробормотала Наоми. – Что-то не нравится мне это.

– Да, я тоже не в восторге, – кивнул Сэм, скорее догадавшийся о том, что сказала

девушка, нежели расслышавший ее слова: он пытался представить, как выглядел пластилин после того, как его запахнули в выхлопную трубу автомобиля. Словно волдырь на коже.

Перед указателем Наоми свернула влево. По узкой аллейке они въехали на небольшую заасфальтированную площадку перед задним входом в библиотеку. Площадку освещал одинокий дуговой фонарь. В его резком оранжевом свете раскачивающиеся под ветром ветви дубов отбрасывали на кирпичную стену тени, которые причудливо дергались в полумраке, словно отплясывали какой-то сумасшедший танец. На мгновение две из этих теней слились в одну, напоминающую зловещую человеческую фигуру, затаившуюся в угрожающей позе и вот-вот готовую прыгнуть.

Еще немного, подумал Сэм, и этот оранжевый фонарь выхватит из темноты его круглые черные очки. Прямо перед ветровым стеклом. Он будет смотреть на меня в упор. Не на Наоми, а именно на меня. И скажет: «Здравс-твуй, с-сынок. Я тебя ждал. Вс-се эти годы ждал. Пойдем с-со мной, с-сынок. Я полит-сейский».

Снова послышался оглушительный треск, и тяжеленная дубовая ветвь с грохотом обрушилась на площадку в каких-то трех футах от капота «датсуна»; осколки коры и изъеденной жучками древесины веером разбежались во все стороны. Упав ветвь чуть правее, и от машины осталось бы мокрое место. Наоми в ужасе закричала.

Ответил ей истошный визг ураганного ветра.

Сэм хотел было обнять девушку за плечи и успокоить, но вдруг увидел, как откинулась дверь погрузочного люка и в проеме показался Дейв Данкен. Он с трудом удерживал дверь, которую жестокий порыв ветра грозил сорвать с петель. В лице старика не было ни кровинки, а в глазах застыл безумный страх.

– Наоми, вон Дейв!

– Где? Ах да, вижу! Боже мой, да что с ним? Выглядит так, будто смерть увидел!

Наоми приоткрыла дверцу и выбралась наружу. Волосы ее развевались, а одежда вмиг промокла и прилипла к телу. Вихрь ворвался в щель и, подхватив конфетные фантики, закружил их по салону.

Сэм с трудом открыл дверцу со своей стороны – ветер вжимал дверцу в машину. Он даже успел удивиться разгулу ненастья; ведь, по словам Повелителя «Трех поросят», синоптики обещали всего-навсего легкий дождик.

Арделия. Может быть, это она вызвала ураган?

Словно в подтверждение его догадки, послышался истошный крик Дейва:

– Скорее! Я уже везде ее чертовы духи чую!

Сама мысль о том, что запах духов Арделии предшествует ее появлению, повергла Сэма в панический ужас.

Уже на полпути к разгрузочной платформе он вдруг заметил, что сжимает в кулаке комок из солодковых ирисок, а вот книги забыл в машине. Вернувшись к «датсуну», с невероятным трудом распахнул дверцу и достал пакет с книгами. В этот миг вдруг изменилось освещение: из ярко-оранжевого стало белым. Сэм заметил это по отблеску на руках и окаменел от страха. Затем попятился от машины и круто развернулся.

Одинокий дуговой фонарь, освещавший площадку, исчез. На его месте теперь возвышался обычный уличный фонарь допотопного образца. А вот деревья, которые раскачивались и жалостно стонали вокруг, заметно сгустились; высоченные раскидистые вязы возвышались над дубами. Изменилась и форма погрузочной платформы, да и кирпичную стену библиотеки, еще только что голую, избородил спутанный плющ.

Добро пожаловать в 1960 год, подумал Сэм. *Добро пожаловать в Библиотеку Джанкишен-Сити: будьте гостями Арделии Лорц.*

Наоми уже подошла к Дейву и разговаривала с ним. Тот отвечал, то и дело озираясь через плечо. Вдруг он судорожно дернулся. В тот же миг Сэм услышал истошный вопль Наоми. Не чуя под собой ног, подгоняемый ветром, он помчался вверх по ступенькам. Уже перед входом он увидел, как вынырнувшая из темноты мертвенно-бледная рука схватила Дейва за плечо и рывком втащила внутрь.

– Держите дверь! – закричал Сэм. – Наоми, держите дверь! *Не дайте ей захлопнуться!*

Неожиданно на выручку им пришел ветер: рванул с такой силой, что дверь распахнулась наружу, отбросив Наоми назад. Сэм подоспел вовремя, чтобы подхватить дверь, прежде чем та захлопнулась, увлекаемая мощной пружиной.

Наоми посмотрела на него расширенными от ужаса глазами.

– Сэм, это был тот самый человек, который приходил к вам. Огромного роста и с серебристыми глазами. Я его разглядела. Он уволок Дейва!

Сэм схватил ее за руку и потащил.

– За мной! Нельзя терять ни минуты!

Дверь за ними с грохотом захлопнулась.

8

Они очутились в справочно-библиографической комнате, где царил полумрак. На столе библиотекаря стояла лампа с резным красным абажуром. Пол вокруг был заставлен коробками и завален упаковочным материалом. Сэм разглядел, что это смятые газеты – полиэтиленовые пакеты в его детстве еще не изобрели. За столом выстроились ряды каталожных шкафчиков, за которыми темнели стеллажи с книгами.

В ближайшем проходе маячила исполинская фигура Библиотечного полицейского. Под мышкой он зажал голову Дейва Данкена; ноги старика беспомощно болтались дюймах в трех над полом. Исполин посмотрел на Сэма с Наоми. Серебристые глаза засверкали, а губы растянулись в зловещую ухмылку. словно его бледное лицо перерезал хромированный полумесяц.

– Ни ш-шагу больше, – прошипел он. – Или я переломлю ему ш-шею. Услышите, как она хруст-стнет.

Сэм взвесил эти слова. Ноздри ему щекотал удушливый запах лаванды. За дверью завывал ветер. Тень Библиотечного полицейского плясала на стене, сухопарая и угловатая, как строительный кран.

А ведь прежде он тени не отбрасывал, вспомнил Сэм. *Что бы это значило?*

Возможно, Библиотечный полицейский стал более реальным, чем прежде... потому что Арделия Лорц, Библиотечный полицейский и темный мужчина в старой машине были одним и тем же существом. Только наружности оно меняло, словно маски на Хэллоуин.

– Можно подумать, что вы пощадите его, если мы останемся на месте, – презрительно хмыкнул Сэм. – Чушь собачья!

И сделал шаг вперед.

Вдруг на лице Библиотечного полицейского появилось невиданное раньше выражение: его черты исказились от удивления. Гигант начал пятиться, цепляясь лапами полушинели за книжные переплеты по обеим сторонам узкого прохода.

– Я вас в пос-следний раз предупреждаю!

– Да плевал я на вас, – отмахнулся Сэм. – Тем более что он тут ни при чем. Вы ведь с *меня* собирались должок получить. Что ж, вот он я. Валяйте!

– Это с-старик провинилс-ся перед библиотекаршей, – прошепелявил Библиотечный полицейский, продолжая отступать.

Что-то происходило при этом с его лицом. Приглядевшись, Сэм понял: серебристый свет в глазах Библиотечного полицейского померк и продолжал угасать.

– Так пусть *она* с ним и разбирается, – отрезал Сэм. – А вот у меня давнишние счета с вами, приятель. Вот уже тридцать лет. – С этими словами он покинул круг света, отбрасываемого настольной лампой.

– Что ж, будь по-вашему! – прорычал Библиотечный полицейский и отшвырнул Дейва Данкена прочь, как котенка. Старик отлетел, словно тряпичная кукла, и со всего маху ударился о тяжеленный огнетушитель, висевший на стене. Послышался хруст сломанной кости, и Дейв осел на пол; на лице его были страх и удивление. Огнетушитель сорвался и

упал прямо на старика.

– *Дейв!* – Наоми бросилась к нему.

– *Стойте, Наоми!*

Но она не остановилась. Библиотечный полицейский злорадно ухмыльнулся и, схватив ее за руку, прижал к себе. Он резко опустил голову, и на мгновение скрыл лицо за каштановыми волосами Наоми. Сдавленно кашлянув, гигант принялся целовать ее – так, во всяком случае, это выглядело со стороны. Его длинные белые пальцы впились в плечо Наоми. Она жалобно, по-заячьи, вскрикнула и обмякла.

Сэм уже достиг стеллажей. Схватив первую попавшуюся книгу, он размахнулся и что было силы запустил ею в Библиотечного полицейского. Увесистый том несколько раз перевернулся в полете и угодил прямо в висок великану. Библиотечный полицейский взревел и удивленно приподнял голову. В тот же миг Наоми вырвалась из его рук и, отскочив, налетела на стеллаж. Тот пьяно покачнулся и с грохотом упал. Книги дождем посыпались с полок, где десятилетиями стояли нетронутые. Звук, с которым они шлепались на пол, странным образом напоминал аплодисменты.

Но Наоми ничего этого не замечала. Подбежав к Дейву, она опустилась на колени, снова и снова выкрикивая его имя. Библиотечный полицейский повернулся в ее сторону.

– И *она* тут тоже ни при чем, – жестко заявил Сэм.

Долговязый противник снова обратил внимание на него. На месте серебристых глаз были теперь маленькие черные очки с круглыми стеклами, придававшие Библиотечному полицейскому сходство с гигантским кротом.

– Нужно было покончить с тобой тогда, – процедил он, приближаясь к Сэму.

Послышался странный шорох. Сэм опустил взгляд и вдруг с изумлением заметил, что полы полушинели уже волочатся по полу. Библиотечный полицейский уменьшался в росте.

– Штраф уже заплачен, – спокойно сказал Сэм.

Библиотечный полицейский замер на месте. Сэм показал ему книги, перехваченные тугой резинкой.

– Штраф заплачен, а книги я возвращаю. Так что ваша песенка спета, мадам Стерва... мистер Гадина... или как вас там еще.

Меж тем ветер снаружи испустил протяжный вопль, который сотряс стекла и эхом прокатился под сводами. Библиотечный полицейский облизнул длинным языком пересохшие губы. Язык был ярко-красный и заостренный. На щеках и на лбу появились синеватые прожилки. Кожа покрылась потом, похожим на слизь. А горьковатый запах лаванды сгустился и стал еще удушливее.

– Вреш-шь ты! – выкрикнул Библиотечный полицейский. – Нагло врешь! Это не *те* книги! Я это точно знаю! *Те* книги забрал вот этот забулдыга! И их...

– ...уничтожили, – закончил за него Сэм, надвигаясь на своего противника; с каждым шагом горьковатый запах крепчал, а сердце бешено колотилось, птичкой стуча о грудную клетку. – И я знаю, кто это все задумал. Вот замена – заберите их! – Сэм уже не говорил, а рычал. – *Заберите, черт бы вас побрал!*

Он приподнял книги, и Библиотечный полицейский растерянно протянул руку вперед.

– Нет, не так, – покачал головой Сэм, поднимая книги еще выше. – А вот *так!*

И с этими словами он изо всех сил вмазал книгами по ненавистной физиономии. «Помощником оратора» и «Любимыми стихами американцев». Чувство, которое испытал Сэм, услышав треск сломанного носа, было сродни экстазу. Черные очки с круглыми стеклами, полетев на пол, обнажили зияющие глазницы, выстланные мутновато-белой пленкой. Скорее даже кашицей, в которой плавали тонюсенькие ниточки. Сэм невольно припомнил слова Дейва: «Поверх старой кожи повсюду нарастала новая – на щеках, вокруг крыльев носа, в уголках глаз»...

Библиотечный полицейский истошно завизжал от боли.

– *Ты не смеешь!* – выкрикнул он. – *Ты не имеешь права! Ты ведь меня боишься! К тому же тебе ведь ТОГДА понравилось! Слышишь, мерзавец маленький, тебе ведь это*

ПОНРАВИЛОСЬ!

– Врешь, гнида! – процедил Сэм. – Ты меня чуть не убил тогда. А теперь – забирай свои книги и убирайся. Штраф выплачен сполна.

Он ткнул книжками в грудь Библиотечному полицейскому, а в следующее мгновение, когда тот обхватил их руками, со всей силой саданул ему коленкой в пах.

– Вот тебе за всех остальных детишек! И тех, которых ты погубил, и тех, которых съела она.

Чудовище взвыло от боли. Выронив книги, Библиотечный полицейский схватился за мошонку и согнулся в три погибели. Сальные черные волосы заслонили лицо, скрыв от Сэма ужасные пустые глазницы.

Они и должны быть пустыми, вихрем пронеслось в голове Сэма. Я ведь никогда прежде не видел его глаз из-за этих черных очков... значит, и ОНА их не видела.

– А вот твой должок еще не выплачен, – угрожающе произнес Сэм. – Так что это только начало.

Вдруг полушинель Библиотечного полицейского дернулась и начала странным образом извиваться и сползать. Библиотечный полицейский задрал голову, и... Сэм увидел такое, что в ужасе отпрянул.

Зловещий великан, наполовину сошедший с плаката, нарисованного Дейвом, а наполовину воссозданный воображением самого Сэма, превратился в какого-то чудовищного уродца-гоблина. И на глазах у Сэма превратился в гнома. Отвратительного карлика-гермафродита. Перерождение омерзительного создания происходило с ошеломляющей быстротой. Половина шевелюры оставалась черной и лоснящейся, а вторая уже сделалась золотисто-пепельной. Одна глазница зияла черным провалом, а рядом с ней на Сэма с ненавистью смотрел ярко-синий глаз.

– Ты мне нужен, Сэм, – прошипела мерзкая тварь. – И ты мне достанешься.

– Это мы посмотрим, Арделия, – выдавил Сэм. – Сейчас мы с вами станцуем рок-н-ролл...

Он протянул руку вперед, но, прикоснувшись к полушинели, с криком отшатнулся. Вместо плотной материи рука его нащупала омерзительно дряблую кожу; ощущение было такое, словно он схватился за старое папье-маше.

Гнусная масса соскользнула вниз и растворилась в полумраке. Запах лаванды стал удушающим. Из тени послышался сатанинский хохот.

Хохот женщины.

– Поздно, Сэм, – услышал он до боли знакомый голос. – Вы не успели. Дело уже сделано.

Арделия вернулась, только и успел подумать Сэм, когда снаружи послышался страшный грохот.

Исполинское дерево обрушилось прямо на здание библиотеки, и в следующую минуту вырубился свет.

9

Они оставались в крошечной тьме лишь секунду, но и она показалась вечностью. Арделия снова захохотала, и ее жуткий, ухающий смех гулким эхом прокатился под сводами, словно усиленный гигантским мегафоном.

На стене вспыхнула лампочка аварийного освещения, и комнату залил бледный свет, прорезанный причудливыми черными тенями шкафов и стеллажей. Негромко загудели аккумуляторы. Сэм начал пробираться к Наоми, все еще стоявшей на коленях перед Дейвом, дважды чуть не упал, споткнувшись о громоздившиеся на полу книги.

Наоми подняла голову. Лицо ее исказилось от отчаяния и было бледным как полотно, по щекам текли слезы.

– О Сэм! Мне кажется, он умирает.

Сэм опустился на колени. Дейв лежал с закрытыми глазами, дышал хрипло и неровно. Из ноздрей и уха тоненькими струйками сочилась кровь. Лоб над правой бровью был продавлен. Сэм смотрел на старика, затаив дыхание.

– Нужно срочно отвезти его в больницу, Сэм!

– Если она позволит, – прошептал Сэм, и тут же, словно в подтверждение его слов, из темного угла вылетел тяжеленный том «Оксфордского словаря английского языка» с буквой «Т» на корешке.

Сэм схватил Наоми за плечи и опрокинул рядом с собой на пол. Они распростерлись в пыли. Семь фунтов табака, *телевизоров, тиранов и трепангов* просвистели мимо и расплющились о стену в нескольких дюймах от головы Наоми.

Из угла донесся сатанинский хохот. Сэм поднялся на четвереньки и успел заметить бесформенный сгорбленный силуэт, скрывшийся за упавшим стеллажом.

Она все еще превращается, подумал Сэм. *Один Бог знает – во что на сей раз.*

– Убейте ее, – хрипло сказала Наоми. – Ради всего святого – покончите с ней!

– Уж постараюсь! – заверил Сэм.

И, перешагнув через вытянутые ноги Дейва, устремился в погоню за спрятавшейся тварью.

10

От горьковатого аромата лаванды, смешанного с затхлым запахом вековой книжной пыли, Сэма мутило. Он вдруг ощутил себя путешественником во времени из романа Герберта Уэллса... А эта огромная и мрачная библиотека казалась ему машиной времени.

Сэм осторожно продвигался между стеллажами, нервно разминая в левой руке комочек солодовых ирисок. Казалось, что книги, окружавшие со всех сторон, хмуро взирают на него. Туфли Сэма громко поскрипывали на линолеуме.

– Арделия, где вы? – крикнул он. – Если я вам нужен, то выходите, а не прячьтесь! Я здесь!

Молчание. И все же Сэм был уверен: рано или поздно Арделии придется показаться. С момента начала изменений, судя по рассказу Дейва, времени у нее оставалось не так много.

«До полуночи, – подумал он. – Библиотечный полицейский дал мне срок до полуночи. Наверное, и ей отпущено столько же. Но до полуночи еще три с половиной часа... Боюсь, что Дейв столько не протянет».

А затем мелькнула другая, еще более неприятная мысль – вдруг Арделия усыпила его бдительность и сейчас уже подкрадывается к Наоми и Дейву?

На мгновение Арделия представилась ему гигантским ядовитым пауком, и Сэм, вне себя от ужаса и отвращения, круто развернулся и... вновь поскользнулся. Раздался дикий хохот. Покачнувшись, он едва не упал, но успел опереться на полку. И почти тут же хохот сменился воплем ужаса – под тяжестью Сэма стеллаж опрокинулся, и книги водопадом обрушились вниз.

Того, что случилось потом, Сэм не мог предвидеть даже во сне: опрокинутый им стеллаж всей тяжестью рухнул на соседний, а тот, в свою очередь, – на следующий. Все это происходило как в фильме ужасов: тяжелые стеллажи падали друг на друга, складываясь, как исполинский картонный домик. Все помещение заволочло пылью, со всех сторон слышались лязг, грохот и шум опрокидывающихся стеллажей, падающих с полок томов. На полу оказывалось все – от походов капитана Мариетта до «Полного собрания сказок братьев Гримм». Сэм услышал, как снова завопила Арделия.

Вскарабкавшись по полкам опрокинутого стеллажа, словно по ступенькам трапа, он вдруг заметил, как из-под нагромождения атласов и путеводителей выкарабкивается какая-то мерзкая белесая тварь. Светлые волосы и синие глаза – на этом всякое сходство с человеком заканчивалось. Чудовище походило на четырехлапого паука, вернее, даже на голый пузырь с ручками и ножками, заканчивавшимися острыми когтями. С шеи свешивался омерзительный

раздутый мешочек, напоминавший индюшачий зоб. Все тело было покрыто отвратительными белесыми волосками.

При виде этой гадкой пакости Сэма чуть не вывернуло наизнанку. *Так вот какая она на самом деле!* – визжал он про себя от страха. *Господи, помоги мне!* Но через минуту чувство омерзения было уже не столь острым: ведь могло быть и хуже!

Однако чудовище вновь начало превращаться, и ужас охватил Сэма с новой силой. Глаза монстра почти вылезли из орбит, а из-под них начал быстро расти покрытый роговыми чешуйками отросток, с каждым мгновением все более походивший на слоновий хобот. Глаза растянулись в косые узенькие щелочки, придавая жуткому созданию сходство с каким-то чудовищным насекомым. Оно стало приближаться к Сэму, поводя вытянутым рылом и хищно принюхиваясь. Роговые чешуйки на хоботе покрылись колышущейся массой длинных волосков.

Кончик хобота прикоснулся к его груди, и Сэм почувствовал, какая от него исходит огромная сила: внезапно накатила сковавшая тело сонливость, отчаянно хотелось расслабиться, отдаться этой блаженной летаргии. Где-то в отдалении завывал ветер. Мерно, успокаивающе. Так в далеком детстве Сэм засыпал под монотонный рев пылесоса.

– Сэм! – окликнула его Наоми.

Голос прозвучал почти из небытия, Сэму не было до него никакого дела.

Неужели ему и правда могло казаться, что он ее любит? Чушь какая! И могло же такое в голову втемяшиться...

А вот это создание... сейчас поведает ему сказку.

Страшно интересную и увлекательную.

Белесый пузырь странного существа начал изнутри как бы всасываться, отчего хобот вытягивался все больше и больше. Тело же превратилось в подобие трубки, ненужной и забытой, словно мешок-зоб, болтавшийся под шеей. Все естество удивительного создания было заключено сейчас в этом длинном хоботе, который собирался присосаться к Сэму, чтобы испытать его жизненную силу. И душу.

И это было прекрасно.

Хоботок скользнул по коленкам Сэма, мягко ткнулся в пах и пополз выше, щекоча живот. Сэм сам опустился на колени, чтобы хоботку не пришлось тянуться к его лицу. И вдруг с наслаждением ощутил, что в уголках глаз выступила какая-то приятная жидкость. Не слезы, нет – погуще.

Хобот приблизился к глазам; Сэм разглядел, как в отверстии на его кончике жадно расправляется и раскрывается венчик розовой плоти. Всякий раз, как он открывался, внутри появлялось бездонное черное жерло. Затем, когда лепестки розового венчика смыкались, между ними оставалось крохотное отверстие – трубочка в трубочке. Кончик хобота медленно полз вверх по щеке, приближаясь к сладкой жидкости, сочащейся из глаз Сэма. Узкие темно-синие глаза таращились на него с нескрываемой жадностью.

Но ведь итраф был уплачен!

Собрав всю волю в кулак, Сэм наотмашь врезал правой рукой по хоботу. Тот был горячий, скользкий, словно покрытый какой-то ядовитой слизью. Ладонь Сэма обожгло и защипало. Хобот дернулся и пополз вниз. Сэму показалось, что гибкий, как шланг, орган вот-вот выскользнет, и он крепче сжал кулак, вонзив ногти в податливую мякоть.

– *Вот тебе!* – заорал он. – *Посмотри, мразь, что я тебе припас! Из самого Сент-Луиса.*

И левой рукой с силой вдавил липкий комок в розовый венчик на конце хобота. Наверное, так давным-давно его одноклассники залепили пластилином отверстие выхлопной трубы в «понтиаке» Томми Рида. Мерзкая тварь попыталась взреветь, но из намертво забитого хобота донеслось лишь сдавленное мычание. Чудовище начало пятиться от Сэма. Красный комок солодки торчал из дергающегося хобота, словно огромный кровоточащий нарыв.

Сэм с усилием приподнялся, не выпуская из правой руки скользкий хобот, и навалился

на гнусную тварь Арделию сверху. Омерзительное существо отчаянно барахталось, тщетно пытаясь его сбросить. Сэм изрядно струхнул, увидев, какой свирепой яростью горят глаза гадины.

И тут вдруг почувствовал, что чудовище начинает раздуваться. Сэм отпрянул назад, тяжело и судорожно дыша. Тварь походила теперь на огромный детский мячик с хоботом; мячик, густо заросший волосками, которые колыхались, словно водоросли во время прилива. Уродливое существо беспомощно каталось по заваленному книгами проходу; хобот нелепо торчал из него, словно садовый шланг, завязанный узлом. Сэм, не смеядохнуть, следил, как исчадие ада, звавшее себя Арделией Лорц, давится собственными газами.

Белую гладкую кожу пронизала сеть кровавых прожилок. Глаза страшилища выпучились и в безумии уставились на Сэма. Арделия сделала последнюю попытку избавиться от затычки, но безуспешно – когда Сэм ее залепил, розовое устье было разверсто во всю ширь, и пробка засела намертво.

Сообразив наконец, что сейчас произойдет, Сэм отдернул руки, прикрывая лицо, и в тот же миг услышал взрыв.

Смрадные ошметки дымящейся плоти разлетелись по всему помещению. Руки, грудь и ноги Сэма забрызгало густой алой кровью. Он закричал, не в силах сдержать отвращения и... радости.

Аварийное освещение, мигнув на прощание, вырубилось, снова оставив их в кромешном мраке.

11

Тьма окутала их ненадолго, однако Сэму хватило и этих мгновений, чтобы понять: все вокруг изменилось. В голове вдруг прояснилось и возникло удивительное ощущение, что все встало на свои места. Аварийное освещение зажглось вновь – теперь уже загорелись сразу четыре лампочки, – и свет залил всю комнату целиком, изгнав тени даже из дальних углов. И Сэм сразу понял, что из библиотеки прошлого они вернулись в реальность, в библиотеку сегодняшнюю.

Рухнувшие стеллажи уже стояли вертикальными рядами, как и прежде. В проходе, правда, валялось несколько книг, но Сэм мог и сам их сбросить, пытаясь встать. Да и буря снаружи поутихла, лишь капли дождя мерно барабанили по крыше.

Исчадие ада бесследно исчезло. Вокруг не было ни кусочков плоти, ни следов крови. Нигде – ни на книгах, ни на полу, ни на ногах или руках Сэма.

Лишь одно напоминало об Арделии: одинокая золотая сережка поблескивала на полу.

С трудом сдерживая дрожь в коленках, Сэм с силой пнул ее ногой, и тут же перед глазами его все поплыло. Сэм покачнулся и зажмурился; ему показалось, что он теряет сознание.

– Сэм! – словно сквозь сон услышал он голос Наоми, почти плачущий. – Сэм, где вы?

– Здесь! – Он поднял руку, вцепился в собственную шевелюру и с силой дернул.

Глупо, наверное, но это сработало. Серая пелена перед глазами рассеялась, хотя и не полностью. Сэм осторожно повел головой, оглядываясь по сторонам.

Тот же стол, но допотопный светильник с красным абажуром уступил место лампе дневного света. На месте разбитой пишущей машинки красовался современный компьютер. И если всего этого было мало, чтобы показать Сэму, в каком времени он находится, то одного взгляда на картонные коробки оказалось достаточно: вместо скомканных газет они были заполнены полиэтиленовыми шариками и прокладками из пенопласта.

А вот Наоми склонялась над Дейвом в прежней позе. Подойдя к ней, Сэм увидел, что огнетушитель (по прошествии тридцати лет абсолютно не изменился) снова висит на стене... но оставленная им на лбу Дейва вмятина сохранилась.

Глаза старика были широко открыты. Увидев Сэма, он улыбнулся.

– Недурно, – прошептал он. – Весьма недурно. Держу пари, что вы даже не

подозревали... в себе такой удали.

Сэм почувствовал, как с его сердца свалился камень.

– Вы правы, Дейв. Не подозревал, – ответил он и наклонился, растопырив перед лицом старика три пальца.

– Сколько вы видите пальцев?

– Около... семидесяти четырех, – прошептал Дейв.

– Я вызову «скорую», – сказала Наоми, но Дейв взял ее за руку.

– Нет. Подождите немного. – И перевел взгляд на Сэма. – Наклонитесь ко мне поближе. Дейв обхватил шею Сэма трясущейся рукой, щекоча губами его ухо. Еле слышно старик прошептал:

– Сэм, она ждет. Не забывайте это... *Она всегда ждет.*

– Что? – Сэма словно обухом по головехватило. – Что вы хотите этим сказать?

Но рука Дейва бессильно упала. Грудь его судорожно вздымалась и опадала. Он устремил на Сэма утасажующий взор.

– Я сейчас, – сглотив, пролепетала Наоми. – Здесь на столе телефон.

– Нет, – покачал головой Сэм.

Наоми резко развернулась. Глаза ее пылали, кулаки яростно сжались.

– Что вы такое несете? Или вы спятили? У него же череп проломлен! Он может...

– Дейв умирает, – мягко промолвил Сэм. – Не отходите от него, Сара. Вы нужны сейчас Дейву.

Наоми потупила взор и сразу увидела то, что уже заметил Сэм. Левый зрачок Дейва съезжился, превратившись в едва различимую точку; правый зрачок был огромный и неподвижный.

– Дейв? – в отчаянии пролепетала она. – *Дейв?*

Но Дейв невидяще смотрел на Сэма.

– Помните, – еле слышно прошелестел он. – Она жд...

Взгляд его застыл. Грудь дернулась, опала... и замерла навеки.

Наоми зарыдала. Прижав руку старика к своей щеке, она прикрыла ему глаза. Сэм, преодолевая боль, опустился на колени рядом с Наоми и обнял ее за талию.

Глава 15 Ангол-стрит (III)

1

И эту ночь, да и несколько за ней последовавших Сэм Пиблс провел почти без сна. Лежа в постели при свете всех ламп, он неустанно размышлял о последних словах Дейва Данкена: *«Она ждет»*.

На вторую ночь, уже перед самым рассветом, Сэму показалось, что он начинает понимать смысл предсмертного предостережения старика.

2

Сэм полагал, что прощание с Дейвом Данкеном пройдет в баптистской церкви в Провербии, и был немало удивлен, узнав, что Дейв успел перейти в католическую веру. Отпевание состоялось в костеле Святого Мартина 11 апреля, ненастным днем, когда ветер лишь изредка разгонял тучи, позволяя весеннему солнышку хоть ненадолго приласкать землю.

После погребальной церемонии друзья покойного отправились на Ангол-стрит, где были организованы поминки. Все помещения внизу заполнили люди, которые разбились на небольшие группки. На первый взгляд Сэму показалось, что собралось человек семьдесят.

Все они хорошо знали Дейва и отзывались о нем с теплом, уважением и искренней любовью. Все пили исключительно лимонад, а закусывали тартинками. Сэм переходил от группки к группке, обмениваясь репликами с немногими знакомыми, но старался нигде не задерживаться.

По пути сюда он заехал в универмаг «Три поросенка», где кое-что приобрел, и сейчас его пальцы нащупывали в кармане полдюжины завернутых в целлофан предметов: четыре продолговатых и тоненьких и два квадратных.

Сары нигде не было.

Сэм уже собрался уйти, когда заприметил в углу Льюки с Рудольфом. Они сидели за карточным столиком, но не играли.

– Привет, ребята! Вы меня, наверное, не помните...

– Отчего же, – перебил его Рудольф. – За кого вы нас принимаете? Что мы, слабоумные, что ли? Вы друг Дейва. Приходили сюда, когда мы над объявлениями трудились.

– Точно, – подтвердил Льюки.

– Нашли книжки, которые искали? – осведомился Рудольф.

– Да, – улыбнулся Сэм. – В конце концов нашел.

– Вот и славно! – выпалил Льюки.

Сэм достал из кармана четыре тоненьких предмета в целлофане:

– Я вам кое-что принес.

Льюки поднял голову, и глаза его засияли.

– Конфетки! – восхищенно выкрикнул он. – Жвачка-жрачка! Смотри, Дольфи, Сарин дружок нам жвачку-жрачку приволок! Вот это да! Охренеть можно!

– Давайте-ка их мне, друг. – И Рудольф выхватил конфетины у Сэма. – Этот умник их в один присест умнет, а потом всю постель обделаает. – Развернув одну конфету, он протянул ее Льюки: – Держи, лакомка. А остальные я для тебя на потом поберегу.

– Можешь и сам одну съесть, Дольфи. Для друга не жалко.

– Нет, Льюки, мне нельзя. Сам знаешь – у меня от них кишки склеиваются.

Сэм пропустил этот обмен мнениями мимо ушей. Пристально глядя на Льюки, он спросил:

– Кто вам сказал, что я дружок Сары?

Льюки запихал длинную конфету в рот, откусил половину и, смачно чавкая, посмотрел на Сэма. Доброжелательно, но с хитрецей. Почесав кончик носа, он загадочно произнес:

– От нас тут ничего не укрывается, приятель. В «АА», я имею в виду.

– Да ни черта он не знает, мистер, – сказал Рудольф, допивая лимонад из стакана. – Просто нравится ему языком трепать – и все дела.

– А вот и нет! – запальчиво выкрикнул Льюки, отправляя в рот остаток конфетины. – Если хочешь знать, мне это сам Дейв сказал. Так, мол, и так, сказал. У них, дескать, с Сарой по гроб жизни любовь...

– А где сейчас Сара? – перебил Сэм. – Я думал, что застану ее здесь.

– Мы с ней разговаривали после отпевания, – сказал Рудольф. – Просила вас передать, что если понадобится, то вы знаете, где ее искать. Сказала, что однажды вы там ее уже видели.

– Она любила старину Дейва, – сказал вдруг Льюки и, неожиданно всхлипнув, смахнул со щеки слезинку. – Все мы его обожали. А он... Как он жизнь любил. Как старался на путь праведный встать. Господи, до чего несправедливо-то... – И Льюки разрыдался.

– Послушайте... – смущенно заговорил Сэм, с трудом сдерживая слезы. Порывшись в кармане, он нащупал носовой платок и протянул его Льюки. – Но ведь в итоге Дейв добился чего хотел. И умер трезвенником. Да-да, это я точно знаю.

– Аминь, – вздохнул Рудольф.

– Аминь, – эхом повторил Льюки, возвращая Сэму платок. – Спасибо.

– Не за что.

– Слушайте, приятель, а больше у вас нет таких конфеток? – спросил Льюки. –

Жвачки-жвачки.

– Нет, – ответил Сэм и улыбнулся. – Но вам Рудольф даст. Попозже.

Рудольф рассмеялся. Льюки же улыбнулся... и снова почесал кончик носа.

– А как насчет четвертачка? Хотя одна лишняя монетка есть?

3

Сначала он решил, что Сара отправилась в библиотеку, но это противоречило тому, что сказал Рудольф. Да, той страшной ночью (казалось, что с тех пор прошло уже лет десять) они были там вместе, но Сара не стала бы говорить, что Сэм там ее «видел»... Видеть можно было через витрину, через окно...

И тут Сэма осенило – он ведь и в самом деле однажды видел Сару в окно. Прямо здесь, на Ангол-стрит. На лужайке за домом.

Уже знакомым путем прошел он напрямиком на кухню, где застал Берта Айверсона и Элмера Баскина. Они потягивали молочный коктейль и слушали какую-то старушку, которую Сэм видел впервые.

Дул ветер, а небо снова затянуло тучами. На дворе не было ни души, но Сэму показалось, что в кустах за лужайкой что-то пестреет. Он поспешил туда, подгоняемый судорожными ударами сердца; на ходу вынул из кармана два оставшихся пакетика в целлофановой обертке. Это были ириски «Солодка». Разорвав обертки, Сэм скатал конфеты в комок и принялся мять его. Снова в ноздришибанул сладковатый запах, по-прежнему вызывавший у Сэма отвращение. Где-то в отдалении грохотал поезд, и Сэм невольно припомнил свой кошмарный сон о том, как Наоми прямо у него на глазах превращалась в Арделию.

Поздно, Сэм. Вы не успели. Дело уже сделано.

Она ждет. Помните, Сэм, – она ждет.

Да, порой сны и в самом деле сбываются...

Каким образом ей удавалось выжить на протяжении стольких лет? Они ведь никогда не задавались этим вопросом. И как Арделия превращалась в какого-то определенного человека? Этого тоже никто не знал. Может быть, это жуткое существо, преобразавшееся в женщину по имени Арделия Лорц, было на самом деле чем-то вроде закутанной в кокон куколки, как те, что зимуют в древесной коре... Куколки ведь тоже впадают в долгую спячку, дожидаясь благоприятной поры, чтобы... претерпеть превращение...

Она ждет.

Сэм шел, разминая пальцами липкий комочек, пропахший солодкой, которую Библиотечный полицейский – *его* Библиотечный полицейский – украл из детства Сэма и превратил в орудие запугивания и которую Сэм с помощью Наоми и Дейва использовал как орудие для спасения.

Библиотечный полицейский прижимает Наоми к себе. Тянется губами к ее шее, словно желая поцеловать. Но вдруг начинает кашлять. Висящий зуб у этой гадины. Обмякший. Пустой. Выпотрошенный.

Господи, только бы не опоздать!

Сэм продрался через кусты и увидел прямо перед собой Наоми Сару Хиггинс, которая стояла со скрещенными на груди руками прямо над железнодорожной насыпью. Метнув на Сэма быстрый взгляд, она отвернулась и уставилась на железнодорожные рельсы. Сэма поразила мертвенная бледность Сары. И взгляд ее показался ему каким-то затравленным. Невидимый пока состав быстро приближался.

– Здравствуйте, Сэм.

– Здравствуйте, Сара.

Сэм обнял ее за талию. Сара не оттолкнула его, но держалась отстраненно, словно не замечая его.

Господи, только бы не опоздать! – снова мелькнуло в его мозгу, но мысли тут же

перескочили на Дейва.

Тогда, в ту страшную ночь, они оставили его тело в библиотеке, а входную дверь подперли клином, чтобы она не захлопнулась. Затем Сэм позвонил в полицию из автомата, расположенного неподалеку, и сообщил, что задняя дверь библиотеки открыта. И повесил трубку. Как и ожидалось, труп Дейва сразу обнаружили, а смерть приписали несчастному случаю. Следов алкоголя в крови не обнаружили, но и это никого не удивило. Вполне естественно, подумал Сэм. *Люди ожидают, что пьянчуга должен умереть как пьянчуга, даже если он и завязал.*

– Как вы себя чувствуете, Сара? – спросил он.

– Неважно, Сэм, – ответила она усталым голосом. – Бессонница... аппетита нет... меня донимают жуткие мысли... причем мне кажется, что это не мои мысли... и страшно, страшно тянет выпить. Дай мне сейчас волю, и я пила бы, не зная удержу. Даже наши встречи не помогают. Впервые в жизни – не помогают.

Она закрыла глаза и заплакала. Бессильно и безнадежно.

– Правильно, – спокойно промолвил Сэм. – Так и должно быть. *Ей* только и надо, чтобы вы снова ударились в пьянство. *Она ждет...* но это вовсе не значит, что она тоже лишилась аппетита.

Сара открыла глаза и в недоумении посмотрела на него.

– Что? Сэм... о чем вы говорите?

– Наверное, об упорстве, – ответил он. – О дьявольском упорстве. Вся эта нечисть умеет затаиваться и ждать. Коварство и упорство – вот что делает их такими опасными и всемогущими.

Сэм разжал кулак, показав свою ладонь и липкий комок красной массы на ней.

– Вы это узнаете, Сара?

Она отдернулась, словно ужаленная. Обе руки взлетели к затылку. Глаза ее расширились, миг утратив отрешенный вид. В них засверкали ненависть и... страх.

А искорки были *серебристые*.

– Выбросьте эту гадость! – хрипло прошептала она. – Выкиньте эту дрянь *подальше!*

– Я ведь с вами сейчас разговариваю, Сара, – твердо сказал Сэм. – *Не с ней,* а с вами. Я люблю вас, Сара.

Глаза Сары снова были полны печали.

– Да, – промолвила она. – Возможно. Но лучше, наверное, если вы меня разлюбите.

– Сара, я хочу кое о чем попросить вас. Пожалуйста, повернитесь ко мне спиной. Вон поезд идет. Смотрите на него и не оборачивайтесь, пока я вам не скажу. Хорошо?

Вдруг Сара яростно ощерилась, в глазах вновь засверкала ненависть.

– Нет! – выкрикнула она. – Ни за что! Оставьте меня в покое! Уйдите! Убирайтесь отсюда!

– Вы и правда этого хотите? – спросил Сэм. – Подумайте хорошенько, Сара. Вы ведь сами сказали Рудольфу, где я могу вас найти. Так вы хотите, чтобы я ушел?

Она вновь закрыла глаза. Губы предательски задрожали. Затем веки затрепетали и раскрылись. В глазах стояли слезы и немой ужас.

– О, Сэм, помогите мне! – воскликнула Сара. – Что-то со мной творится, и я не могу понять, что мне делать!

– Я знаю, что надо делать, – решительно сказал Сэм. – Положитесь на меня, Сара. Помните, что вы мне говорили тогда, в той библиотеке? *Честность и вера.* Помните? Полная противоположность страху. Честность и вера. Что скажете?

– Не знаю, – задумчиво прошептала Сара. – Это так трудно. Верить. Верить и доверять. Сэм смотрел на нее в упор, не отрывая взгляда.

Вдруг верхняя губа Наоми вздернулась, а нижняя – на долю секунды – выпятилась в форме трубочки.

– *Пошли вы в задницу!* – проревела она. – Понятно вам, Сэм Пиблс? *Убирайтесь вон!*

Сэм продолжал смотреть во все глаза. Вдруг она вздернула руки и устало прижала

пальцы к вискам.

– Господи, Сэм, я не хотела... Простите. Сама не понимаю, что на меня нашло. *Голова, Сэм... Господи, она просто раскалывается!*

Тем временем поезд, отчаянно гудя, прогремывал по мосту через Провербия-Ривер. Это был дневной товарняк, который шел транзитом, не останавливаясь до самой Омахи. Сэм уже видел локомотив и первые вагоны.

– Времени у нас в обрез, Сара. Нужно действовать. Отвернитесь от меня и смотрите на поезд.

– Хорошо, – вдруг согласилась она. – Не знаю, что вы задумали, Сэм, но я на все согласна. Если же вдруг поймете, что у вас не получается, то просто столкните меня вниз, под колеса. А остальным скажете, что я сама прыгнула. – Наоми устремила на него молящий взгляд. – Наши знают... они сами видели, как я себя чувствовала в последнее время. От них ведь ничего не скроешь. Вам поверят, вот увидите. Я ведь и в самом деле не могу больше это вынести. Я не хочу, чтобы так продолжалось. А главное, Сэм, я и на самом деле *готова* наложить на себя руки.

– Замолчите! – твердо сказал он. – Мы не станем говорить о самоубийствах. Смотрите на поезд, Сара, и помните: я люблю вас.

Наоми отвернулась и посмотрела на поезд; до него было около мили, он быстро приближался. Приподняв обе руки, она снова притронулась к своему затылку. И Сэм... увидел то, что высматривал. Прямо на белоснежной шее. Он знал, что менее чем в полудюйме проходит ствол ее мозга, и содрогнулся от отвращения.

Мерзкое волосистое образование было покрыто паутинкой белых нитей, под которым скрывалось *она* – розовая масса, пульсирующее желе, которое сокращалось в такт биению сердца Наоми.

– *Оставьте меня в покое!* – вдруг завизжала Арделя Лорц голосом женщины, которую так любил Сэм. – *Убирайтесь отсюда, вы, ублюдок хренов!*

Однако Сэм не обращал внимания. Приподняв сзади волосы Наоми, он спросил:

– Вы можете различить номер на локомотиве?

Она лишь слабо простонала в ответ.

Сэм раскатал липкий, пропахший солодкой комок в лепешку размером чуть больше паразита, затаившегося на нежной шее любимой.

– Продиктуйте его мне, Сара. Мне нужны эти цифры.

– Два... шесть... о, Сэм, какая нестерпимая боль... словно кто-то пытается разорвать мой мозг на две половинки...

– Не отвлекайтесь, Сара, – прошептал Сэм, прикладывая красную лепешку к омерзительной пульсирующей массе.

– Пять... девять... пять...

Сэм плотно прижал лепешку к розовой пакости и придавил, чувствуя, как барахтается тварь под липким покрывалом.

А вдруг она вырвется на свободу? Вдруг вылезет, прежде чем я смогу ее отодрать? Ведь вся эта итуковина насквозь пропитана концентрированным ядом... что, если он прольется?

Локомотив пронзительно засвистел. И в этом громком свисте потонул возглас боли.

– *Не двигайтесь!*

Сэм рванул лепешку на себя, одновременно подворачивая ее края и сжимая. Есть! Тварь была пленена в липкой массе, где извивалась и пульсировала, словно крохотное сердечко. На шее Сары остались три крохотные красные точки, как от булавочных уколов.

– *Прошло!* – выкрикнула Сара. – *Сэм, меня отпустило!*

– Нет еще, – с мрачной решимостью произнес он.

Красный комок на его ладони судорожно сжимался и разжимался. Гадина рвалась на свободу. Если она...

Поезд уже миновал депо и платформу, возле которой когда-то человек по имени Брайан

Келли швырнул Дейву Данкену несколько монет прямо в придорожную грязь. Состав стремительно приближался.

Сэм побежал к рельсам.

– Сэм, куда вы?

– Сюда, Арделия! – хрипло пробормотал он.

И осторожно положил пульсирующий комочек на рельс. Поезд был уже менее чем в пятидесяти ярдах.

Скорее умом, чем ушами, Сэм услышал вопль ярости и ужаса. Пятясь, он смотрел во все глаза, как отчаянно сражается за жизнь существо – *нечто*, – заточенное внутри липкой солодковой массы. И вдруг... оболочка лопнула, внутри мелькнуло розовое желе, и в это мгновение дневной товарный поезд на Омаху обрушился на мерзкую тварь всей своей чудовищной массой, дробно гремя колесами, безжалостно перемалывающими розовое *нечто*.

В ничто.

Истошный вопль в мозгу Сэма оборвался, словно обрубленный топором.

Он повернулся к Саре. Ее взгляд был полон безмерной радости, она была ошарашена, точно не могла поверить в случившееся. Сэм обнял ее за талию и, приподняв, прижал к себе. Товарный состав – вагоны, цистерны, контейнеры на платформах – с грохотом проносился в нескольких ярдах от них.

Так и стояли, молча, прижавшись друг к другу, пока поезд не миновал их. Проводив взглядом удаляющиеся на Запад красные огни, Сара легонько отстранилась и посмотрела на Сэма.

– Боже мой, неужели я теперь *свободна*? Неужели ее больше нет, Сэм? Я просто поверить в это *боюсь*.

– Вы свободны. Ваш штраф тоже уплачен сполна. Навсегда и навечно. Понимаете?

Вместо ответа Сара начала покрывать глаза, щеки и губы Сэма быстрыми и нежными поцелуями. И смотрела на него во все глаза.

Наконец Сэм взял ее за руки и произнес:

– Давайте вернемся в дом, Сара. Отдадим последний долг Дейву. Да и друзья ваши, наверное, уже волнуются за вас.

– Они могут стать и вашими друзьями, Сэм... Если захотите.

Он кивнул:

– Да, Сара. Я хочу. Очень хочу.

– Честность и вера, – прошептала она, легонько прикасаясь к его щеке.

– Да, Сара, это святые слова. – Поцеловав ее, Сэм учтиво согнул руку в локте. – Позвольте вас проводить, мэм.

Сара взяла его под руку и улыбнулась.

– Куда угодно, сэр. Хоть на край света.

И они рука об руку побрели через лужайку к Ангол-стрит.